Лейла Хугаева

Теория психической энергии вместо Социологии и Психологии

Тождество народного и научного суверенитета

Издательские решения
По лицензии Ridero
2020

УДК 1
ББК 87
Х98

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Хугаева Лейла
Х98 Теория психической энергии вместо Социологии и Психологии : Тождество народного и научного суверенитета / Лейла Хугаева. — [б. м.] : Издательские решения, 2020. — 300 с.
ISBN 978-5-4498-0834-9

Эта книга расскажет о том, как кризис социальных наук стал камнем преткновения для развития теории народного суверенитета, и поставил под угрозу политическую свободу граждан. Противостояние естественного и позитивного права в итоге закончилось победой последнего. Силовые институты подавили научные институты. Как вновь вдохнуть жизнь в естественное право на базисе теории психической энергии. Какую роль будет играть в становлении естественного права международное сообщество ученых.

УДК 1
ББК 87

ISBN 978-5-4498-0834-9

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Когда Конт вводил термин «социология» он разумел «социальную физику», то есть науку, которая будет изучать естественные законы общества также как законы физики.

Разумеется, он не признавал таковой диалектический материализм Маркса, который как и диалектика Гегеля не имеет никакого отношения к изучению естественных законов общества (и тем не менее Маркс, странно что не Гегель, признан одним из основоположников социологии).

Конечно же, он не мог иметь в виду и философию неокантианцев о том, что общество не имеет естественных законов и потому не имеет общечеловеческой природы, поскольку каждую эпоху и каждый народ можно только интуитивно прочувствовать. Тем не менее, Макс Вебер также считается одним из основоположников социологии.

Наконец, Дюркгейм всецело разделял позицию Конта о социальной физике, о наличии естественных законов в обществе, открытие которых позволит нам познать общечеловеческую природу.

Но почему же ни Дюркгейм, ни сам Конт нисколько не приблизили нас к познанию этой природы?

Потому что социология и психология неправильно представили объект исследования. Невозможно разделить человека как объект исследования между социологией и психологией, невозможно отделить индивида от общества. Вот почему любая психология социальная, и всякая социология — психологична.

Мне пришлось проделать всю эту аналитическую работу, чтобы понять, как будет называться моя следующая книга: «Теория психической энергии вместо Социологии и Психологии»

Да, теория психической энергии изучает силовые поля психики, которые одинаково включают и индивида и общества.

И это реальная социальная физика. Неслучайно, Оствальд, Фрейд, Дюркгейм, Тойнби пишут о психической энергии, но пока больше в качестве метафоры. Однако, никакой метафоры — самая реальная, самая строгая социальная физика.

Социология, в основе которой по большей части философия субъективизма неокантианцев, оправдывает и обосновывает позицию Гоббса, который по выражению Полока «утопил этику в положительном праве».

Действительно, отрицание объективных законов природы в обществе, противопоставление естественных и гуманитарных (социальных) наук, ведут к утверждению юриспруденции как единственно верной и самостоятельной социальной науки. Естественное право, которое видит своим источником законы природы человека, его врожденную нравственность, психологию, — отрицается. И только положительное право, устанавливаемое договором и угрозой наказания (силовыми институтами общества) признается единственной основой этики и порядка.

Теории естественного права и положительного права — противоположные теории, поскольку в первом случае врожденная этика человека трактуется как источник права, а во втором случае, напротив, утверждается, что врожденная нравственность у человека отсутствует.

Именно право своим законотворчеством вводит нормы общественного поведения, то есть право является источником этики, а не наоборот. Так говорили Аристотель, Макиавелли, Гоббс, Боден, Кант, Гегель, Фрейд, Вебер, Шмитт, Поппер и др., теоретики положительного права.

В свою очередь Платон, Цицерон, Спиноза, Декарт, Локк, Сидней, Кондорсе, Монтескье, Гроций, Руссо, Пейн, Мильтон, Милль, Конт, Спенсер, Рассел, Кропоткин, Ганди, Прудон — теоретики естественного права. Они считали, что человек имеет врожденную этику, которая одна только и может быть источником юридических законов общества.

Современная теория суверенитета является компиляцией этих двух противоречивых теорий. Идея положительного права

представлена в ней доктриной государственного абсолютизма, которая является ее логическим развитием; а идея естественного права представлена в ней доктриной народного суверенитета. В первом случае утверждается, что верховенство власти принадлежит правительству, во втором случае — народу. Макиавелли, Гоббс и Боден, будучи авторами теории государственного абсолютизма, категорически возражали против участия народа в управлении и законотворчестве. Локк, Руссо, Пейн, Сидней, Мильтон, Монтескье — категорически восставали против узурпации власти правительством, настаивая на народоправстве.

Считается, что современная теория суверенитета разрешила этот конфликт, подчинив и народ и правительство в одинаковой степени — закону. Верховенство права вместо верховенства власти правительства — таково по мнению современных юристов окончательное решение трудностей противопоставления государственного абсолютизма и народного суверенитета.

Однако, если верховенство права логически вытекает из теории естественного права, как юридическое закрепление научной истины, знаний о врожденной природе человека, то оно совершенно никак не следует из положительного права, где источником этики выступает власть правительства. В частности, теоретики пропутинской доктрины государственного абсолютизма настаивают на фиктивности как самого понятия «народа» как «юридического лица», так и понятия «народного суверенитета» и обосновывают необходимость «упорядоченной иерархии власти» во главе с абсолютным сувереном.

Поэтому подчинение правительства и народа верховенству права осталось лишь формальностью. Сторонники положительного права по прежнему стремятся к государственному абсолютизму, который сосредотачивает все рычаги законотворчества и управлению в руках правительства, а сторонники естественного права — к народному суверенитету, который сосредотачивает законотворчество и управление в руках самого народа. В первом случае речь идет о господстве и подчинении, о «властвую-

щих и подвластных», а во втором случае о самоуправлении народа, о демократии или народоправстве.

Понятно, что логическим развитием теории естественного права будет научное управление в обществе или научный суверенитет. Народ не может быть юридическим понятием, но этическим и психологическим, как выражение закономерностей общей человеческой природы. Эти закономерности и определяют и понятие «народа» и «общей воли» и народного суверенитета, как верховенства права. Научное управление обществом базируется на образовательной системе и уровне развития науки. Понятно, что на пути долгого прогресса разума, с такой проницательностью описанного в историческом эскизе Кондорсе, прибегать к юридизму, к законам, вводимым договором и силовыми институтами посредством парламентаризма и народного представительства, необходимо. Но важно при этом помнить, что конечной целью естественного права остается научное управление. Поэтому не столько важно разделение законодательной и исполнительной власти для гарантии демократии, сколько разделение научного и юридического управления в обществе. Последнее значит свободу науки от государственного вмешательства и участие научных институтов в законодательной деятельности своих стран, а также функционирование международного сообщества научного контроля, поскольку наука не может быть национальной и всегда обнимает все человечество.

Однако сегодня эти очевидные выводы и очевидное значение объективной социальной науки сокрыты под толстым покровом обскурантизма и софистики современной философии субъективизма.

Часть первая.

Дух

ГЛАВА 1. ТЕОРИЯ ПСИХИЧЕСКОЙ ЭНЕРГИИ И КАРТЕЗИАНСКИЙ ПЕРЕВОРОТ В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ

1. ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И СИЛА ДУХА

Есть три характерных для гуманистической философии положения, которые мы можем наблюдать в равной степени у Платона, Декарта и Спинозы:

1) Мир познаваем, внешний мир объективен и существует независимо от воли и сознания человека

2) Интеллект одинаково присущ как человеку, так и внешнему миру и представляет собой разные части единой субстанции; этот интеллект постоянен и неизменен

3) Интеллект представлен активным и пассивным началом:

— У Платона это Ум и Истина, на которые распадается Благо (интеллект)

— У Декарта — это Мышление и законы природы протяженного мира, субстанции духа и материи, на которые распадается субстанции Бога, породившая общие для обоих миров законы природы

— У Спинозы — это активный разум, составляющий часть души и вся остальная субстанция природы, которые относятся друг к другу как часть к целому

Как мы увидим, эти три положения очень важны для определения разумной энергии психики. Собственно, эта философия

и положила начало изучению этой энергии. «Мыслю, следовательно, существую» Декарта вполне можно было бы взять за краткое определение разумной энергии человека.

Если нам даны законы природы с одной стороны, способность к мышлению (то есть познанию этих законов) с другой стороны, то энергия человека будет состоять в способность познавать эти законы и контролировать их. Мы уже знаем, что контроль законов природы открывает доступ к природным энергиям (механической, электрической, биологической, атомной и тп). Поэтому мы назвали эту энергию контрольной энергией, чтобы отличать ее от всего прочего физического мира представленного детерминированными энергиями природы. Безусловно разумная энергия человека также детерминирована законами природы, но в отличии от всех прочих энергий она способна к познанию этих законов (в том числе законов своей собственной природы). Вот почему разумная энергия человека одновременно и детерминированная и контрольная энергия, а электрическая энергия, к примеру, — всего лишь детерминированная.

Мы можем видеть, что понимание Духа как контрольной энергии психики, способной к познанию законов природы и контролю открытых, уже познанных энергий возможно только при данной интерпретации интеллекта, отношений физического и духовного миров. В этом случае Дух — это сила разума, которая растет и развивается по мере познания законов природы.

Схематически эту силу разума можно представить как силовое поле, образованное противоположными полюсами интеллекта: активным (мышлением) и пассивным (законами природы). А любовь к познанию, потребность в познании, которую испытывает любой здоровый человек как «силу притяжения», эмоции психики, образующие тот самый поток психической энергии, который мы изучаем. Контрольную энергию психики. Это силовое поле, образуемое законом сохранения силы психики, полюса которого определяют всю специфику психики здоровых (!) людей. А именно удовольствие познания, сочувствия, справедливо-

сти с одной стороны и боль от недостатка знаний и неспособности получить их, несправедливость и сострадание с другой. То, что гуманистическая психология называет полем совести. Но главное — это Свобода доступа к природным энергиям с одной стороны и свобода оставаться самим собой с другой стороны. То, что Спиноза столь проницательно определили как «осознанную необходимость», то есть познание и контроль законов природы.

2. КРИТИЧЕСКАЯ И ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И КОНЕЦ СИЛЫ ДУХА

Напротив, критическая философия Канта и все последовавшие школы субъективизма и антиинтеллектуализма (Шопенгауэр, Ницше, Сартр) исходят из противоположных положений:

1) Мир непознаваем; мы не можем знать мир «вещей в себе», сущее скрыто, а то, что нам является — есть проекция нашего сознания.

2) Разум — это субъективное свойство человека, чуждое миру «вещей в себе». Познание — это игра разума с самим собой, самопознание, применение готовых априори к явлениям, не имеющая ничего общего с познанием реального мира

3) Разум абсолютно свободен в моральной сфере самостоятельно устанавливать себе законы поведения, никак не согласовывая их с опытом

Казалось бы, вместо ограниченной силы Контроля неизменных объективных законов природы мы получили абсолютную свободу разума делать все, что ему заблагорассудится. «Дух», если он вообще существует, должен был стать значительно сильнее, а он бесконечно ослаб. Вот, например какой оказалась «абсолютная свобода» индивидов Канта на практике:

> *«Каково бы ни было происхождение верховной власти, предшествовал ли ей договор о подчинении, или же власть явилась сначала, и потом уже установился закон — для народа, который находится под владычеством гражданского закона, все это бесцельные и угрожаю-*

> *щие государству опасностью рассуждения. Закон, который столь священен, что было бы преступлением хотя бы на мгновение подвергать его сомнению, представляется как бы исходящим не от людей, а от высшего законодателя. Таково именно значение положения: «Всякая власть происходит от Бога». Оно выражает не историческую основу государственного устройства, а идею или практический принцип разума, который гласит: «Существующей законодательной власти следует повиноваться, каково бы ни было ее происхождение».*

П. И. Новгородцев пишет по этому поводу, цитируя Канта:

> «Элементы учения Гоббса вновь вторгаются в эту политическую систему. Требование народовластия сменяется девизом английского абсолютиста. Очевидно, это уже нечто большее, чем принцип суверенитета, ибо и простые рассуждения по поводу власти отвергаются как бесцельные и опасные умствования. Этот результат не вполне сходится с тем другим требованием, которое шло из глубины нравственного сознания. Там требовалась свобода, автономия воли, царство лиц как целей; теперь нам говорят о безусловном подчинении и священном характере власти. Но такова уж была доктрина, соединившая в себе самые разные мотивы — этические и практические, либеральные и консервативные. Не без основания сравнивают ее с головой Януса, глядящей в разные стороны».

«Тошнота» Сартра — другой яркий пример разложения Духа, сила которого в интеллекте и познании: «Я был свободен», пишет Сартр, но эта свобода напоминала смерть».

> *«В самом деле, все, что я смог уяснить потом, сводится к этой основополагающей абсурдности. Абсурдность — еще одно слово, а со словами я борюсь: там же я прикоснулся к самой вещи. Но теперь я хочу запечатлеть абсолютный характер этой абсурдности.*
> *Я свободен: в моей жизни нет больше никакого смысла — все то, ради чего я пробовал жить, рухнуло, а ничего другого я придумать не могу. Я еще молод, у меня достаточно сил, чтобы начать сначала. Но что начать? Только теперь я понял, как надеялся в разгар моих страхов, приступов тошноты, что меня спасет Анни. Мое прошлое умерло, маркиз де Рольбон умер, Анни вернулась только для того, чтобы отнять у меня всякую надежду. Я один на этой белой, окаймленной садами улице. Один — и свободен. Но эта свобода слегка напоминает смерть»*

Сартр Тошнота

Философия Шопенгауэра сводится к выводу о необходимости отказа от воли к жизни, чем достигается конец буддийской жизни-страдания.

> *«Единственный выход из этого порочного круга, по Шопенгауэру, не измышлять какие то общие принципы и нормы нравственного поведения, а проникнуться идеей всеобщего и неустранимого страдания. Для человека прошедшего через очистительное горнило страданий (не столько личного сколько однажды открывшегося ему вселенского страдания), важно уже не его настоящее, не забота о счастье и благополучии, не сама жизнь, наконец, а отрицание к самой воли к жизни как таковой, проявлением и утверждением которой и являются все человеческие заботы и цели. Истинно нравственная жизнь рисуется Шопенгауэром как отрешение от мира, как постоянное и свободное отрицание в себе воли к жизни»*

Кузьмина Т. Проблема субъекта в современной буржуазной философии

Заратустра Ницше — исповедь «разбитой души» «самого безобразного человека» «убившего Бога».

> *«О Заратустра, я устал, противны мне искусства мои, я не велик, для чего притворяюсь я! Но, ты знаешь это хорошо, — я искал величия! Великого человека хотел я представлять и убедил в этом многих; но эта ложь была свыше сил моих. Об нее разбиваюсь я.*
> *О Заратустра, все ложь во мне; но что я разбиваюсь — это правда во мне!»*

Ницше Так говорил Заратустра

Казалось бы, философия Гегеля, признав объективность внешнего мира и действительность познания, должна была бы вновь утвердить и силу Духа. Однако, и объективность мира и действительность познания оказываются фиктивными в диалектической философии в силу того факта, что понятие физического мира подменяется дубликатом человеческого сознания, представляющим собой «инобытие разума». Нет объективных неизменных законов природы, есть только мышление, которое творит самое себя и весь мир и находится в постоянном процессе изменения и становления. В итоге, субъективизм Канта ока-

зывается непреодоленным и Дух Гегеля оказывается такой же «мастурбирующей» ментальностью, определяемым самим собой, как и критический разум Канта.

Гегель облачившись в еще более пафосные одеяния свободы и объявив целью движения «Духа» — прогресс в свободе, предъявляет в конечном итоге философию фашиствующего рабства или рабского фашизма. Свобода превращается в неуловимую абстракцию придуманного надчеловеческого духа, а конкретные индивиды объявляются средствами для этого духа в ведении войн и управлении государствами. Причем собственная мотивация индивидов только иллюзия, «хитрость разума», которая ведет индивидов к своей цели, известной только ему самому (а он еще нападал на «кантовскую «вещь в себе»). Дух приравнен к государству, государство к свободе, так что и дух и свобода есть у государства, но ничего похожего нет у обычных людей.

Неудивительно, что когда Маркс назвал его Дух — Материей, но сохранил диалектический метод, ничего не изменилось в философии Гегеля, принципиальное существо которой именно в этом методе. Теперь вместо духа появились классы, вместо государства диктатура пролетариата, которая также была объявлена прогрессом в свободе. И опять конкретные индивиды оказались только отражением борьбы классов и рабами диктатуры пролетариата. А диалектическое познание Маркса по степени бредовости ничуть не уступало диалектике Разума-абсолюта Гегеля.

Вот почему Гегель, которому так понравилось спинозовское определение свободы как осознанной необходимости, превратил это определение в фарс.

> «Еще в „Науке логики“ Гегель определил свободу как познание и реализацию необходимости, продемонстрировав на этом примере тождество противоположностей. В социальном плане противоположность свободы — рабство; злые языки уверяли, что для Гегеля между ними нет разницы: тиранию деспотической прусской монархии он выдает за реализацию принципа свободы»

А. Гулыга Гегель

В итоге, как критическая философия Канта, так и диалектическая логика Гегеля уничтожили понятие о духе, как разумной человеческой энергии, сила которой в познании объективных законов природы.

3. ДВЕ СУБСТАНЦИИ ДЕКАРТА И ОСНОВНОЙ ИНСТИНКТ МАТЕРИАЛИСТОВ

Деление вселенной на контрольную энергию разума (Дух) и все прочие детерминированные энергии природы (материя) почти в точности соответствует картезианскому определению двух субстанций: мыслящей и протяженной.

> *«Однако сразу после этого я отметил следующее: пока я произвольно считал все вокруг ложным, неизбежно получалось, что сам я, мысливший таким образом, являюсь чем-то. И, увидев, что это истина, — я мыслю, а значит, я существую, — столь тверда и несомненна, что никакие даже самые хитроумные, предположения скептиков не в состоянии ее пошатнуть, я рассудил, что могу без колебаний принять ее в качестве первого основания искомой философии. Отсюда я заключил, что являюсь субстанцией, вся сущность или природа которой заключена в мышлении, так что для существования ей не требуется никакого места и она вообще не зависит ни от какой материальной вещи, а следовательно, мое „я“, то есть мыслящая душа, которая и делает меня тем, чем я являюсь, совершенно отлична от тела; более того, ее легче познать, чем тело и даже если бы этого последнего не существовало, душа все равно продолжала бы оставаться всем тем, что она собой представляет»*

Декарт Р. Рассуждения о методе

Из этого мы заключаем, что то, что Декарт называл независимым существованием разума и тела в человеке, на самом деле есть два вида природной энергии: психическая энергия (дух, разум) и биологическая энергия (материя, тело). Это не значит, что психическая энергия лишена материи, и Декарт признавал, что чувства и воображение являются модусами его мыслящей субстанции. Но Декарт не относил чувства к материи, так как они не были протяженными, нам же со времен от-

крытий силовых полей физики известно, что не вся материя является протяженной. Чувства, а именно любознательность и совесть составляют то самое силовое поле контрольной энергии разума, которое является его материей. Отличие разумной энергии от других энергий природы состоит не в ее нематериальности, а в ее способности к познанию и контролю законов природы, в том числе познанию и контролю законов своей собственной энергии (психической).

Даже с этими поправками теория психической энергии производит картезианский переворот в современной социальной науке, привыкшей трактовать человека как «разумное животное», обобщая вслед за Дарвином человека и животное в «единое царство» биологии. С дарвиновской точки зрения разум трактуется как слуга на службе потребностей биологии, как дополнительный орган, помогающий удовлетворять голод, пищевой и половой.

С картезианской точки зрения целью разума является истина сама по себе, в то время как целью животного является удовлетворение биологических потребностей. Соответственно, «человек — это ум, которому служат органы» согласно выражению другого француза. Как можно видеть, понимание человека в корне меняется, так что теперь не разум состоит на службе у тела, а напротив, тело обслуживает нужды разума в поисках истины. Сам Декарт, хотя и жил задолго до Дарвина, хорошо был знаком с философией «разумного животного» и энергично ей возражал:

> *«Разница между человеком и животным выясняется, как мы видим теми же двумя способами. Примечательно, что не существует человека настолько пустоголового и тупого, включая и сумасшедших, чтобы связав различные слова, передать речью мысль, доступную понимания собеседника; и наоборот нет никакого другого животного, включая лучших в своем виде и рожденных в самых счастливых условиях, способных сделать хоть что-то похожее. И виновато здесь не строение органов, потому что сороки и попугаи могут, как известно, произносить слова нашего языка, но не могут говорить как*

> *мы, то есть обнаруживать в словах свои мысли. Тогда как люди глухонемые от рождения, хотя органами речи способны пользоваться не лучше животных, изобретают обыкновенно знаки, посредством которых могут объясниться с теми, кто найдет время, оставаясь в их обществе, изучить их язык. Это доказывает не просто, что у животных разума меньше чем у людей, но что животные вовсе лишены разума. Ведь известно как мало ума требуется, чтобы научиться говорить»*

Декарт Р. Рассуждения о методе

Со своей стороны хотелось бы добавить, что не существует и никогда не существовало животных, способных к научному мышлению, которое составляет сущность контрольной энергии человека, его разума.

Разумеется, речь не идет о механистическом подходе в трактовке животного, которую практиковал Декарт. Уже Оствальд отделил биологическую энергию от прочих детерминированных энергии на основе особенности в законе сохранения силы — как самосохранения. Поэтому хотя трактовка Декарта животных как роботов и машин кажется нам ложной, его четкое разделение уровней психики и биологии абсолютно справедливо.

Этот картезианский переворот в философии человека влечет к следующим основным положениям:

1. Не жизнь, не биологическое выживание является первой и фундаментальной целью и ценностью существования человека, а разум, истина и поле совести психической энергии человека.

2. Не половой инстинкт как у Фрейда и не экономическое производство как у Маркса являются «основным инстинктом» и центром активности человека. Его первейший, базовый фундаментальный инстинкт состоит в потребности знания, сотрудничества в поисках этого знания с другими людьми и сострадания (совести).

3. Не экономические и не политические институты общества являются ведущими и определяющими в строении данной

социальной структуры, но институты науки и образования. И уже от того, насколько успешно образование и наука в обществе будут зависеть успешность и эффективность всех прочих институтов.

4. Научная парадигма, согласно которой разум является инструментом обслуживающим биологическое выживание человека, породила лженауку, которая не только стала источником ложной информации и заблуждений, но также оказалась тормозом на пути развития реальной науки и нахождения истины. Одними из самых вопиющих заблуждений, порожденных неправильным пониманием природы разумного в человека стали доктрина научного «эгоизма» и развитии философии субъективизма, отрицания общей истины и общей человеческой природы.

5. Следствие ложной научной парадигмы стала ложная «медицинская» дисциплина — психиатрия, которая стремится объяснять особенности и характеристики психики, и в особенности ее патологию из закономерностей мозга. Понятно, что картезианский подход полностью опровергает возможность понимать и тем более воздействовать на психику через посредство мозга.

Познание и контроль психики — это познание и контроль закономерностей силовых полей психики.

ГЛАВА 2. СОЦИОЛОГИЯ КОНТА И ИЕРАРХИЯ НАУК

1. Социальная физика
2. Эмпиризм
3. Иерархия наук

1. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЗИКА

Дюркгейм довольно точно сформулировал, в чем состояла заслуга Конта как основателя социологии. То, что детерминистами древности формулируется еще только как общая философия об общих законах человеческой природы, Конт постулирует в качестве естественной науки об обществе.

> *«Конт утверждал в качестве очевидной истины (впрочем, теперь неопровержимой), что психическая жизнь индивида подчинена необходимым законам. С этой точки зрения общества переставали выступать как нечто вроде бесконечно податливой и пластичной материи, которую люди могут, так сказать, лепить по своей воле; с этих пор в них нужно было видеть реальности, природа которых нам навязывается и которые могут изменяться, как и все естественные явления, только сообразно управляющим ими законам. Мы оказываемся, таким образом, перед лицом устойчивого, незыблемого порядка вещей, и настоящая наука становится возможной. Эта чисто умозрительная наука есть социология. Чтобы лучше показать ее связь с другими позитивными науками, Конт часто называет ее социальной физикой. Иногда утверждалось, что эта точка зрения заключает в себе нечто вроде фатализма. Если сеть социальных фактов столь крепка и прочна, то не следует ли отсюда, что люди неспособны ее изменять и, стало быть, не могут воздействовать на свою историю? Но пример того, что произошло в изучении других сфер природы, показывает, насколько этот упрек необоснован. Наоборот, как много изменений мы произвели во вселенной, с тех пор как сформировались позитивные науки (а они сформировались на основе*

> *постулата детерминизма). Точно так же будет и с социальным миром. Еще совсем недавно продолжали думать, что все в нем произвольно, случайно, что законодатели или государи могут, подобно алхимикам былых времен, по своему желанию изменять облик обществ, переводить их из одного типа в другой. В действительности эти мнимые чудеса были иллюзией. Наоборот, именно социология, открывая законы социальной реальности, позволит нам более обдуманно, чем ранее, управлять исторической эволюцией, так как мы можем изменять природу, как физическую, так и моральную, только сообразуясь с ее законами»*

Дюркгейм Значение социологии

Открыть законы природы, управляющие законами общества — такова цель его научных изысканий. Он признает человека и общество неотъемлемой частью природы и встраивает социологию естественнонаучный ряд его иерархии наук. Он пишет о «социальной физике», которая позволит открыть общие закономерности человеческой природы.

> *«Оно позволяет непосредственно признать за главный центр позитивного синтеза раскрытие истинной теории человеческой эволюции, одновременно индивидуальной и коллективной. Ибо всякая решительная разработка этой конечной цели тотчас пополняет общее понятие о естественном порядке и необходимо возводит его в основной догмат всеобщей систематизации, постепенно подготовляемым всем умственным движением современных народов. Благодаря непосредственному содействию научных трудов, появившихся за последние три века, в этом отношении остался серьезный пробел только касательно явлений моральных и в особенности социальных. Доказав существование непреложных законов также относительно этих двух классов явлений, путем предварительной систематизации всего прошлого человечества, современный ум завершил свое трудное предприятие и поднявшись на единственную точку зрения, откуда можно все обнять взором, построит свой окончательный образ мыслей»*

О. Конт Общий обзор позитивизма

Результатами его социологических изысканий стали несколько основных положений:

— Эволюция человечества качественно отличается от эволюции животного мира и представляет собой эволюцию мышления.

Последняя представлена тремя стадиями: мистической, метафизической и научной (позитивистской).

«Хотя, — оговаривается Конт, — наш слабый ум при этом несомненно и необходимо нуждается в первом толчке и постоянном возбудителе, что производится желаниями, страстями и чувствами, все же он является для них необходимым руководителем, который всегда должен был направлять весь человеческий прогресс. Лишь таким путем и благодаря все более ярко выраженному влиянию ума на общее поведение людей и общества, последовательный ход развития человечества мог, действительно, приобрести эти характерные черты прочной закономерности и длительной устойчивости, которые так глубоко отличают человеческий род от смутного, несвязанного и бесплодного развития высших пород животных»

— Учреждения общества напрямую зависят от стадии эволюции сознания и определяются ими:

> *«Духовный фактор главенствует в социальной динамике точно также, как он главенствовал в социальной статике. И там, и там, изменения в духовной сфере сопровождаются изменениями во всех остальных областях общественной жизни, так что все духовное — социально, являясь социальным в самом широком смысле слова.*
> *Основной закон социальной динамики (он же «закон прогресса») заключается, следовательно, в том, что каждый подъем, каждый толчок духа вызывает — в силу универсального консенсуса — соответствующий отклик во всех без исключения общественных областях — искусстве, политике, индустрии. И везде дух играет руководящую роль, образуя силовой центр социальной революции.*
> *В этом состоит интеллектуалистский принцип философии истории Конта, согласно которому философское мировоззрение каждого данного исторического этапа выступает как основной фактор генезиса и последующего развития социальных явлений»*

Ковалев А. Д.
История теоретической социологии

— Становление социологии говорит о приближении позитивистской стадии в развитии общества, управление которым бу-

дет осуществлять наука. И соответственно о промежуточном характере юридического управления.

> *«На первой стадии религиозно-теологический ряд доминирует над государственно-политическим. На второй наоборот — государственно-политическая (государственно-правовая, метафизически-юридическая) сфера определяет судьбу всех остальных — от техники и науки до этики и искусства; но прежде всего судьбу теологии и религиозного знания в целом. Наконец на третьей стадии, согласно гипотезе Конта, должно утвердиться господство позитивной, то есть „подлинно научной", философии над всеми остальными сферами социальной жизни»*

Ковалев А.Д
История теоретической социологии

Несмотря на то, что Конт совершает общую его времени ошибку (за исключением может быть Леви-Брюля, четко указывавшего на качественное различие этих двух состояний сознания и Кондорсе, писавшего об истории как противоборстве разума и мистики), располагая мистику первобытного мышления и позитивизм научного мышления в один количественный ряд, так словно бы одно развилось из другого, эти его доктрины оказали большое положительное воздействие на развитие науки об обществе. Что касается последнего пункта о противопоставлении юридического и научного управления — то Конт, если не считать Прудона, был чуть ли не единственным мыслителем который так четко поставил и сформулировал проблему.

Тем не менее, как мы увидим ниже, в своей основной цели, которую он ставил — развитие наук о духе — он не продвинулся нисколько или в лучшем случае сделал несколько карликовых шагов.

2. ЭМПИРИЗМ

«Психологи, опирающиеся на эту
объективистскую, накопительную, лишенную
ценностей, нейтральную модель науки,

которая подобно строящим коралловый риф моллюскам пытается слепить частные факты о том и о сем в нечто целое, эти психологи не то чтобы неправы, а скорее просто банальны в своем мышлении.»

Абрахам Маслоу Дальние рубежи человеческой природы

Между тем влияние позитивизма на психологию было столь нехорошо, что Гордон Олпорт, выдающийся психолог 20 века, вынужден был констатировать, что психология стала дисциплиной без реального объекта исследования, из нее выпало сознание человека, его личность, его «Я»:

> «Полный упадок понятия души и частичный упадок Я произошел, в частности, как я уже сказал, благодаря росту позитивизма в психологии. Позитивизм, как всем нам известно, является программой морального перевооружения, императивы которой включают абсолютный монизм, абсолютную объективность и абсолютный редукционизм, — короче говоря, абсолютную непорочность. С этой аскетической точки зрения субъективные убеждения подозрительны, Я выглядит несколько неприлично, а любой намек на метафизику (то есть непозитивистскую метафизику) отдает слабостью. Как пояснил Гарднер Мэрфи, из психологии Я престижа не извлечешь».

Гордон Олпорт

Это связано с воинствующим эмпиризмом позитивистской теории Конта, которая объявила своим лозунгом «очищение наук от метафизики». При этом под метафизикой понимались любые исследовательские методы, отличающиеся от эмпирической концепции обобщения чувственного опыта.

Разумеется, Конт был прав, когда говорил о вредном влиянии метафизики. Мы могли ясно наблюдать это на примере критической философии Канта или диалектической философии Гегеля. Однако, в данном случае эти теории не соответствуют научному критерию не потому, что знания представленные ими не были получены индуктивным путем. А потому, что у них в принципе нет связи с реальностью. Это формальная логика,

оторванная от действительности, при чем авторы прямо заявляли об этом разрыве. Однако, если бы диалектика Гегеля представила систему законов природы посредством которой можно было бы контролировать какую то конкретную природную энергию, скажем психическую, она оказалась абсолютно научной теорией, необходимо и достаточно удовлетворяющей условиям связи теории с практикой.

Эмпиризм Конта дает только негативное определение метафизики — это все то, что не есть обобщение чувственного опыта. Даже если вы подобно Максвеллу, записавшему уравнения электромагнитных волн, сможете впоследствии доказать их истинность контролем энергии электромагнитных волн на практике — вы все равно метафизическое ничтожество, не имеющее отношения к науке.

В этой связи Дух, то есть психическая энергия, которую уже начали изучать Платон, Декарт и Спиноза, полностью исчезает из научной картины Конта. Об этом с горьким сожалением напишет один из самых его восторженных последователей, Джон Милль. Об этом говорят метры современной психологии.

Платон, Декарт и Спиноза сумели рассмотреть закономерности психики как двух антагонистичных энергий: связь здоровой энергии с интеллектом, патологии с невежеством. Сегодня их прозрения углублены и исследуются в гуманистической психологии. У Конта Дух и сознание исчезают из поля зрения, а его современные последователи больше интересуются зоопсихологией и бихевиоризмом. Более того, он вообще исключил психологию из своей иерархии наук, заменив ее на социологию. Впрочем, позже он был вынужден добавить этику.

> *«Отдавая предпочтение видимому, внешнему, позитивизм (операционализм) утверждает, что методики эксперимента и измерения должны быть специфицированы в определении каждого понятия. Идеалом этого строгого требования является построение психологии в одну шеренгу с физикой и математикой и достижение, таким образом, единства науки. Позитивизм стремится свести абстрактные понятия к данным наблюдения или к процессу наблюдения как таковому. Несмотря на то, что словесный отчет с неохотой признается опера-*

цией, допустимой в определенных условиях, скудость результатов, вытекающая из применения операциональных критериев, тормозит исследование сознания как такового и личности как сложной структуры, так как в этих областях можно выполнить, повторить и зафиксировать извне относительно немногие конкретные операции. Именно из-за этого многие психологи не проявляют интереса к экзистенциальному богатству человеческой жизни. Они говорят, что у них нет методов. Точнее, имеющиеся методы ущербны с точки зрения строгих требований, лежащих в основе современного позитивизма. Стремясь соревноваться с „настоящими“ науками, психологи поддаются искушению работать только над теми проблемами и лишь с теми объектами, которые отвечают принятым критериям. По этой причине зоопсихология и математическая психология оказались высокоразвитыми. Позитивистский идеал настолько доминирует, что другие области психологии воспринимаются как не вполне серьезные».

Гордон Олпорт

В конечном итоге и Конт не преодолел общей для всех социологов ошибки социального реализма и гипостазировл общество в некое Верховное Существо, представляющее весь людской род. В отношении к этому Верховному существу реальные люди, конкретные индивиды оказывались только средствами в достижении его целей.

Тем не менее, в своих спонтанных прозрениях Конт писал о психических закономерностях, движущих общество, интуитивно разглядев две энергии психики, о которых пишут гуманистическая философия и психология.

«Человечество предназначено к тому, чтобы разрешить великую проблему человеческой жизни, а именно обеспечить преобладание альтруизма над эгоизмом; такая задача может быть решена в действительности: назначение наше постоянно влечет нас к осуществлению вышеуказанного преобладания; его реализация никогда не будет достигнута, но служит наилучшим мерилом постоянного прогресса человечества»

Конт Система позитивной политики

Однако, эти интуитивные прозрения были мало полезны, так как трактовали альтруизм как принесение в жертву индивидов Верховному существу человеческого рода.

3. ИЕРАРХИЯ НАУК

Джон Милль писал с большим восторгом о «Курсе позитивной философии» Конта и в частности о его иерархии наук (в отличии от «Системы позитивной политики»). Он говорит, что до сих пор никому не удалось опровергнуть Конта или предложить лучшую их систематизацию.

> «Отношение, существующее в действительности между различными родами явлений, дает возможность расположить науки в таком порядке, что проходя по этому порядку нам не придется выходить из области действия известных законов, но только познакомиться с добавочным на каждом шагу. В этом то порядке Конт и предложил сгруппировать науки. Он располагает науки в восходящий ряд по степени сложности их явлений, так что каждая наука находится в зависимости от истин всех других наук, ей предшествующих, с присоединением еще частных истин, собственно ей принадлежащих.
> 1. Математика: наука о числе, геометрия, механика (числовые истины верны относительно всех вещей и зависят только от своих собственных законов)
> 2. Астрономия (явления астрономии зависят от этих трех классов законов и кроме того от закона тяготения)
> 3. Физика (предполагает математические науки, а также и астрономию и свои собственные законы теплоты, электричества и др)
> 4. Химия (зависит от всех предыдущих законов и добавляет свои собственные специальные, периодический закон и др)
> 5. Биология (явления физиологические зависят от законов физики и химии и сверх того от своих собственных)
> 6. Социология (наука о человеке и обществе)
> Наука социальная, как самая сложная из всех, по мнению Конта, совсем еще не достигла позитивной степени развития, а все время являлась предметом бесплодной борьбы теологического вида мышления с метафизическим. Сделать эту науку, высшую из всех, позитивною — было главной задачей Конта, и он думал, что исполнил эту задачу»

Дж. Ст. Милль Огюст Конт
и позитивизм

Иерархия наук Конта по существу является разрешением знаменитого спора между энергетиками (Оствальд) и атомиста-

ми (Больцман) в физике. Разумеется, энергетики были неправы, отказываясь признавать атомно-молекулярную теорию. Об этом писали все от Планка и Эйнштейна до Ленина. Но и атомисты были неправы, утверждая, что мир в науке будет представлен только атомистической картиной. Мир, взятый в разрезе физики, всегда будет атомистическим, и даже разложение атома на взрыв также часть атомистической концепции энергии.

> «Соответственно этому было сделано предположение, что атомы неразрушимы и что все изменения в физическом мире состоят просто в перераспределении неизменных атомов. Этот взгляд господствовал до открытия радиоактивности, когда было обнаружено, что атомы способны разлагаться. Нимало не смутившись, физики изобрели новые и более мелкие единицы, названные электронами и протонами, из которых состоят атомы. В течение нескольких лет предполагалось, что эти частицы обладают той неразрушимостью, которая ранее приписывалась только атомам. Но, к несчастью, оказалось, что протоны и электроны могут сталкиваться и взрываться, образуя не новую материю, но волну энергии, распространяющуюся во Вселенной со скоростью света. Энергия должна была заменить материю в качестве некоего вечного начала»

Бертран Рассел История западной философии

Но, как мы можем видеть из иерархии наук Конта, есть разные уровни постижения вселенной. Мир на уровне биологии, хоть и включает в себя физику, но уже определяется совершенно другими законами.

> «Живая клетка состоит исключительно из атомов углерода, азота и т. д., которые изучают физико-химические науки. Однако, хотя в клетке имеются только минеральные вещества, последние, комбинируясь определенным образом, порождают свойства, которых у них нет, когда они так не скомбинированы, и которые характерны для жизни (способности питаться и размножаться); они образуют, стало быть, благодаря факту их синтеза, реальность совершенно нового рода, реальность жизни, которая составляет объект биологии»

Дюркгейм Значение социологии

А мир на уровне астрономии, то есть механистическую картину мира, можно представить вообще без знания атомно-молекулярной теории. И тем не менее, мы будем иметь знание о механической энергии.

Получается, что каждый отдельный уровень этой иерархии наук, являясь достаточным знанием для понимания и контроля определенной сферы мира, представляет знание о различных природных энергиях. Механическая, физические, химическая, биологическая. И это нисколько не ущемляет атомно-молекулярную теорию, потому что в нашем определении энергия –это система законов природы, открывающая доступ к контролю природных сил. В том числе и законов атомно-молекулярного строения мира.

В интерпретации Оствальда энергия имела совершенно другое определение. Он понимал энергию как материю, превращения которой согласно закону сохранения энергии можно количественно посчитать. Эти измерения превращений энергии он и предлагал в качестве «эвристического универсального метода», который должен заменить все наши прочие знания о мире, в том числе атомно-молекулярную теорию. Поэтому Ленин (и др были согласны с ним), называл его «старым материалистом», «крупным химиком, но мелким философом».

Энергия как системы законов природы не имеет ничего общего с материализмом и эмпиризмом, выражая фундаментальный принцип рационализма о постижении мира разумом. Законы природы, в данном случае, — это идеи, которые составляют форму материального мира.

Вот что говорят Эйнштейн и Мах, противопоставляя рационализм эмпиризму:

> *«Мы видели, что закон инерции нельзя вывести непосредственно из эксперимента, его можно вывести лишь умозрительно — мышлением, связанным с наблюдением. Этот идеализированный эксперимент никогда нельзя выполнить в действительности, хотя он ведет к глубокому пониманию действительных экспериментов». Эйнштейн и Инфельд Эволюция физики*
>
> *«Кому понятие кажется висящим в воздухе идеальным образованием, которому не соответствует ничего действительного, тому следует*

принять в соображение следующее. Как самостоятельные физические „вещи“ абстрактные понятия, конечно не существуют....Руководящая роль абстракции в научном исследовании очевидна. Абстракция поэтому есть метод отыскания принципов....выставленные Ньютоном в его „Принципах“ законы движения представляют собой вообще превосходные примеры открытия при помощи абстракции....Гениальный интеллект именно тем и отличается от нормального, что он быстро и точно предвидит успех интеллектуального средства. Эта черта обща всем великим исследователям, художникам, изобретателям, организаторам и тп».

Эрнст Мах

Лейбниц, будучи рационалистом, оправдывался, что все рационалисты «на три четверти эмпирики», разумея под этим, что для того чтобы найти «идеи» природы, то есть ее законы, приходится переработать массу опытного материала. Однако, тот факт что законы природы открываются в ходе «критической» переработки фактов, не предполагает эмпиризма ни в какой степени. Эмпиризм вообще отрицает существование законов природы и истины, понимая под наукой описание чувственного опыта и поиск некоторых относительных регулярностей. Рационализм тем принципиально отличается от эмпиризма, что признает наличие законов природы и истины, постичь которые можно только через анализ чувственного опыта, поскольку законы природы только форма материи.

В этом смысле определение природных энергий как системы законов природы — это победа рационализма над эмпиризмом, в том числе над эмпиризмом Оствальда.

В то же время сохраняется его концепция о том, что научная картина мира будет представлена совокупностью различных природных энергий, но только не как некоего единого количества перетекающего в разные формы на основе закона сохранения энергии, а как различных уровней законов природы, открывающих доступ к различным ее силам. Первое определение материалистическое, второе — рационалистическое.

Таким образом, иерархия наук Конта опровергает его собственный эмпиризм и примиряет энергетику Оствальда с атоми-

стикой Больцмана. Однако, понятно что вслед за биологией не могут идти социология и этика на основе внутренней логики этой иерархии, но только теория психической энергии.

> «Однако, Конту не удалось сделать социологические исследования позитивными. Для этого надо открыть или доказать, проследив все их последствия, те из этих истин, которые способны служить связующей цепью в классификации наук. Истины эти должны относится к этой науке так, как закон равновесия и движения к механике, как закон тяготения к астрономии, как периодический закон к химии, как закон элементарных свойств тканей к физиологии. Как только такая операция исполнена, она характеризует конец эмпирического периода и дает возможность понимать науку как стройное и связное ядро учения. Вот чего не было сделано в социологии. Конт вовсе отвергает, как совсем ненужный процесс, психологическое наблюдение, или говоря иначе, внутреннее сознание. Он не дает места психологии в своем ряду наук и отзывается о ней всегда с презрением. Какое же орудие предлагает Конт для изучения „моральных и интеллектуальных функций“ взамен психологии им отвергаемой? Нам стыдно сказать, что средством этим является френология! Правда, говорит он, наука эта еще не сложилась, но она развивается. Он принимает только общее деление мозга на три области: наклонностей, чувств и ума, с подразделением последней области на органы размышления и наблюдения. Однако, он смотрит на простую первую попытку распределить умственные отправления между различными органами, как на освобождение науки о человеке из метафизической стадии и возвышения в стадию позитивную. Положение науки о духе было бы истинно печальным, если бы именно в этом заключалось лучшая для нее возможность сделаться позитивной, ибо дальнейший прогресс наблюдений ведет не к подтверждению, а к отрицанию френологической гипотезы. Следовательно, не отвергая помощи, какую может оказать в психологии изучение мозга и нервов, мы можем утвердительно сказать, что Конт не сделал ничего для установления позитивного метода в науке о духе»

Дж. Ст. Милль Огюст Конт
и позитивизм

Таким законом, способным служить связующей цепью в классификации наук, может служить физический и интеллектуальный контроль закона сохранения силы психики, образующий два антагонистичных силовых поля психики. Этот закон под-

тверждается огромным числом опытного материала из психологии, психиатрии, истории, биографий известных людей, и в то же время четко отделяет уровни биологических и психических закономерности в природе человека. Сам Конт жаловался, что материализм стремится объяснить всю природу человека, исходя из биологии, редуцируя его тем самым к животному.

> «Биологи, в свою очередь заслуживают тех же упреков, когда они, например, претендуют все объяснить в социологии чисто второстепенными влияниями климата и расы, ибо они не считаются при этом с основными законами, которые могут быть раскрыты только с помощью исторических индукций. Энергичное наступление материализма, облеченного в глазах современных мыслящих людей в некоторый прогрессивный характер, благодаря его долгой связи с справедливым возмущением человечества против миросозерцания, ставшего ретроградным. Мы убедились таким образом, что позитивизм глубоко противоположен материализму не только по своему философскому характеру, но и по своему политическому назначению»

О. Конт Общий обзор позитивизма

С точки зрения научного метода это доказательство ложности эмпиризма, как проверенного опытом знания. Для эмпиризма мышление это продолжение процесса чувственного восприятия, обобщающее факты. В таком интеллектуальном акте не может быть ничего кроме описания опыта чувственного восприятия.

Интеллект видит законы, перерабатывая чувственный опыт, а законы выражены только в интеллектуальной форме. Поэтому Декарт писал, что любое конечное знание по форме математическое.

Рационализм постулирует два уровня восприятия — чувственный и интеллектуальный, где мышление это своего рода особый орган восприятия действительности, способный видеть в ней законы природы, нечто недоступное органам чувств.

Вот как говорит об этом Декарт:

> «Самый воск составлен из протяженности, гибкости и движения, которые понимаются умом, а не воображением. Вещь, которая являет-

> ся воском, сама по себе не может быть чувственно-воспринимаемой, так как она равно включена во все явления воска данным различным органам чувств. Восприятие воска „не составляет ни зрения, ни осязания, ни представления… но составляет только усмотрение умом“. Я вижу воск не больше, чем я вижу людей на улице, когда я вижу шляпы и пальто. „Благодаря одной только способности суждения, находящейся в моем духе, я понимаю то, что мне казалось, будто бы я вижу глазами“. Познание внешних вещей должно осуществляться умом, а не чувствами»

Бертран Рассел История западной философии

Платон, так же как и Декарт четко разделяет уровни чувственного восприятия и интеллектуального (познание):

> «Что значит благо для мыслимого по отношению к уму и умопостижимому, то же значит и солнце для видимого по отношению к зрению и к зримому. Итак, помысли, что есть два предмета и один из них царствует над родом и местом мыслимым, а другой над видимым»

Платон Государство

Да, для познания необходим анализ данных чувственного восприятия, но одного этого анализа недостаточно. Интеллектуальное зрение — это особый процесс, который имеет место в пространстве «мыслимого»: активного и пассивного интеллекта, мышления и законов природы. Проверка же истинности полученных интеллектом знаний осуществляется обратной связью с практикой, наличием контроля открытой природной энергии.

ГЛАВА 3. КАНТ И ЕГО КОПЕРНИКОВ ПЕРЕВОРОТ В ФИЛОСОФИИ ДУХА

1. Коперниковый переворот Канта
2. Абсолютная свобода практического разума

1. КОПЕРНИКОВЫЙ ПЕРЕВОРОТ КАНТА

«Рассудок не черпает свои законы
из природы, а предписывает ей».
И. Кант

«Идея разума, для которой может быть нет
никакого примера в опыте!»
И. Кант

Рационализм формулировал силу сознания, духа в его способности к познанию объективных закономерностей. Существуют законы природы, независимые от воли людей. Познание этих законов развивает и накапливает силу разума, путем накопления знаний и возможностей контроля действительности. Сила как и раз и состояла в наличии этих неизменных объективных закономерностей, так как их объективность гарантировала доступ к внешней силе, а их неизменность накапливание знаний и силы в контроле природы.

Немецкая классическая философия, отцом которой считается Кант (а последним творческим представителем Маркс) изменила все это.

«Рассудок не черпает свои законы из природы, а предписывает ей». Фраза Канта нуждается в комментариях. Неправильно истолковав

> *ее, мы можем не понять главного в гносеологии Канта — идеи активности сознания. Именно в ней философ видел свою основную заслугу. Он даже сравнивал себя с Коперником, считая, что перевернул положение дел в философии не менее кардинальным образом: раньше считалось, что наши знания должны сообразовываться с предметами. Кант исходит из того, что предметы должны сообразовываться с нашим познанием»*

А. Гулыга Кант

Кант заявил, что сознание способно воспринимать только явления мира, а сущность этого мира, которая составляет его реальность, ему недоступна. По сути, это четко артикулированная теория агностицизма, но теоретическое иезуитство Канта, которое будет свойственно всей немецкой классической философии (особенно диалектической) заставляет его утверждать, что он только открыл новую критическую философию, очистив теорию познания от догматического сна. На самом деле, он доказал непознаваемость мира, параллельность феноменального (явления) и ноуменального (сущность) миров.

> «Когда Кант говорит „предмет познания“ (и даже „природа“), он имеет в виду не вещи сами по себе, а явления, то есть ту часть действительности, которая вступает во взаимодействие с нашим познанием. И эта часть действительности — тут уж никуда не денешься — сообразуется с действиями, которые мы осуществляем в меру нашего разумения, включена в систему нашего разумно организованного опыта. Маркс ценил немецкую классическую философию (родоначальником которой был Кант) за акцентирование деятельной стороны познания. Сознание не только отражает мир, но и творит его — для материалиста-диалектика это аксиома. Истоки ее у Канта»

А. Гулыга Кант

Кант, разрушив доктрину рационалистов о существовании объективных закономерностей, познание которых составляет существо процесса познания и определение истины — начал развивать идею, которая окончательно оформиться у Гегеля и Маркса. Идею о том, что разум не постигает законы природы, а творит их сам (для Гегеля во всем, для Маркса в социальной действи-

тельности). В этом состоял его коперниковый переворот, который впрочем он только начнет. Завершит его несомненно Гегель доктриной о разуме субъекте, который творит сам себя, материю и просыпается в человеческом сознании. Но начало этому всесильному абсолюту, который сам создает законы природы и имеет непосредственное воплощение в сознании человека, положит философия Канта, в которой впервые было сформулировано, что рассудок не черпает законы из природы, а предписывает ей. Для Канта это следствие субъективности интеллекта, который содержит все знание априори. Заявив, что мир «вещей в себе» есть мир сущности, мир реальности, который недоступен человеку, он продолжает утверждать, что его теория не есть агностицизм, и что научное знание возможно. Но сущности — это и есть истина, и если истина недоступна и восприятие человека субъективно, то о какой науке, о каком «знании» может идти речь? Такое «знание», обладая лишь искаженными образами кривого зеркала своего субъективного восприятия, не позволит осуществить никакой обратной связи с реальным миром. Это фантазии оторванные от реальности, выставляющие человека бессильным дураком, наслаждающимся самообманом.

Гегель постарается устранить это противоречие и заявит, что разум творит реальные законы природы, а не фантазирует какие то априори; он видит именно сущности, а не какие то явления. Однако, если у рационалистов законы существуют от века, и наш разум только постигает и открывает их, у Гегеля разум именно сам творит, выдумывает эти законы, так что проверить их истинность становится также невозможно, как постичь законы природы в философии Канта.

Гегеля страшно раздражала субъективистская импотенция кантовского разума, смотрящего на мир сущностей сквозь глупые очки-априори и знающего об этом. Он считал, что если он заявит о том, что разум творит эти законы по настоящему, а не приписывает просто свои фантазии природе, истинная сущность которой ему недоступна, то он избавит разум от этой постыдной беспомощности. Однако, субъективизм Канта сохра-

нился, так как если у Канта разум постигает сам себя и потому ничего не знает о реальном внешнем мире, то у Гегеля разум продолжает постигать сам себя, но уже не потому что не может познать внешний мир, а потому что внешний мир у Гегеля предстает творением разума.

Поэтому получилось наоборот, он только усилил субъективизм позиции Канта и беспомощность разума: с введение всесильного субъекта-абсолюта, находящегося в становлении, созидающего и отменяющего законы вселенной абсурдность «коперникова переворота» Канта становилась еще более очевидной. Делалась заявка на существование какой-то надчеловеческой субстанции, которая всесильна творить законы для себя и для природы, постоянно меняя их. При этом сила сознания реального человека полностью уничтожалась, поскольку человек не чувствовал в себе сил творить законы для природы и для себя. Его реальная сила, которая состояла в познании объективных неизменных законов природы была уничтожена, а ее место заняло всесилие надчеловеческой субстанции, которой нельзя было ни коснуться ни проверить каким-то другим способом.

> «Учение Канта об активности сознания помогло приподнять завесу над одним из самых загадочных процессов — образованием понятий. Великие умы, предшественники героя этой книги, заходили в тупик, пытаясь решить эту проблему. Сенсуалисты настаивали на индукции, опытном «наведении» на некие всеобщие признаки и принципы. А как при помощи индукции, абстрагирования общих признаков объяснить изобретение, создание умственной конструкции чего-то нового, ранее не существовавшего — машины или научной теории?
> Рационалисты шли другим путем. Они усматривали строгое, не зависящее от человека соответствие между порядком идей и порядком вещей. Мышление они считали неким «духовным автоматом» (выражение Спинозы), который штампует истину, работая по заранее заданной, «предустановленной» (выражение Лейбница) программе»

— пишет Гулыга в биографии Канта

Однако, невозможно понять какие трудности могли возникнуть с объяснением образования понятий в рационализме: ра-

зум видит законы в природе, активный и пассивный интеллект, мышление и законы. Постигая законы природы, мышление образует новые теории, контроль открытых законов природы — новые технологии

«Объяснение было основательным, но обладало одним существенным изъяном: не могло ответить на вопрос, откуда берутся ошибки», — вот все что может на это возразить Гулыга.

Человек ведь не бог, не абсолют Гегеля, который творит свои законы сам, он постигает их понемногу, ограниченными возможностями своего человеческого интеллекта. Конечно, он будет ошибаться, но в конечном итоге он способен обнаружить истину, и это главный и решающий фактор. И уже больше ничего не надо объяснять.

Однако, Гулыга в марксистской традиции о сверхважности открытой Кантом «активности познания» утверждает, что именно Канту, а не рационалистом удалось объяснить происхождение новых понятий. Ведь и Маркс вслед за Гегелем утверждал, что в социальной мире человек сам творит законы бытия и именно Кант был зачинателем этой «деятельной теории познания».

> *«Кант, подобно Копернику, решительно порывает с предшествующей традицией. Он видит в человеческом интеллекте заранее возведенную конструкцию — категории, но это еще не само научное знание, это только его возможность, такую же возможность представляют собой и опытные данные — своего рода кирпичи, которые нужно уложить в ячейки конструкции. Чтобы выросло здание, требуется активный участник строительства, и Кант называет его имя — продуктивное воображение. До Канта воображение считалось прерогативой поэтов. Сухой педант из Кенигсберга увидел поэтическое начало в науке, в акте образования понятий. Человек, живший как автомат, отверг наименование автомата за интеллектом человека. Интеллект, по Канту, — свободный художник»*

А. Гулыга Кант

Свободный художник из Канта получился хоть куда, в этом с Гулыгой не поспоришь. Но вот имеет ли к науке какое-либо отношение живопись — уже другой вопрос. Воображение, безусловно, участвует во всех ментальных процессах и тем более в познании, но разница между позицией рационализма и кантовской совершенно в другом. Если Декарт говорил о второстепенном значении воображения и о ведущей роли интеллекта в познании, то у Канта воображение заступает место разума.

Как эмпирики, так и рационалисты ставили целью познания — открытие истины (как все нормальные люди, хочется сказать). И именно поэтому эмпирики, когда поняли, что чувственным путем найти истину не получится, честно заявили об агностицизме (Юм). Потому что только истина (сущность) может быть целью познания. Разумеется, чувственным путем можно получить много разной информации, но цель познания — истина.

Рационалисты напротив сразу заявляли, что цель познания сущность и что свойство разума в его способности разглядеть эту сущность в вещах.

Отличие Канта от этих уважаемых людей состояло в том, что у него сущность познать невозможно, истина недоступна. Новые теории — это не истина, а облачение опытных данных чувственного восприятия в готовые идеи априори, существующие независимо от опыта. Понятно, что в данном случае речь не о воображении, а именно о фантазии, которая фантазирует и придумывает мир, не имеющий никакого отношения к реальности. И да, это мир свободного художника. Поэтому марксистская философия поспешила, конечно, с выводами о том, что «коперников переворот» Канта как введение доктрины «деятельного познания» имел какое-то значение для теории познания, кроме негативного. Они предпочитают говорить о «тенденции агностицизма», но не о самом агностицизме:

> *«Речь идет о том, что опытные данные, поступающие извне, не дают нам адекватного знания об окружающем нас мире. Априорные формы обеспечивают всеобщность знания, но не делают его копией*

вещи. То, чем вещь является для нас (феномен), и то, что она представляет сама по себе (ноумен), имеет принципиальное различие. В диссертации 1770 года Кант утверждал, что ноумены постигаются непосредственно умом, теперь он считает их недоступными никакому познанию, трансцендентными. Сколько бы мы ни проникали в глубь явлений, наше знание все же будет отличаться от вещей, каковы они на самом деле. Разделение мира на доступные знанию „явления“ и непознаваемые, „вещи сами по себе“ — опасная тенденция агностицизма»

А. Гулыга Кант

Спекуляции Канта на тему гносеологии имели результатом три направления в последовавшей философии духа:

1. Антиинтеллектуализм: агностицизм Шопенгауэра, Ницше, Сартра, которые стали писать о философии воли, отрицая интеллект в качестве ведущей характеристики духа

2. Диалектическая логика: абсолютная свобода разума творить законы природы у Гегеля и свобода сознания творить законы социальной жизни у Маркса

3. Особые «науки о духе», противопоставленные естествознанию: социология Шпенглера, Риккерта, Дильтея, Вебера. Сущность этого направления в том, что оно впитало все кантовское лицемерие именовать отрицание познания — особенным знанием. Любая ментальная активность, которая позиционирует себя как «научную деятельность» будет стремиться формулировать законы изучаемой сферы. Вред ложной науки в том, что она производит заведомо ложные конструкции в качестве «знаний», затрудняя тем самым процесс познания мира. Неокантианцы объявили объектом своего исследования «дух» целых обществ, цивилизаций, представляя устоявшиеся институты этих обществ в качестве эталонов, которым должны соответствовать индивиды, как бы вредны и бессмысленны не были эти институты.

Однако, на самом деле, он просто возвел агностицизм уже в степень догматической философии, что скоро скажется в трудах антиинтеллектуалистов.

В итоге, философия Канта явилась неким подобие ядерного удара по философии духа, которая сразу по трем направлениям

(антиинтеллектуализм, диалектическая логика, особые науки о духе) уничтожила все позитивное, что было сделано в философии духа рационалистами.

2. АБСОЛЮТНАЯ СВОБОДА ПРАКТИЧЕСКОГО РАЗУМА

«Нигде в мире, да и нигде за его пределами невозможно мыслить ничего иного, что могло бы считаться благом без ограничения, кроме одной только доброй воли»

И. Кант

С Канта начинается пафос философии абсолютной свободы духа, своего собственного законодателя, независимого от чего бы то ни было ни на земле ни на небе. Свои законы он устанавливает себе сам, это моральные законы, которые в отличие от законов природы есть законы свободы. И в этом свободном законодательстве существо этого свободного духа. Позже Гегель разовьет индивидуальный абсолют Канта до степени космического духа-абсолюта, который подобно кантовскому категорическому императиву сам себе устанавливает законы, находясь в постоянном процессе становления. Маркс вернет космический абсолют Гегеля на землю и не разрешит ему выходить за пределы общественной жизни людей: тут он опять станет полновластным владыкой. Потом Сартр будет говорить об абсолютной свободе выбора индивида, об отсутствии каких-либо законов природы сдерживающих его, о жизни как о «художественном проекте», который в творческом русле предстоит разрешить каждому свободному индивиду. Ницше встанет с абсолютной свободой воли, способной восставать против всего человеческого, величие которой в том, чтобы «выдержать уничтожение миллионов недоделанных и неполноценных и не погибнуть».

Однако, результатам этой свободы не позавидуешь. Ницше сошел с ума и до самой смерти так и не пришел в сознание. Гегельяно-марксисткая социология породила общество террора диктатуры пролетариата. Сартр вынужден был оправдываться

в статье «Экзистенциализм — это гуманизм», что свободная воля все же ограничена гуманистической этикой. А что же сам Кант? Небесная свобода его духа в конечном итоге самым банальным образом обрела свою реализацию в... абсолютном подчинении всякой власти.

> *«Различие нравственности от права, в смысле независимости нравственного сознания от внешних и принудительных законов, должно было получить у Канта резкое выражение. Ибо никогда, ни прежде, ни после него, нравственность не отождествлялась в такой мере с внутренней свободой личности от каких бы то ни было внешних стеснений. Мы приводили уже ранее выражении Канта, согласна которому мораль должна быть утверждена «независимо от какой-либо опоры на небе или на земле». Безусловная внутренняя свобода, независимый от каких-либо внушений самодержавный разум и истинная нравственность являются для Канта синонимами. Но поставив нравственность на недосягаемую высоту чистого служения долгу, к которому не должны примешиваться никакие помыслы и мотивы Кант совершенно устранил связь с нею права. Возможность живительного взаимодействия двух областей, таким образом исключалось, и право, взятое в полной противоположности с моралью, превращалось в чисто внешнее исполнение закона. Канту невольно приходилось ограничиваться при характеристике права внешними и отрицательными чертами, которые низводили право с высоты нравственного явления на степень чисто внешнего учреждения для взаимной охраны. Ученик Канта Фихте дал этому взгляду наиболее резкое выражение:*
> *«В области права для доброй воли нет применения; право должно осуществляться, если бы даже ни один человек не был склонен осуществлять его добровольно; физическая сила, физическая сила, и только она, сообщает ему санкцию»*

П. Новгородцев Кант и Гегель в их учении о праве и государстве

Трактуя мораль, как вмененную самому себе обязанность, смешивая юридические и этические обязанности личности, Кант абсолютно извратил понятие морали, как врожденной совести и справедливости. Согласно его доктрине, чувствовать сострадание к другим и радоваться их успехам –значит перестать быть моральными, поскольку то что приятно перестает быть обязан-

ностью и становится удовольствием. Гулыга пишет, что гитлеровская пропаганда широко использовала этот его догмат о моральной обязанности, которая не должна ничего чувствовать.

> *«Наиболее прочная опора нравственности, единственный истинный источник категорического императива — долг. Только долг, а не какой-либо иной мотив (склонность и пр.) придает поступку моральный характер. Кант: «Имеются некоторые столь участливо настроенные души, что они без всякого другого тщеславного или своекорыстного побудительного мотива находят внутреннее удовольствие в том, чтобы распространять вокруг себя радость и им приятна удовлетворенность других, поскольку она дело их рук. Но я утверждаю, что в этом случае всякий такой поступок, как бы он ни сообразовывался с долгом и как бы он ни был приятным, все же не имеет никакой нравственной ценности». Этот ригористический пассаж вызвал возражения и насмешки. Шиллер не мог удержаться от эпиграммы. Ближним охотно служу, но — увы! — имею к ним склонность.*
> *Вот и гложет вопрос: вправду ли нравственен я?*
> *Нет тут другого пути: стараясь питать к ним презренье*
> *И с отвращеньем в душе, делай, что требует долг!»*

А. Гулыга Кант

Теория «всеобщей воли» Руссо, которой последний постарался выразить демократический принцип подчинения народа только народном законодательству, формализуется и извращается Кантом. Он старается сохранить лицо и продолжать говорить о свободе, исходя из принципа Руссо о том, что подчинение законам, которые народ устанавливает себе сам, есть подчинение самому себе. Но у Руссо «всеобщая воля» происходит из общей человеческой природы людей, из законов природы, которые все здоровые люди ощущают как потребность в совести и справедливости («Эмиль»), из реального договора наконец. В такой интерпретации речь действительно идет о народном законотворчестве, об обще человеческой воле, выражающей общую природу людей, хотя можно бесконечно спорить о степени в которой демократии доступно выражение этой всеобщей воли.

По другому понимает всеобщую волю Кант, который категорически не согласен с Руссо и в природной доброте людей

и в каком то изначальном договоре, который имел место. Напротив, согласно Канту, власть впервые объединяет разрозненные воли индивидов, и этим вводит нравственный порядок. Если у Руссо, и вообще теоретиков естественного права — законодательная власть всегда выражает природную нравственность людей, их склонность к справедливости и совести, то у Канта наоборот, власть порождает мораль. Поэтому власть объявляется священной.

> *«Кант: «Законы свободы, в отличие от законов природы, называются моральными. Поскольку они относятся к поступкам и определяют известный внешний образ действий, они считаются юридическими; если же, сверх того, они требуют и соответствующих мотивов, они называются этическими»*
> *Таким образом, юридические законы наряду с этическими являются моральными и в качестве таковых имеют априорное происхождение. Они основаны не на том, что случается, а на том, что должно быть в соответствии с требованиями разума, хотя бы действительность не представляла для этого никаких примеров. Однако, если моральная основа права указывается в происхождении его из чистых начал разума, то остается непонятным, как эта основа сочетается с собственной сущностью права, как внешнего порядка? Спрашивается, каким образом нравственность может брать под свою охрану предписания, имеющие свое происхождение исключительно в законодательном произволе? Как разум может предписывать то, что не вытекает из его требований? Утверждение Канта, что всякая обязанность, откуда бы она ни происходила, может стать предметом этических велений, противоречит его учению об автономии воли как коренному условию нравственности. Учение о совпадении юридических обязанностей с нравственными смешивает все обязанности, какого бы ни было их происхождение и содержание, в одну неразличимую массу нравственных требований.*
> *Естественное состояние противоположное юридическому ставится здесь наряду с этим этическим естественным состоянием, которое представляет собой постоянное проявление зла (войну всех против всех) и из которого человек должен выйти, чтобы сделаться членом высшего нравственно общения.*
> *Цель государства определяется «не как счастье граждан (это последнее может еще лучше достигаться в естественном состоянии или в деспотических формах), а как высшее согласие с принципами*

права, стремиться к чему нас обязывает разум при посредстве категорического императива»
Кант: «Безусловное подчинение народной воли (которая сама по себе является разъединенной и следовательно беззаконной) воле суверенной, объединяющей всех посредством единого закона, есть акт, который может быть совершен только через овладение высшей властью. Этот акт впервые обосновывает юридический порядок. Допускать возможность сопротивления этому полностью — значит противоречить самому себе, ибо в таком случае оказывалось бы, что та первая власть не есть высшая и определяющая собой право»
Элементы учения Гоббса вновь вторгаются в эту политическую систему. Требование народовластия сменяется девизом английского абсолютиста. В других выражениях Кант повторяет тот же принцип: «Каково бы ни было происхождение верховной власти предшествовал ли ей договор о подчинении, или же власть явилась сначала и потом уже установился закон — для народа, который находится под владычеством гражданского закона, все это бесцельные и угрожающие государству опасностью рассуждения. Закон, который столь священен, что было бы преступлением хотя бы на мгновение подвергать его сомнению, представляется как бы исходящим не от людей, а от высшего законодателя. Таково именно значение положения: „Всякая власть происходит от Бога". Оно выражает не историческую основу государственного устройства, а идею или практический принцип разума, который гласит: „Существующей законодательной власти следует повиноваться, каково бы ни было ее происхождение". Очевидно, это уже нечто большее, чем принцип суверенитета, ибо и простые рассуждения по поводу власти отвергаются как бесцельные и опасные умствования. Этот результат не вполне сходится с тем другим требованием, которое шло из глубины нравственного сознания. Там требовалась свобода, автономия воли, царство лиц как целей; теперь нам говорят о безусловном подчинении и священном характере власти. Но такова уж была доктрина, соединившая в себе самые разные мотивы — этические и практические, либеральные и консервативные. Не без основания сравнивают ее с головой Януса, глядящей в разные стороны»

П. Новгородцев Кант и Гегель и их учение о праве и государстве

Действительно, все претензии на абсолютную свободу волю всегда имеют своим завершением совершенно противополож-

ную тенденцию — полную потерю силы и рабскую ограниченность. Это не парадокс, это естественный результат разрушения силового поля человеческой энергии: его способности к познанию и контролю законов природы. Именно эта «интеллектуальная любовь к богу» как называл процесс познания Спиноза, эта страсть к познанию, о которой Платон пишет, что мы стремимся к знанию со всем жаром влюбленных сердец и составляет источник силы людей, их реальную свободу, которая по определению не может быть абсолютной. Чтобы быть сильными мы должны иметь доступ к энергии внешнего мира. Чтобы иметь этот доступ должны существовать объективные законы природы. Познание этих законов откроет нам доступ к силам природных энергий и уже открыло. И это есть наша реальная сила — сила контроля природных энергий.

Все же заявления о том, что человек сам творит свои законы, что он всесилен и не нуждается во внешнем мире, всегда на деле приводят к его полному бессилию. Так и у Канта (а позднее у Гегеля и Маркса) все претензии на абсолютную свободу закончились постулированием морали как необходимости подчинения любой власти.

Поппер называл феномен превращения абсолютной свободы в несвободу «парадоксом свободы», но на самом деле никакого парадокса в этом нет, только чистая закономерность. Очень удачно сказал об этом Кьеркегор в «Болезни к смерти»:

> *«Мощь, которую проявляет его негативная форма, столь же развязывает, сколь и связывает; Далеко не преуспев в том, чтобы все более и более быть собою, оно проявляется, напротив, все более и более как гипотетичное Я. при ближайшем рассмотрении вам нетрудно убедиться, что этот абсолютный князь — всего лишь король без королевства, который, по сути, ничем не управляет; его положение, сама его суверенность подчинены диалектике, согласно которой во всякое мгновение здесь бунт является законностью. Ведь, в конце концов, все здесь зависит он произвола Я. Стало быть, этот человек только и делает, что строит замки в Испании и воюет с мельницами. Сколько шума всегда о добродетелях такого постановщика опытов! Эти добродетели на мгновение очаровывают, подобно восточному стиху: такое владение собою, каменная твердость, вся эта атараксия и так да-*

лее, они как из сказки. И они действительно выходят прямо из сказки, ибо за ними ничего не стоит. Это Я в своем отчаянии хочет вкусить наслаждение самому создавать себя, облекать себя в одежды, существовать благодаря самому себе, надеясь стяжать лавры поэмой со столь искусным сюжетом, короче, так прекрасно умея себя понять. Но что он подразумевает под этим, остается загадкой: ибо в то самое мгновение, когда он думает завершить все сооружение, все это может, по произволу, кануть в ничто. Это Я, отрицающее конкретные, непосредственные данности Я, возможно, начнет с того, что попытается выбросить зло за борт, притвориться. что его не существует, не пожелает ничего о нем знать. Но это ему не удастся, его гибкость и искусность в опытах не доходит до такой степени, как, впрочем, и его искусность строителя абстракций; подобно Прометею, бесконечно негативное Я чувствует себя пригвожденным к такому внутреннему рабству»

Кьеркегор Болезнь к смерти

ГЛАВА 4. СОЦИОЛОГИЯ ВЕБЕРА: ГОСПОДСТВО И ВОЖДИЗМ

1. ЮРИДИЧЕСКИЙ И НАУЧНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ

Те, кто отрицал социальную физику Конта как способность познать законы общечеловеческой природы, отвергали и его разделение научного и юридического суверенитетов, промежуточный характер юридизма в эволюции человеческого общества и конечное доминирование научного управления.

Поппер очень четко формулирует мысль Канта о противопоставлении юридических законов законам природы, когда говорит:

> «Мне кажется, что для анализа процесса осознания специфических особенностей природы и общества нам потребуется хорошенько усвоить одно важное различие. Это — различие между (а) *естественными законами,* или законами природы, такими, как например, законы, описывающие движение Солнца, Луны и планет, смену времен года и т. п., а также закон гравитации или, скажем, законы термодинамики, и *(b) нормативными законами или нормами,* запретами и заповедями, т. е. правилами, которые запрещают или требуют определенного образа поведения. В качестве примера нормативных законов можно назвать Десять заповедей, правовые нормы, регулирующие порядок выборов в парламент, и законы афинского полиса. Закон в смысле *(а)* — закон природы — описывает жесткую неизменную регулярность, которая либо на самом деле имеет место в природе (в этом случае закон является истинным утверждением), либо не существует (в этом случае он ложен).Закон природы неизменен и не допускает исключений. Поскольку законы природы неизменны, они не могут быть нарушены или созданы. Хотя мы можем использовать их в технических целях, они недоступны измене-

> нию со стороны человека, а их незнание или игнорирование может привести к беде.
> Ситуация совершенно иная, когда мы обращаемся к *(b)* — нормативным законам. Нормативный закон, будь то правовой акт или моральная заповедь, вводится человеком. Его часто называют хорошим или плохим, правильным или неправильным, приемлемым или неприемлемым, но «истинным» или «ложным» его можно назвать лишь в метафорическом смысле, поскольку он описывает не факты, а ориентиры для нашего поведения. Существование нормативных законов всегда обусловлено человеческим контролем — человеческими решениями и действиями. Этот контроль обычно осуществляется путем применения санкций — наказанием или предупреждением того, кто нарушает закон.
> Вместе со многими учеными, в особенности социологами, я полагаю, что различие между законами в смысле (a), т. е. утверждениями, описывающими природные регулярности, и законами в смысле *(b),* т. е. нормами типа запретов и заповедей, является фундаментальным и что два этих типа законов едва ли имеют между собой что-либо общее помимо названия»

Карл Поппер
Открытое общество и его враги

Здесь Поппер противопоставляет свое мнение всем «психологистам», которые подобно Конту и Миллю утверждали, что общество так же как и природа имеет неизменные и постоянные законы природы и это психические законы, которые мы можем познавать и контролировать так же как другие естественные законы. В этом смысле он хвалит Маркса, который ни в каком виде психологистом не был, и не считал, что обществом движут врожденные психические законы человека.

> *«По характеристике Поппера, это положение психологизма, что „как происхождение, так и развитие традиций должны быть объяснимы путем обращения к человеческой природе“ Эта попытка свести факты социальной жизни к психологическим законам логически вела к спекуляциям по поводу сущности происхождения и развития общества. Поиски чисто психологического происхождения социальных норм, воплощенных в разных обычаях и институтах, заставляли искать некое начало исторического развития — такое дообщественное состояние людских скоплений, когда введение в них нормативных регуляторов зависело только от психологических факторов, на которые*

> *еще не накладывалось влияние устоявшихся коллективных учреждений. Поппер верно характеризует и бесперспективность и генеалогию подобных идей: „Эта позиция является тупиковой, потому что теория, признающая существование досоциальной человеческой природы, объясняющей появление общества — психологический вариант теории „общественного договора“, — представляет собой не только исторический, но... и методологический миф. Вряд ли ее можно обсуждать всерьез, поскольку мы имеем все основания полагать, что человек, или, скорее, его предок стал сначала социальным, а затем уже и человеческим существом (учитывая, в частности, что язык предполагает общество“)» Гораздо более обоснованным выглядело бы истолкование психологического в социологических категориях, а не наоборот»*

Ковалев А.Д
История теоретической социологии

Поппер предпринял тщательный анализ первобытного общества в «Открытом обществе и его врагах», чтобы доказать, что коллективное сознание и общественные учреждения предшествовали личности, как самостоятельному разумному субъекту. И на этом основании сделал вывод, что институты первичны по отношению к личности, а значит, законы психологии не имеют значительного влияния на общество и могут игнорироваться.

Однако, если с первым его утверждением не поспоришь, то вывод, который он из него делает более чем сомнителен. По крайне мере, теория психической энергии легко опровергает его доводы о том, что хронологическое первенство общественных учреждений по отношению к самостоятельному индивиду говорит об отсутствии психологической природы человека. Психика возникла не как психика отдельных индивидов, а как структура силового поля, носителями которых, безусловно являлись отдельные индивиды.

Например, психологическая система двух противостоящих фигур Эго и СуперЭго, открытая Фрейдом, является примером такой структуры силового поля, заложенной в каждом индивиде. В обществе эти структуры образуют одно единое силовое поле, в данном случае садо-мазохисткие союзы. Первобытные общества были прообразами левиафанов Гоббса, поскольку потребно-

сти в насилии и подчинении четко проявлялась в обожествлении природы и добровольном жертвовании идолам себя. Разумное силовое поле психики, источником которого является интеллект, на данном этапе было исключительно слабым, существовало только как потенция, зародыш. Оно разовьется спустя тысячелетия и тут же проявится в отчаянной борьбе против садо-мазохистских союзов, в поисках другого свободного и справедливого общества, что имело место уже в Древней Греции. Таким образом, еще раз доказано, что методология, как социологии, так и психологии не позволяет видеть закономерности явлений, но их легко идентифицирует теория психической энергии.

Так Поппер сформулировал свою теорию положительного права, как юридизма не имеющего источников в законах природы и являющегося самостоятельной наукой. Теорией, логическим развитием которой является отрицание верховенства права и понимание государственного суверенитета как «установления господства власти над населением», то есть суверенитета правительства.

Если нет законов природы в обществе, то не может быть и научного управления обществом. Так юридизм возводится в статус социальной науки и объявляется единственной возможной наукой об управлении обществом. Это мнение Гоббса, Макиавелли, Бодена, Канта, Гегеля, Поппера и Вебера. Даже, известный своим просвещенным либерализмом русский юрист двадцатого века П. Новгородцев разделял его. Но безосновательно, как мы попробуем доказать ниже.

Новгородцев пишет в своих «Лекциях по истории философии права», что «особенность школы естественного права состоит в том, что она, не ограничиваясь описанием фактов истории, всюду ставит вопрос об этическом их оправдании. Они все более переходят с точки зрения исторических аргументов на почву общечеловеческих требований, от истории к этике. В этом отличительная черта всего естественного права и в частности теории Локка». Локк пишет об этике как о «врожденной природе человека», также как Руссо, Цицерон, Милль, Спенсер или любой

другой представитель естественного права. Для них источником права является эта врожденная природа человека, которая является моралью людей, а потом возводится ими в юридический закон. Для Гоббса, Макиавелли и других, которые либо вообще не признавали наличие общечеловеческой природы, либо подобно рейду полагали ее «звериной» и злой — мораль вводится юридическим законом.

> *«Защищая абсолютную власть, Гоббс склонялся к тому, чтобы по выражению одного из его соотечественников, Полока, потопить всю нравственность в положительном законе. Следуя этому основному принципу, он доходил до утверждения, что все наши нравственные представления должны определяться предписаниями власти. Он возмущался против мнения, что подданные могут иметь свое представление о добре и зле»*

П. Новгородцев Лекции по истории философии права

2. СВОБОДНАЯ ОТ ЭТИКИ СОЦИОЛОГИЯ ВЕБЕРА

«Любая успешная политика насилия над другими странами, как правило (по крайней мере первоначально), поднимает престиж внутри страны, а тем самым силу и влияние тех классов, групп и партий, под руководством которых был достигнут этот успех»

Макс Вебер

Напротив, дать социологическое определение современного государства можно, в конечном счете, только исходя из специфически применяемого им, как и всяким политическим союзом, средства — физического насилия. “ Всякое государство основано на насилии», — говорил в своё время Троцкий в Брест-Литовске. И это действительно так.

Мы видели, что социальная физика, как ее понимал позитивизм, была классическим определением научного контроля

о том, что наука есть познание и контроль законов природы. Таким образом, цель всякой науки открыть доступ к энергии природы, в данном случае к энергии общества. Научиться управлять обществом без насилия, посредством одного только знания, одной только образовательной и научной инфраструктуры общества.

Социология неокантианцев, которые резко отмежевались от позитивизма и объявили, что человек не имеет единой природы, никаких подобных целей перед собой не ставила и ставить не могла. Она также страстно выступила против агностицизма, заявив, что знание возможно, но это будет особое знание. Как им открыл Кант, человек не имеет общей природы, не детерминирован законами природы, обладая свободным моральным разумом, самостоятельно устанавливающим себе законы. Поэтому познавать в обществе универсальные законы, общие для всех было бы абсурдно, возможно лишь описать и интуитивно почувствовать специфику различных уникальных культур.

Можно было бы возразить, что «чувствование» прекрасно, но не относится к сфере наук и познанию. Что правильнее ставить вопрос об эстетическом постижении различных уникальных культур, что было бы и правильно и прекрасно. Можно было бы сказать больше: а почему собственно они говорят об уникальности целых культур, а не индивидов, как говорил их учитель Кант? Следуя его логике до конца им бы надо было ставить задачу интуитивного прочувствования всех семи миллиардов человек, обитающих на земном шаре, их этических и эстетических предпочтений, гастрономических вкусов и интеллектуальных склонностей? Ведь если следовать логике Канта ничего не связывает людей во времени и пространстве, кроме разве что власти. Но тогда правильно изучать механизмы власти, а не интуитивное прочувствование культурной специфики.

Так или иначе, неокантианцы утвердили себя в качестве особой социальной науки, изучающей специфически человеческую реальность.

> *«Гейдельбергская школа неокантианцев стремилась, в частности, обосновать историческое знание с помощью методов рассуждения, отличных от обобщающих методов естествознания. Как Дильтей, так и Зиммель выступили против позитивизма и против агностицизма.. В отличие от материала естествознания, который один и тот же всюду и поэтому может быть понят через универсальные законы, относящиеся к любым областям пространства и времени, человеческая культура выступает в бесконечном многообразии различных типов, каждый из которых требует специфического понимания своей уникальности. Риккерт, Дильтей и их школа таким образом, обосновывают способ исторического бытия, метод изучения человеческой культуры или гуманитарных наук с их особым типом познания и собственными методами. Такой подход лег в основу «идеальных типов Вебера»*

Джон Льюис Марксистская критика социологических концепций Макса Вебера

Результатом этих особых исследований стало описание своего чувственного восприятия различных культур различными авторами. Чисто эмпирическое накопление материала, которое могла быть полезно только как предварительная стадия для дальнейшей научной обработки этого материала, но только не как конечная «научная картина мира». Сомнительным итогом исследовательской работы энтузиастов-кантианцев стала доктрина «духа культур», появившаяся в результате простого эмпирического описания институтов данного общества. Это описание и бралось в качестве эталона общества, выразителя уникальности его духа, источника добра и зла — ведь для каждого общества существовала своя автохтонная ему этика. Так, и негативные и позитивные результаты исследований оказались только во вред действительной науке. Негативные результаты, которые состояли в отрицание истинной науки, самоочевидны. Позитивные результаты, «находки» социологов-неокантианцев стали источником обоснования релятивистской этики, а также ввели ложный объект исследования в виде гипостазированного как «дух культуры» общества. Это привело к утверждению ложных ценностей и ложной трактовке эволю-

ции общественных институтов, а также извращению объективной этики.

> «Такой подход лег в основу «идеальных типов» Вебера, которые представляли собой не гипотезы для объяснения существующих фактов капиталистического общества, а были интуитивным восприятием «духа капитализма». Существующая система постигалась как миросозерцание, как взгляд на мир, как нечто уникальное. Она не мыслилась в терминах обобщения фактов об обществе как таковая. Таким образом, очевидно, что социология Вебера не претендует на успешное объяснение индийской кастовой системы, китайского элитаризма, основанной на рабской труде древнегреческой демократии или феодальной системы средневековья. Что будет следовать из этого? Ряд обособленных общественных порядков, любая структурно-функциональная система, противостоящая своим членам как готовый и неизменяющийся объект. Конечно, кажется довольно странным, когда социальная история человечества выглядит как множество последовательно существующих несоизмеримых «жизненных форм», каждая из которых может быть постигнута с помощью интуиции, а ее уникальность схвачена лишь благодаря непосредственному пониманию. Разве такой плюрализм есть последнее слово?
>
> Сразу же оказывается, что если представленные Дильтеем формы культуры будут реализованы в действительности, тогда (если сделанный Тойнби перечень цивилизаций точен) мы будем иметь дело более чем с двадцатью двумя формами, для каждой из которых будет требоваться свой собственный тип культуры и организации. Трудно увидеть во всем этом возможность существования единой науки об обществе. Напротив это уводит нас в произвольный мир полной относительности, для которого не существует и вряд ли когда-нибудь будет существовать какая-нибудь научно построенная теория. Обращение Риккерта-Дильтея к особым типам обществ, возникавших в истории, могло бы дать нам действительно нечто большее, чем некую ограниченную социологию капитализма. Но недостаток их подхода состоял в произвольности появления разных типов общества. Откуда они возникли и почему? Как возникли? Никаких предположений об их возникновении, изменении или развитии не выдвигается. Их бытие таково что они противостоят нам как вещи, как они есть, готовые, законченные и принимаемые без сомнений. Именно такова точка зрения любого сторонника эмпиризма. Но это не ответ, не реальная теория, не наука об обществе. Ничего кроме необходимости рассмотрения еще не исследованной проблемы такой подход не содержит.

> Дильтей напоминает нам, что нет такой социологии конкретного общества, которая раскрывала бы смысл человеческой судьбы, развития общества, как такового, смысл человеческих стремлений. Может быть какое угодно множество совершенно различных социальных систем, с разными устремлениями, целями, правилами. Мы принимаем все что есть. Именно так люди думали о себе в прошедшие века. Но с возникновением науки, изучением истории после эпохи просвещения судьба человечества стала рассматриваться как единая история развития и прогресса вместе с препятствиями, периодами застоя и регресса, которые, разумеется, вполне возможны. У тех, кто согласен с Дильтеем, не может быть никакой философии человека. Полный релятивизм истории и жизни отрицает преобладание какой-либо одной линии развития над другими и тем самым значение и направление развития как нашего собственного общества, так и других обществ. «Люди плывут в безбрежном и бездонном море: в нем нет ни гавани для укрытия, ни дна чтобы бросить якорь, ни начала пути, ни пункта назначения» Рассматривая тип общества, который предлагают нам социологи, как неизменную схему нашей жизни, мы лишь удивляемся, действительно ли не существует альтернативы, никаких иных возможностей будущего. В описании Дильтея хорошо интегрированного общества нет и намека на что-либо неприятное. В его собственном обществе покорность можно «интернализировать», сопротивление — объявить «патологией», а «отклонение» станет подходящим термином для устранения тревоги или даже чувства вины. Все может быть к лучшему в этом лучшем из миров.»

Джон Льюис Марксистская критика социологических концепций Макса Вебера

Вебер немного иначе формулирует свою задачу: если человек свободен, то мы должны изучать не законы, которые им движут, а мотивы и цели которые он ставит, средства которыми он достигает своих целей позволят нам оценить уровень рационалистичности общества. Он пишет знаменитый «дух капитализма», где представляет капитализм протестантской романтикой перенесения монашеского служения богу из аскезы монастырей в служение трудом в реальном мире. Это «иррациональная» мотивация с точки зрения личной выгоды на этом свете, выявляет религиозную мотивацию собирания благ в мире ином. Однако, она оказывается исключительно выгодной и с экономической

точки зрения, так как воспитывает людей в духе благочестивого и бережливого труда, отказа от роскоши и инвестирования средств в накопление капитала.

Это вполне правдоподобное объяснение психологических мотивов некоторых людей (не всех конечно), и как художественные заметки современного быта остроумного человека были бы очень уместны и любопытны. Это могло быть прекрасной апологией капитализма или даже могло быть эффектно использовано в его пропаганде. Но какое отношение все это имеет к науке об обществе? Как такой ограниченный отрезок в пространстве и времени человеческой истории может что-либо рассказать нам об обществе в целом или хотя бы о протестантстве и капитализме?

Взять для примера нашумевший очерк об итальянской мафии Роберта Савиано: «Каморра». Следуя научной методологии Вебера его можно было бы представить как «дух мафии» и рассказать там о том, что участниками организации двигает романтическая вера в величие «больших боссов», которой они набрались в голливудских фильмах. Что мечтой юношей становится иррациональное стремление стать большим боссом и быть убитым в расцвете лет в процессе отчаянной борьбы за звание крутого мафиозо. Так мы вполне объясним мотивацию участников коморры, их уникальную этику, но что нам с этим делать? Строить аналогичную организацию, насаждать мотивацию и проверять будет ли работать? Как применять наши «научные познания»? Или если бы взялись изучать «дух совка» к примеру? Мы могли бы сказать, что это организация с выраженным господством элит, поддерживающих путем постоянного насилия и подавления свободы слова свою власть и порядок в обществе. Что это эффективная организация, сумевшая добиться выдающихся результатов в своем международном положении и в подчинении себе граждан. Что мотивацией граждан стала иррациональная потребность в уравнивании всех даже за счет собственной деградации. Таково положение вещей и другая уникальная этика. Как нам использовать полученные «научные знания»?

Вебер видел только одно использование своему методу: апологию и пропаганду своих взглядов и не скрывал этого. Он прямо заявлял о своем субъективизме и о своей цели защитить господствующие классы капиталистического мира от разрушительного влияния марксизма. Именно этой цели и были подчинены все его усилия в «социологии». В таком духе «социология» неокантианцев все еще может быть им полезна, но пропаганда никогда не сможет занять места социальной науки, как бы мы не относились к ее функциональной и этической ценности самой по себе.

В итоге, все эти «особые науки о духе» всегда ведут к одному результату: к демонстрации импотенции социальной науки и к признанию единственной эффективной социальной наукой — юридизм.

Социология Вебера — это в первую очередь апология положительного права и вытекающего из него государственного абсолютизма, это утверждение невозможности каких либо претензий научного знания на управление государством.

И если теоретики естественного права пишут об этике как об источнике права, то Вебер изгоняет этику не только из социологии, но еще более уверено из политики.

> *«Вебер попытался показать, что капиталистическая система должна исключать вмешательство в ее деятельность моральных соображений, связанных с человеческими правами, естественной справедливостью или общим благосостоянием. Таким образом, его социология свободна от человеческих ценностей как в трактовке экономики, так и социального строя в целом.*
> *Как мыслитель он следовал традиции Канта, но его глубоко волновали экономические и политические проблемы, поднятые Карлом Марксом. Философская концепция Вебера сформировалась под непосредственным воздействием гейдельбергской группы философов-неокантианцев, и в особенности Риккерта. Вебер принял установленное неокантианцами различие между естественнонаучными и историко-социальными проблемами. Именно такой точкой зрения он руководствовался при исследовании природы капитализма и разработке концепции науки об обществе, свободной от ценностей*

Государственные соображения Вебер считал превыше всех других соображений. Страстность, непреклонность убеждений, аскетическое служение чувствуется в каждой фразе его сочинений. Они часто могут быть грубыми и резкими, полными воинствующего национализма и презрения к тому, что Вебер называл плаксивой сентиментальностью. Ядро его философии заключается в том, что он рассматривает социальную жизнь в сущности как «борьбу человека против человека». Его кредо было первым недвусмысленным выражением социального дарвинизма как политической философии. Никто не должен заблуждаться относительно того важнейшего факта, утверждал Вебер, что социальное существование и национальная культура зависят от власти, необходимость в которой никогда не отпадет. «Не мир и счастье мы передаем своим потомкам, а скорее принцип вечной борьбы за существование как важнейший символ веры нашего национального рода»

Джон Льюис Марксистская критика социологических концепций Макса Вебера

Напротив, теоретики истинной социальной науки настаивали на преходящем характере юридизма и на объективной этике, как источнике любой власти.

«Но каково же тогда действительное отношение между этикой и политикой? Неужели между ними, как порой говорилось, нет ничего общего? Или же, напротив, следует считать правильным, что „одна и та же“ этика имеет силу и для политического действования, как и для любого другого? Иногда предполагалось, что это два совершенно альтернативных утверждения: правильно либо одно, либо другое. Но разве есть правда в том, что хоть какой-нибудь этикой в мире могли быть выдвинуты содержательно тождественные заповеди применительно к эротическим и деловым, семейным и служебным отношениям, отношениям к жене, зеленщице, сыну, конкурентам, другу, подсудимым? Разве для этических требований, предъявляемых к политике, должно быть действительно так безразлично, что она оперирует при помощи весьма специфического средства — власти, за которой стоит насилие? Разве мы не видим, что идеологи большевизма и “ Спартака», именно потому что они применяют это средство, добиваются в точности тех же самых результатов, что и какой-нибудь милитаристский диктатор? Чем, кроме личности деспотов и их дилетантизма, отличается господство рабочих и солдатских Советов от господства любого властелина старого режи-

ма? Чем отличается полемика большинства представителей самой якобы новой этики против критикуемых ими противников от полемики каких-нибудь других демагогов?

Кто хочет заниматься политикой вообще и сделать ее своей единственной профессией, должен осознавать данные этические парадоксы и свою ответственность за то, что под их влиянием получится из него самого. Он, я повторяю, спутывается с дьявольскими силами, которые подкарауливают его при каждом действии насилия. Великие виртуозы космической любви к человеку и доброты, происходят ли они из Назарета, из Ассизи или из индийских королевских замков, не " работали» с политическим средством — насилием; их царство было «не от мира сего», и все-таки они действовали и действовали в этом мире, и фигуры Платона

Каратаева и святых Достоевского все еще являются самыми адекватными конструкциями по их образу и подобию. Кто ищет спасения своей души и других душ, тот ищет его не на пути политики, которая имеет совершенно иные задачи — такие, которые можно разрешить только при помощи насилия. Гений или демон политики живет во внутреннем напряжении с богом любви, в том числе и христианским Богом в его церковном проявлении, — напряжении, которое в любой момент может разразиться непримиримым конфликтом. И в связи с такими ситуациями Макиавелли в одном замечательном месте, если не ошибаюсь, «Истории Флоренции», заставляет одного из своих героев воздать хвалу тем гражданам, для которых величие отчего города важнее, чем спасение души»

Макс Вебер Профессия как призвание и политика

Как и следовало ожидать, Вебер согласен с Кантом, Гоббсом и Макиавелли в том, чтобы Поллак сформулировал как «утопить этику в положительном законе», а Конт назвал бы жертвой науки юридизму. Именно трудам этих людей мы сегодня обязаны тем, что теория суверенитета постепенно превращается в теорию господства правительства над народом, что идея верховенства власти правительства вытесняет идею верховенства права. Вебер высоко ценил понятия «власти», «господства», «национального суверенитета», государства как порождения положительного права и силовых институтов.

> *«Современное государство есть организованный по типу учреждения союз господства, который внутри определенной сферы добился успеха в монополизации легитимного физического насилия как средства господства и с этой целью объединил вещественные средства предприятия в руках своих руководителей, а всех сословных функционеров с их полномочиями, которые раньше распоряжались этим по собственному произволу, экспроприировал и сам занял вместо них самые высшие позиции»*

Макс Вебер Политика как профессия и призвание

В точности такое определение государства как «установленного господства верховной власти над населением» дает и пропутинская теория государственного абсолютизма (многократно апеллирующая к социальной теории Вебера), откровенно насмехающаяся над понятиям «народного суверенитета».

И в самом деле, понятие власти означает господство над кем-то, в данном случае правительства над народом. Народ может управлять, но не может быть одновременно и господином и слугой, субъектом и объектом власти. Действительносто, из положительного права, из юридизма как самостоятельной «науки» следует идея власти как господства и идея народа как «подданного» или «слуги» правительства.

Наша задача доказать, что никакого отношения к науке данная постановка вопроса и положение дел не имеет. Не только ведущие мыслители человеческого рода, но и весь исторический процесс — яркий пример противоположной тенденции, тенденции к верховенству научного управления. И если наше научное знание все еще не готово к тому, чтобы взять все управление в свои руки, то совершенно необходимо противопоставить научные институты силовым, освободить научные институты от вмешательства правительства. Заявить о научном суверенитете, как истинном выразителе народной воли. Это значит прямое участием научных институтов в управлении страной. Но для этого наука должна заявить о себе как о социальной физике. Социология неокантианцев с ее интуитивным вчувствованием в уникальные культуры мира не сможет предъявить подобных претензий.

3. ВОЕННАЯ ДИСЦИПЛИНА И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

«Являешься ли ты чистым воздухом, и одиночеством, и хлебом, и лекарством для своего друга? Иной не может избавиться от своих собственных цепей, но является избавителем для друга. Не раб ли ты? Тогда ты не можешь быть другом. Не тиран ли ты? Тогда ты не можешь иметь друзей»

Так говорил Заратустра Ницше

«Значит, за всю свою жизнь они ни разу ни с кем не бывал друзьями; они вечно либо господствуют, либо находятся в рабстве: тираническая натура никогда не отведывала ни свободы, ни подлинной дружбы. Душа его преисполнена рабством и низостью, те же ее части, которые были наиболее порядочными, находятся в подчинении, а господствует лишь малая ее часть, самая порочная и неистовая»

Государство Платон

Немного отвлекаясь от темы в связи с приведенным эпиграфом, интересно вспомнить, что Вебер был последователем Ницше и в субъективизме и отрицании социальной науки и в декларировании принципа господства в противовес демократическому равенству. Однако Ницше, которого Куно Фишер презрительно именовал «просто сумасшедшим», отказываясь писать о его творчестве, был тонким человеком, действительно раздираемым противоречивыми чувствами и мыслями. Как тонко он подметил различие между двумя противоборствующими энергиями психики в приводимой цитате и как далеко это понимание от его философии власти, в целом довольно правильно воспроизводимой Вебером.

Приведенные цитаты Платона и Ницше говорят о двух принципиально различных системах человеческих организаций, где одни основаны на господстве и подчинении, так называемой военной дисциплине, а другие на научных дебатах, свободном общении и дружеской взаимопомощи, то есть на ответственности и самодисциплине. Причем, эти союзы везде представлены как антагонистичные, отрицающие друг друга и не способные сосуществовать в рамках одной системы. А если им приходится сосуществовать, то это будет бесконечная борьба на выживание какой-то одной системы.

Такими же несовместимыми являются доктрины государственного абсолютизма и народного суверенитета. Поэтому всякая последовательная теория суверенитета всегда придерживается только одной из них: либо утверждает господство власти правительства над населением вплоть до отмены парламентаризма и участия народа в законотворчестве, либо утверждает верховенство науки и вытекающее из него верховенство права, тождество научного и народного суверенитета, и временность юридической власти правительства на службе народа.

Вебер пишет о государстве как о «союзе господства, добившегося монополизации легитимного физического насилия как средства господства». Нельзя было высказаться с большей откровенностью о презрении к демократии, этике и всем прочим гуманистическим ценностям. Вебер последовательно проводит идею исключительности положительного права, отсутствия естественной науки об обществе, отрицания этики как выражения объективных законов этого общества — и в конечном итоге о верховенстве власти правительства как единственном источнике права.

В результате он развивает теорию силовых отношений господства и подчинения обществ садо-мазохизма, в основе которых так называемая военная дисциплина. Обществ, о праве которых Гоббс писал, что закон без меча суть слова.

Если гуманистов всех времен и народов возмущают общества садомазохизма, где достаточно приказа, чтобы свершилась

любая подлость, то сторонники господства приветствуют именно такой образ действий, бездумное подчинение как «образцовую дисциплину». Вот например как об этом пишут Герцен и Кропоткин:

> *«Воспитанный в помещичьей семье, я, как все молодые люди моего времени, вступил в жизнь с искренним убеждением в том, что нужно командовать, приказывать, распекать, наказывать и тому подобное. Но как только мне пришлось выполнять ответственные предприятия и входить для этого в сношения с людьми, причем каждая ошибка имела бы очень серьезные последствия, я понял разницу между действием на принципах дисциплины или же на началах взаимного понимания. Дисциплина хороша на военных парадах, но ничего не стоит в действительной жизни, там, где результат может быть достигнут лишь сильным напряжением воли всех, направленной к общей цели. Хотя я тогда еще не формулировал моих мыслей словами, заимствованными из боевых кличей политических партий, я все-таки могу сказать теперь, что в Сибири я утратил всякую веру в государственную дисциплину: я был подготовлен к тому, чтобы сделаться анархистом. На множестве примеров я видел всю разницу между начальническим отношением к делу и „мирским“, общественным и видел результаты обоих этих отношений. И я на деле приучался самой жизнью к этому „мирскому“ отношению и видел, как такое отношение ведет к успеху»*

Записки революционера Кропоткин

> «Теперь начинают понимать несовместимость братства и равенства с этими капканами, называемыми ассизами, свободы –и этих бойн под именем военно-судных комиссий; теперь никто не верит в подтасованных присяжных, решающих в жмурки судьбу людей, без апелляций; в гражданское устройство, защищающее только собственность, *содержащее хоть сто человек постоянного войска, которые не спрашивая причины, готовы спустить курок по первой команде*»

А. Герцен С того берега

Эксперименты «Подчинение авторитету» Милграма заставили его утверждать, что вся природа социального зла, которая в конечном итоге стоила человечеству миллионов страшных смертей в концентрационных лагерях, происходит из этой военной дисциплины обществ господства и подчинения. К тем же

выводам пришел Теодор Адорно в своей книге «Исследование авторитарной личности».

Люди, слепо выполнявшие приказы во время эксперимента, хотя они не находились под присягой и никто не заставлял их насильно, были мотивированы страхом перед авторитетом ученого и тщеславием в стремлении доказать ему свою значимость и понравится ему. Они перекладывали ответственность за все последствия своих поступков на авторитетных ученых, чьим приказам подчинялись, отказываясь признавать свою вину в причинении вреда людям от своих действий по наказанию их высокими разрядами тока.

«Им хотелось продемонстрировать компетентное исполнение, но этому сопутствовало сужение моральной вовлеченности. Испытуемый доверял более широкие задачи постановки целей и соблюдения моральной стороны вопроса авторитету экспериментатора, на которого он работал.

Общая тенденция в корректировке мыслей у послушных испытуемых стремление уйти от ответственности за свои поступки. Они освобождают себя от ответственности, передавая всю ответственность экспериментатору, законной власти. Они видят себя ни как людей, которые действуют в рамках морали, но как агентов внешнего авторитета. В последовавших за экспериментах интервью, на вопрос почему они продолжали эксперимент, самым типичным ответом было: «Я не стал бы делать этого сам. Я просто делал то, что мне сказали». Неспособные проявить неповиновение авторитету экспериментатора, они переносят всю ответственность на него. Это старая история о том «что они только выполняли свой долг», которую слышали снова и снова в защитных речах тех, кого обвиняли в Нюрнберге. Но будет неправильно думать об этом, как о крепком алиби, состряпанном для случая. Скорее, это фундаментальный метод мышления большинства людей, в замкнутой ситуации подчиненной позиции во властной структуре общества. Это испарение чувства ответственности самое далеко идущее последствие подчинения авторитету.

Хотя человек, работающий под влиянием авторитета, кажется нарушающим стандарты своего сознания, не будет правильным сказать, что он теряет свое моральное чувство. Вместо этого, моральное чувство приобретает радикально другой фокус. Он не реагирует моральной сентиментальностью на свои действия. Скорее, его моральное чувство занято теперь вычислениями того, насколько здорово он справляется с ожиданиями уполномоченного властью лица. Во время войны солдат не спрашивает хорошо или плохо бомбардировка села; он не чувствует вины или стыда разрушая деревню: скорее он чувствует гордость или стыд в зависимости от того, насколько хорошо он выполнил миссию, порученную ему.

Это точно сформулировал Джорж Оруэлл:

> «Пока я пишу, истребители с высоко цивилизованными людьми за штурвалом летают над моей головой, стараясь убить меня. Они не чувствуют кактй либо враждебности ко мне как к человеку, нет и у меня к ним враждебности. Они просто „выполняют свой долг", как обычно говорят. Большая часть из них, вне всякого сомнения, добродушные, законопослушные ребята, которым не приснилось бы в страшном сне пойти на убийство в обычной жизни. С другой стороны, если кому-либо из них удастся разнести меня на куски точно сброшенной бомбой, он не станет спасть от этого сколько-нибудь хуже»

Подчинение авторитету Стенли Милграм

Джон Оруэлл очень рельефно изобразил противостояние научных институтов разумной энергии и мистики эгозащиты в виде насилия, господства и подчинения в своем известном романе «1984», обозначив весь процесс как «мыслепреступление»:

> «Если человеческое равенство надо навсегда сделать невозможным, если высшие, как мы их называем, хотят сохранить свое место навеки, тогда господствующим душевным состоянием должно быть управляемое безумие.
> Мысли и действия, караемые смертью (если их обнаружили), официально не запрещены, а бесконечные чистки, аресты, посадки, пытки и распыления имеют целью не наказать преступника, а устранить

> тех, кто мог бы когда-нибудь в будущем стать преступником. У члена партии должны быть не только правильные воззрения, но и правильные инстинкты. Требования к его взглядам и убеждениям зачастую не сформулированы в явном виде — их и нельзя сформулировать, не обнажив противоречивости, свойственной ангсоцу. Если человек от природы правоверен (благомыслящий на новоязе), он при всех обстоятельствах, не задумываясь, знает, какое убеждение правильно и какое чувство желательно. Но в любом случае тщательная умственная тренировка в детстве, основанная на новоязовских словах самостоп, белочерный и двоемыслие, отбивает у него охоту глубоко задумываться над какими бы то ни было вопросами»

Джон Оруэлл 1984

Надо заметить, что Макс Вебер в книге «Политика как профессия и призвание» хвалит такой отказ от ответственности у всех, кроме «вождя» нации, стимулируя тем самым военную дисциплину и отказ от моральной вовлеченности исполнителей в существо приказов правительства. Что собственно логично вытекает из всей его теоретической системы:

> «Итак, политический чиновник не должен делать именно того, что всегда и необходимым образом должен делать политик — как вождь, так и его свита, — бороться. Ибо принятие какой-либо стороны, борьба, страсть — ira et studium — суть стихия политика, и прежде всего политического вождя. Деятельность вождя всегда подчиняется совершенно иному принципу ответственности, прямо противоположной ответственности чиновника. В случае если (несмотря на его представления) вышестоящее учреждение настаивает на кажущемся ему ошибочным приказе, дело чести чиновника — выполнить приказ под ответственность приказывающего, выполнить добросовестно и точно, так, будто этот приказ отвечает его собственным убеждениям: без такой в высшем смысле нравственной дисциплины и самоотверженности развалился бы весь аппарат. Напротив, честь политического вождя, то есть руководящего государственного деятеля, есть прямо-таки исключительная личная ответственность за то, что он делает, ответственность, отклонить которую или сбросить ее с себя он не может и не имеет права»

Макс Вебер Политика как профессия и призвание

Прошу обратить внимание, что эту в высшей степени безнравственную позицию, которая как правильно замечает Милграм и Оруэлл сделала возможной машину смерти Третьего Рейха, ГУЛАГи большевиков и вообще все системные убийства и казни людей, Вебер называет в высшей степени «нравственным» отношением, «выполнением своего долга», как саркастически замечают ученые.

Другое известное на весь мир исследование со всей очевидностью доказывает, что отсутствие военной дисциплины не только не значит «неделового подхода», но напротив есть единственный истинно эффективный способ ведения любого общественного предприятия. Это исследование Стендфордских ученых, Пораса и Джима Коллинза, и их книги «Построенные навечно» и «От хорошего к великому». В их основе изучение и анализ деятельности самых успешных компаний, оставивших неизгладимый след на мировой культуре, побивших мировые рынки и рекорды рыночного долгожительства.

> «Компании, которые добились выдающихся результатов, создали последовательные системы с четкими ограничениями, но они также предоставили людям свободу и ответственность в рамках этих систем. Они наняли дисциплинированных людей, которые не нуждались в непосредственном руководстве, и направили все свое внимание на управление системой, а не людьми. «Это и есть секрет того, как мы руководим магазинами с помощью дистанционного управления, — сказал Билл Ривас из Circuit City. — Это команда отличных менеджеров, работающих в рамках отличной системы, и на них лежит ответственность за их магазины. Вам необходимы руководители и сотрудники, которые верят в систему и делают все для того, чтобы система работала. В границах этой системы у менеджеров магазинов есть свобода действий, но есть и ответственность…
> Управленческие команды великих компаний состоят из людей, ожесточенно спорящих по поводу решения, но действующих единой командой при его осуществлении, невзирая на личные амбиции. …Как и Nucor, все великие компании применяли метод интенсивных обсуждений. Выражения: «громкие споры», «горячая дискуссия», «полезный конфликт» постоянно мелькали в газетных статьях об этих компаниях. Они использовали обсуждения не для того, чтобы позволить людям «выразить согласие» и поддержать уже принятое реше-

> ние. Процесс больше напоминал горячий научный спор, в котором участники пытались найти наилучший ответ.
> ***В отличие от великих компаний, уделявших огромное внимание созданию сильной команды менеджеров, несостоявшиеся великие поразительно часто использовали модель «гений с 1000 помощников». Согласно этой модели, компания — не что иное, как поле для приложения гения одной экстраординарной личности.*** В этом случае талант, тянущий на буксире всю компанию — основной фактор ее успеха, ее главный актив, и все держится только на нем до тех пор, пока он остается в компании. ***Гении не собирают выдающихся команд менеджеров — они им не нужны. Очень часто они их просто не хотят. Если вы гениальны, вам не нужна команда такого профессионального уровня, как у Wells Fargo, ребята могут искать себе другого работодателя. Что вам нужно, так это армия исполнительных солдат, которые бы помогали претворять в жизнь ваши выдающиеся идеи.*** Однако, когда гений уходит, его помощники зачастую не знают, что делать дальше»

Джим Коллинз От хорошего к великому

Легко видеть из этого отрывка, что руководство наиболее успешных компаний обратили особое внимание на разницу между военной дисциплиной и ответственностью интеллигентных людей. В то же время, военная дисциплина, иерархия и «господство» сравниваемых компаний, которые ученые условно обозначили как модель «гений с 1000 помощниками» в точности соответствует веберовской модели вождизма. В другой книге «Построенные навечно» Порас и Коллинз пишут, что эти две системы не могут сосуществовать, и что если ты принадлежишь к системе с «военной дисциплиной» сообщества, основанные на интеллигентной дискуссии «сотрут вас как вирус». Точно также несовместимы понятия государственного абсолютизма и народного суверенитета.

ГЛАВА 5. СОЦИОЛОГИЯ ГЕГЕЛЯ И МАРКСА. ИМПОТЕНЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

1. Линия и циклы философии истории
2. Научный контроль в обществе
3. Пространство интеллекта

1. ЛИНИЯ И ЦИКЛЫ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

Первым социологом-кантианцем был, несомненно, не Риккерт, и не Шпенглер, а Гегель. Спустя, наверное, век после его смерти Освальд Шпенглер почти в точности воспроизведет философию истории Гегеля, в которой заявит о новом «коперникове перевороте»: о цикличном развитии независимых друг от друга цивилизаций. И тот и другой сделают попытку написать историю духа, причем Шпенглер в деталях повторит все основные выводы Гегеля вплоть до утверждения, что дух движется во времени, а природа в пространстве.

Однако, Гегель резко противопоставил движение духа движению природы, как линейное развитие науки и цикличную статику физических процессов: дух движется вперед по прямой, познавая и развиваясь, а природные явления движутся по кругу. И только в этом одном он очень точно ухватил фундаментальное различие между разумной энергией и прочими детерминированными энергиями природы.

Как же так получилось, что его исторический процесс, также как у Шпенглера, носит тем не менее характер цикличного движения, а заявления о «развитии духа» остаются только фикцией, которой мы не находим никакого подтверждения в выводах его философии истории? Ответ только один: ни тот ни другой не су-

мели отразить существа и движения духа, то есть разумной энергии человечества.

> *«Для Гердера, например, история человечества есть непосредственное продолжение естественной истории. Гегель резко противопоставляет человеческое общество природе. Только в обществе происходит развитие. При всем бесконечном многообразии изменений, совершающихся в природе, в них обнаруживается лишь круговращение, которое вечно повторяется: в природе ничто не ново под луной, и в этом отношении многообразная игра ее форм вызывает скуку. Лишь в изменениях, совершающихся в духовной сфере, появляется новое. Природа существует только в пространстве, дух проявляется во времени, и таким его проявлением служит всемирная история»*

А. Гулыга Гегель

Шпенглер нарисовал историю как «цветение» цветков различных цивилизаций, лишенное какого-либо смысла кроме самого факта цветения. Каждая такая цивилизация есть душа, дух, который рождается, взрослеет, старится и погибает. А отдельные индивиды только отражение этой единой души, проявляющейся в культуре и учреждениях общества.

Но Гегель задолго до него говорил о «духе народов», который рождается, взрослее, старится и умирает, выполнив свою миссию. Персидский, греческий, римский и немецкий — четыре духа народа поочередно цвели и умирали, символизируя собой движение человеческой истории. А сознание отдельных индивидов только отражало существо этого духа народов, ибо индивиды только «сыны своего народа и времени» и настоящими индивидуальностями являются народы.

Правда, формальное отличие Гегеля от Шпенглера состоит в том, что Гегель пытался представить процесс «цветения» своих цивилизация как связанный процесс, представляющий развитие разума. Но в чем проявилось это развитие ему так и не удалось сказать. Он говорил о «прогрессе в свободе» как конечной цели, но не осталось человека, который бы вместе с Шопенгауэром не высмеял его прусское государство в качестве эталона свободы. Он говорил о прогрессе в познании самого себя, но насколь-

ко всерьез можно принимать такого субъекта как «дух народа»? Что мог бы познать о себе такой надуманный суперсубъект, поглотивший индивидов, но имеющий собственную волю? Наконец, его прогресс в познании истины, где истиной оказывается откровение евангелия, которое стало доступно еще в древнем Риме. В итоге, остается только шпенглеровское «цветение» независимых друг от друга цивилизаций, каждое из которых составляет отдельный уникальный цикл в истории. Начертить общую линию развития разумной энергии человечества Гегелю не удалось.

Это закономерное следствие его отказа от детерминированной картины мира, которую он заменил саморазитием своего абсолюта, творящего законы для себя и мира. Марксистская философия писала об этом так:

> *«Историзм как метод мышления предполагает рассмотрение социальной структуры в непрерывном развитии, когда исчезают старые закономерности и появляются новые. Если так, то, следовательно, невозможно охватить единой системой понятий развивающееся целое. В этом смысле существует известное противоречие между идеями последовательного историзма, развитыми в „Феноменологии духа", и принципами, которые лежат в основе „Науки логики" и „Философии истории". В этом смысле Маркс говорил, что „не существует производства вообще". Маркс подчеркивал, что историю нельзя осмыслить, „пользуясь универсальной отмычкой в виде какой-нибудь общей историко-философской теории, наивысшая добродетель которой состоит в ее над историчности".* Каждое общество, каждая эпоха, каждая культура иногда даже страна, рождают свои собственные локальные специфические закономерности, которые и раскрывают подлинный смысл исторического бытия на том или ином этапе развития. Исследователь, руководствующийся принципом историзма, выделяет в развитии человечества целостные системы и к каждой из них подходит с соответствующей меркой»

А. Гулыга Гегель

Это ли не подход неокантианцев, которые, как мы видели, рассматривали десятки различных уникальных цивилизаций, в которых они принципиально не стремились усмотреть универсальных законов развития, априори отрицая их существование?

Более того, они также как и Гегель и по той же причине утверждают, что цель исследования истории в понимание того, что есть, а не в поиске закономерностей, того что должно быть, поскольку таких общих закономерностей нет. Неизбежный эмпиризм, который рождает такая позиция, то есть примитивное описание чувственного опыта вместо попыток его упорядочить и осмыслить также является специфической чертой гегелевского обзора эволюции «духа» и истории.

> *«Следовательно, постичь то, что есть, — вот в чем задача философии, и как каждый из людей –сын своего времени, так и философия есть эпоха, охваченная в мыслях. Глупо думать, что философия может выйти за пределы современного ей мира, так же как наивно строить себе мир, каким он должен быть, этот мир может существовать лишь в мнении его создателя. Итак, наука о праве стремится к постижению государства как некой разумной субстанции: она не ставит себе целью указать, каким должно быть государство, ее задача — исследовать, каким образом государство, этот нравственный универсум, должно и может быть познано. Философия, говорил он, есть эпоха, схваченная в мыслях. Всякая система философии есть философия своей эпохи, поэтому в наши дни не могут существовать ни платоники, ни аристотелики, ни стоики, ни эпикурейцы, а только их эпигоны»*

А. Гулыга Гегель

Хотя Гегель искренне считал, что противопоставил свою философию как тождества разума и действительности философии Канта, заявившего о принципиальной непознаваемости реального мира, его попытки построить линейное движение прогрессирующего в своем научном развитии духа полностью провалились. И именно потому, что науки не может существовать без неизменных закономерностей природы, без детерминизма, который он вслед за Кантом отвергает. Если отсутствуют объективные закономерности природы, то все заявления о познаваемости мира оказываются профанацией.

> *«Все зависит от того, говорит здесь наш философ, чтобы понимать истину не только как субстанцию, но и как субъект. Это утверждение означает, что философия должна исходить*

> *не от первоначального или непосредственного единства, раз навсегда определенного в своем абсолютном совершенстве, а от живой субстанции, заключающей в себе начало отрицания и движения и достигающей своей полноты через деятельный процесс самоосуществления. Это не покоящееся и неизменное бытие, а процесс самоуглубления и самоосуществления»*

П. Новгородцев Кант и Гегель и их учение о праве и государстве

Противопоставив саморазвитие живого субъекта-разума — истине объективных законов природы, Гегель разрушил существо разумной энергии, ее силу и мощь, ее способность к развитию и росту, ее стабильность противостоящую цикличному равновесию физического мира. Линейное развитие разумной энергии –это процесс открытия и познания законов природы, доступа к энергиям природы. Если же этот базис научного процесса взрывается нелепыми утверждениями о самодостаточности мышления, то на деле все попытки отобразить линейное движение всегда приведут к циклам отдельных несвязанных между собой событий.

Поставив перед собой задачу показать морфологию и эволюцию духа, Гегель не смог даже приблизиться к решению этой задачи. Не увидев сущности разумной энергии, как постижения объективных закономерностей мира, он не смог разглядеть и качественного различия между двумя энергиями психики: линейной и цикличной, разумной и неразумной, живой и неживой. История представляет собой сражение между двумя этими антагонистичными по отношению друг к другу энергиями, где первая есть движение к развитию и человечности, а вторая — цикличные круги насилия и подчинения. Не увидев этой главной закономерности истории, он не сумел разглядеть и специфики линейного движения человечества, состоящего в том, что оно постоянно тормозится и отбрасывается назад противоположным цикличным движением. С какой гениальной проницательностью описал этот процесс сражения двух противоборствующих энергий психики в своей «истории развития разума»

Жан Кондорсе! Как мистика, которая всегда идет рука об руку с невежеством и садомазохизмом деспотии всякий раз отбрасывает человечество назад, когда разум делает блестящие успехи на научном и нравственном поприще.

Гегель видит остроумное решение в объединение этих двух качественно различных систем в единый двигатель, в единое силовое поле. Два различных силовых поля психики — разумная энергия поля совести с одной стороны и поле эгосистемы тщеславия и насилия с другой — стороны объявляются им единым природным двигателем, единством противоположностей, которое движет обществом. Это противоестественное соединение двух несоединимых энергий, противоборство которых составляет существо всей человеческой истории, о котором писали все гуманисты древности и современности, и вызывает такое отвращение к «историческому двигателю» Гегеля, который он сам обозначил как «хитрость разума»:

> *«Божественный разум, по словам Гегеля, не только могуществен, но и хитер: его хитрость состоит в „опосредующей деятельности, которая, дав объектам действовать друг на друга соответственно их природе и истощать себя в этом воздействии, не вмешиваясь вместе с тем непосредственно в этот процесс, все же осуществляет лишь свою собственную цель". Для Гегеля разум — некое надындивидуальное всемирно-историческое начало. Право мирового разума выше частных прав. Мировой разум имеет право быть расточительным и беспощадным. „он делает чудовищные затраты возникающих и гибнущих человеческих сил, он достаточно богат для такой затраты, он ведет свое дело en grand, у него достаточно индивидов и народов для этой траты". Разум не только расточителен, он хитер, он прямо таки коварен. Живые индивидуумы и народы, ища и добиваясь своего, в то же время оказываются средствами и орудиями чего-то более высокого и далекого, о чем они ничего не знают и что они бессознательно исполняют»*

А, Гулыга Гегель

В отрицании законов природы он остается последовательным, заявляя что дух рождается дважды: один раз из природы, а второй раз для свободы, чтобы освободится от этой самой

природы. Никакой врожденной природы у человека нет, нравственность происходит не из природной совестливости человека и не является универсальной этикой. Нравственность вводится государством, которое и представляет народный дух в его общности.

> *«Гегель: ≪Все государство есть их собственность точно так же, как и они находятся во владении его, так как оно составляет их субстанцию, их бытие. Эта духовная всеобщность составляет сущность, дух отдельного народа. Ему принадлежат особи, каждая из них есть сын своего народа и также сын своего времени, ни одна не остается позади него, а также не опережает его. Эта духовная сущность есть сущность индивидуума; он служит ее представителем, происходит из нее и заключен в ней≫*

Куно Фишер Философия истории Гегеля

> *«Что бы не воображал индивид о своей самостоятельности он не может выпрыгнуть за установленные пределы. Каждый индивид, поскольку он связан с духом своего народа, обретает с момента рождения веру отцов, и вера отцов является для него святыней и авторитетом. Выше морали Гегель ставит нравственность. Для него это различные понятия. Мораль характеризует личную позицию индивида, в нравственности проявляются органические формы общности людей — семья, гражданское общество, государство. В этих социальных институтах дух обнаруживает себя как нечто объективное и как подлинная свобода»*

А. Гулыга Гегель

Сократ Платона говорит о врожденной нравственности и ее прямой зависимости от уровня образованности человека, от уровня развития его интеллекта. Сегодня эта сократовская истина является общим местом в гуманистической психологии. Особенно способствовали ее развитию Спиноза, Бертран Рассел, Маслоу, Фромм.

Аристотель возразил интеллектуализму Платона, заявив, что никакой врожденной нравственности нет, и она приобретается вследствие чувственного опыта и воспитания. Его возражения стали началом бихевиоризма, который полностью изгнал понятия сознания и духа из психологии. В итоге он сформулировал

пошлую теорию золотой середины, где между пороком и добродетелью больше не было качественного различия, но только количественное. Та же количественная теория золотой середины и в основе моральности индивидов Гегеля:

> *«в моральной области, поскольку моральное рассматривается в сфере бытия, имеет место такой же переход количественного в качественное; различные качества оказываются основанными на разности величин. Достаточно какого-то „больше“ и „меньше“, и мера легкомыслия оказывается превзойденной, и получается нечто совсем иное, а именно — преступление, посредством чего право переходит в несправедливость, добродетель в порок».*

Это значит, что нравственность вводится государством и нисколько не зависит от усилий самих индивидов, так же как у Канта государство будучи реализацией народного духа, нравственности и свободы объявляется священным. А существо свободы и нравственности проявляется в привилегии повиноваться этому государству.

> *«История начинается с появления государственных образований. Государство, смена его форм «есть точнее определяемый предмет всемирной истории». Индивид, по сути дела, не цель, а средство, средство благоденствия и развития государства. История начинается лишь с появления государства и «завершается» установлением идеального, «истинного» государственного устройства. «Государство существует для самого себя. Оно есть божественная идея как она существует на земле».*

Ортега-и-Гассет имел все основания назвать учение Гегеля философией Цезарей и Чингисханов

> *Только в государстве осуществляется подлинная свобода. Еще в «Науке логики» Гегель определил свободу как познание и реализацию необходимости, продемонстрировав на этом примере тождество противоположностей. В социальном плане противоположность свободы — рабство; злые языки уверяли, что для Гегеля между ними нет разницы: тиранию деспотической прусской монархии он выдает за реализацию принципа свободы»*

А. Гулыга Гегель

Действительно, если государство самоцель, а индивиды лишь средства, которым регулярными войнами надо напоминать, что их личный интерес ничего не стоит по сравнению с интересом общественным, то Гегель потерпел неудачу и в попытках сформулировать существо другой фундаментальной характеристики духа — свободы.

Поскольку в действительности «духа народов» не существует, а государство есть его реализация в интерпретации Гегеля, то ему в конечном итоге, приходится искать объединения отдельных воль — в воле конкретного субъекта, монарха в данном случае. Разумеется, он говорит о конституционной монархии, но нас в данном случае интересует его отношение к принципу государственного суверенитета: «в народе, который мы не представляем себе ни как патриархальное племя, ни как пребывающий в неразвитом состоянии… а мыслим как внутри себя развитую, истинно органическую тотальность, суверенитет выступает как личность целого, а она в соответствующей ее понятию реальности выступает как *лицо монарха*».

Как все, кто отказывает социальной науке в праве на существование, кто отрицает законы природы и научное управление в обществе, Гегель видит единственный способ единения общества в конечном итоге в банальном юридическом принуждении. Поэтому власть также как у Канта объявляется священной, шествием бога на земле, так как она единственная в конечном итоге, после стольких излияний об абсолютной силе разумности и остроумии диалектической науки, принуждение единственное, что оказывается базисом всех социологических построений Гегеля. Принуждение объединяет людей, рождает государство, а из него свободу и разум.

Поэтому сосредоточенный в конечном итоге суверенитет в «лице монарха», пусть даже конституционной монархии — это отмена верховенства права в пользу верховенства власти правительства, это утверждение господства правительства над населением вместо демократии.

> *«Основной принцип единства проводится Гегелем прежде всего в отношении к устройству власти. По мнению Гегеля это единство должно иметь свое выражение в едином конкретном лице — монархе, который представляет собой как бы живое воплощение государственного объединения. Легко видеть, замечает он, что государство должно быть самоопределяющейся и суверенной волей, последним решением. Трудность состоит в том, чтобы понять эту волю как личность. Значение суверенитета состоит именно в том, что наделенный им орган обрывает ряд сомнений и колебаний при помощи верховного объявления конечной воли. Во имя этого принципа все особые власти и дела в государстве должны сводится к высшему единству; они не могут ни иметь самостоятельного значения, ни зависеть от частной воли; их последнее основание есть единство государства»*

П. Новгородцев Кант и Гегель и их учения о праве и государстве

О том же пишет и пропутинская теория абсолютизма, цитируя этот жпизод из Гегеля в подтверждение своей доктрины господства власти и отрицания верховенства права и народного суверенитета:

> *«Государство и организуется путем выделения из народной среды верховной власти, которая предстает как определенный „орган“, „лицо“ — непосредственный носитель и держатель, владелец суверенитета, его хранитель и гарант. Как пишет Гегель, „в народе, который мы не представляем себе ни как патриархальное племя, ни как пребывающий в неразвитом состоянии... а мыслим как внутри себя развитую, истинно органическую тотальность, суверенитет выступает как личность целого, а она в соответствующей ее понятию реальности выступает как лицо монарха“. Идеи „отечества“, „нации“, страны, власти и, наконец, самого государства становятся имманентными „лицу“ властелина»*

Н. Грачев Происхождение суверенитета

Гегель, который начинал свое исследование песней разуму и науке, закончил свой социологический обзор подчинением науки грубой силе. Таков был исход и фиаско претензий немецкой классической философии на постановку проблемы духа в философии и науке.

Постольку поскольку идея духа так и не поддалась Гегелю, крутой разворот Маркса в сторону материализма почти не сказался на существе гегелевской философии. Хотя Маркс и признал наличие причинности в природе (но его признавал и Шпенглер), он остался на позициях Гегеля в отношении социальной действительности, где активность человека трактовалась как творческая и созидающая свою социальную действительность (законы природы происходят, законы истории делаются). В итоге, его философия та же неудавшаяся попытка изобразить линейное движение человечества и все прочие характеристики разумной энергии человека: свободы, развития, устойчивого равновесия, доброты. Его социология имеет тот же ложный объект исследования в виде суперсубъекта, где место духов народа занимают классы. Его исторический локомотив то же единство и борьба противоположностей, где война столько же оправдана и необходима. Его прогресс те же несвязанные между собой четыре этапа истории. Его государство то же полное поглощение абстрактным единством воли индивидов. Его разум и научный контроль — та же фикция «саморазвития материи». Вот почему неправильно говорить о марксизме-ленинизме, а нужно говорить о гегельяно-марксизме.

2. НАУЧНЫЙ КОНТРОЛЬ В ОБЩЕСТВЕ

Чтобы суметь различить реальное линейное движение общества необходимо изучать его с точки зрения общих и неизменных законов человеческой природы, то есть с точки зрения законов психики.

Тогда весь исторический процесс предстанет реализацией одних и тех же закономерностей, неизменных во времени. В этом смысле история человечества никогда не устаревает и всегда актуальна. Прошлое от настоящего отделяет уровень в степени познания законов природы и степени излечения от нездоровой энергии психики. То есть процесс роста знания

и технологий контроля открытых энергий природы, в том числе и своей собственной психической энергии.

> *«Спиноза сформулировал проблему социально смоделированного дефекта очень четко. Он говорит: „В самом деле, мы видим, что иногда какой-либо один объект действует на людей таким образом, что хотя он и не существует в наличности, однако они бывают уверены, что имеют его перед собой, и когда это случается с человеком бодрствующим, то мы говорим, что он сумасшествует или безумствует. Не менее безумными считаются и те, которые пылают любовью и дни и ночи мечтают только о своей любовнице или наложнице, так как они обыкновенно возбуждают смех. Но когда скупой ни о чем не думает, кроме наживы и денег, честолюбец — ни о чем, кроме славы и т. д., то мы не признаем их безумными, так как они обыкновенно тягостны для нас и считаются достойными ненависти. На самом же деле скупость, честолюбие, разврат и т. д. составляют виды сумасшествий, хотя и не причисляются к болезням“. Эти слова были написаны несколько столетий назад; они все еще верны, хотя этот смоделированный культурой дефект достиг такого распространения в наше время, что его уже не принято более считать ни чем-то достойным ненависти, ни даже тягостным»*

Человек для себя Фромм

По существу это такая же рядовая детерминированная энергия природы, как скажем механическая или электрическая. Сама по себе она патологией не является, обычный механизм цикличного равновесия, описанный Гельмом и Оствальдом для всех энергий природы. Но постольку поскольку этот ток существует за счет поглощения и разложения разумной, живой энергии психики человека, для нас, для людей, это энергия является чудовищной патологией, раковой опухолью, ответственной за все зло, за все иррациональное, за войны и подлость, за психозы и неспособность людей найти общий язык.

Испокон веков пишут люди об этих двух психических силах, противоборствующих друг с другом. Пишут как о борьбе добра и зла, подлости и совести, сострадания и жестокости, чувства юмора и ханжества, эстетики и безвкусицы, достоинства и тщеславия, науки и мистики, развития и циклов.

Те, кто подобно Гегелю объединяют эти две противоборствующие силы в одну энергию человеческого движения — не только превращают пронзительную человеческую трагедию в фарс и комедию, но и перечеркивают весь смысл и все существо человеческой морфологии. Так делал Аристотель, когда смешивал добро и зло в единое качество, различающееся лишь количеством, так делал Вольтер, когда писал, что зло и добро составляют нераздельное существо человеческой природы.

В буддизме патология очень проницательно определена как колесо страдания, где особо указывается на ненасыщаемый характер мотивации этого колеса, никогда не удовлетворяющего потребность, но все сильнее и сильнее накручивающего боль. Такова действительно специфика мотивации нездоровой энергии, о которой пишут например Маслоу и Фромм (мотивация дефицита, мотивация боли против мотивации удовольствия здоровой энергии). Нет, конечно, и здоровая энергия может быть мотивирована болью, когда фрустрированы ее фундаментальные потребности в познании и общении, но эти потребности насыщаемы, боль разумного человека можно удовлетворить решив его проблему, например, создав условия для учебы. Не так обстоит дело с потребностями эгозащиты, которые в принципе неудовлетворимы. Современная психология собрала много фактов, подтверждающих, что жадность и садомазохистские наклонности никогда не удовлетворяются, потому что они иррациональны по своей природе. Так срабатывает цикличный гомеостаз рядовой детерминированной энергии: искажая информацию он генерирует ложные потребности, ощущаемые как необходимость защиты эго, как страх сверхъестественных сил, и, гарантируя ненасыщаемость этих ложных потребностей, гарантирует этим и постоянное возобновление цикличного гомеостаза. Этот механизм и разоблачил Будда как «колесо страдания», существо которого ложь, влекущая бессмысленное страдание. Это механизм паразитирующей энергии, разрушающей разумную энергию психики.

> *«У них настоятельная потребность грабить, иначе придется терпеть невыносимые муки и страдания. Когда его тиранит Эрот, че-*

ловек навсегда становится таким, каким изредка бывал во сне, ему не удержаться не от убийства, ни от обжорства, ни от проступка, как бы ужасно все это не было: посреди всяческого безначалия и беззакония в нем тиранически живет Эрот. Как единоличный властитель, он доведет объятого им человека, словно подвластное ему государство, до всевозможной дерзости, чтобы любой ценой удовлетворить себя, и сопровождающую его буйную ватагу, составившуюся из всех тех вожделений, что нахлынули на человека отчасти извне, из его дурного окружения, отчасти же изнутри, от бывших в нем самом такого же рода вожделений, которые он теперь распустил, дав им волю»

Платон Государство

«Человеческое бессилие в укрощении и ограничении аффектов я называю рабством. Ибо человек, подверженный аффектам, уже не владеет сам собой, но находится в руках фортуны, и притом в такой степени, что он, хотя и видит перед собой лучшее, однако принужден следовать худшему»

Этика Спиноза

Маслоу: «так называемое <чувство удовольствия>, испытываемое убийцами, садистами, фетишистами, по сути своей не является тем <удовольствием>, которое вызывали в своих экспериментах Олдс и Камийя. Собственно, об этом уже давно известно психиатрии. Любой опытный психотерапевт знает, что за невротическими <удовольствиями> или перверзиями, как правило, стоят обида, боль и страх. Да и наш субъективный опыт говорит о том же. Мы знаем достаточно людей, которые в своей жизни испытывали как здоровое, так и нездоровое чувство удовольствия. Как правило, они отдают предпочтение первому и научаются подавлять второе. Колин Уилсон ясно продемонстрировал нам, что люди, совершающие сексуальные преступления, имеют весьма слабые сексуальные реакции»

Абрахам Маслоу Дальние рубежи человеческой природы

Фромм: «А вот иррациональные желания ненасытимы. Желания завистника, собственника, садиста не исчезают с их удовлетворением, разве что на какой-то момент. По самой своей природе эти иррациональные желания не могут быть „удовлетворены“. Они вызваны внутренней неудовлетворенностью человека. Отсутствие плодотворности и порожденное им бессилие и страх — вот источник этих страстных влечений и иррациональных желаний. Даже если б

человек мог удовлетворить все свои желания власти и разрушения, это не избавило бы его от страха и одиночества, а, значит, и от напряжения. Благо воображения оборачивается бедствием; будучи не в состоянии освободиться от своих страхов, человек рисует в своем воображении все больше удовольствий, какие удовлетворят его алчность и восстановят его внутреннее равновесие. Но алчность — бездонная пропасть, а идея освобождения от алчности путем ее удовлетворения — мираж. Источник алчности — конечно же не животная природа человека, как часто считают, этот источник — его ум и воображение».

Фромм Человек для себя

Хорни: «при некоторой удаче честолюбцам действительно удается достичь славы, почестей, влиятельности. Но, с другой стороны, добившись на самом деле больших денег, знаков отличия, власти, они, вместе с тем, приходят к ощущению полной тщетности своей погони. Они не достигают мира в душе, внутреннего спокойствия, довольства жизнью. Внутреннее напряжение, ради ослабления которого они и гнались за призраком славы, не ослабевает ни на йоту. И поскольку это не несчастный случай, а неизбежный результат, мы будем правы, заключив, что нереалистичность всей этой погони за успехом — ее неотъемлемое свойство».

Хорни

И наоборот, здоровые люди живут на поле страсти к познанию, справедливости и сострадания:

«Так разве не будет уместно сказать в защиту нашего взгляда, что человек, имеющий прирожденную склонность к знанию, изо всех сил устремляется к подлинному бытию? Он не останавливается на множестве вещей, лишь кажущихся существующими, но непрестанно идет вперед, и страсть его не утихает до тех пор, пока он не коснется самого существа каждой вещи тем в своей душе, чему подобает касаться таких вещей, а подобает это родственному им началу. Сблизившись посредством него и соединившись с подлинным бытием, породив ум и истину, он будет и познавать, и по истине жить, и питаться, и лишь таким образом избавится от бремени, но раньше — никак»

Платон Государство

Гордон Олпорт: «Верно, что упражнение талантов способного человека часто вознаграждается. Но упражняется ли он просто для полу-

> *чения вознаграждения? Это кажется маловероятным. И такая мотивация не объясняет влечения, стоящего за гением. Мотив гения — творческая страсть сама по себе. Насколько несерьезно думать о том, что самоотдача Пастера коренилась в его заботах о вознаграждении, здоровье, еде, сне или семье. В пылу исследований он надолго забывал обо всем этом. И такая же страсть двигала гениями, которые в течение жизни не получали почти или совсем никакого вознаграждения, как Галилей, Мендель, Шуберт, Ван Гог и многие другие».*

Олпорт

> *Гордон Олпорт: «У Х Кларк собрал суждения примерно трехсот хорошо образованных людей, каждый второй из которых указан в справочнике „Кто есть кто“ Когда их просили оценить факторы, конструктивно повлиявшие на креативность их жизни, главным оказался „интерес и удовлетворенность работой как таковой“, а за ним шло „желание знать и понимать“ На третьем месте было желание помочь обществу»*

Олпорт

> *«человеческая способность к укрощению страстей состоит в одном только разуме. Таким образом, я изложил все, что предполагал сказать относительно способности души к укрощению аффектов и о ее свободе. Из сказанного становится ясно, насколько мудрый сильнее и могущественнее невежды, действующего единственно под влиянием страсти. Ибо невежда, не говоря уже о том, что находится под самым разнообразным действием внешних причин и никогда не обладает истинным душевным удовлетворением, живет, кроме того, как бы не зная себя самого, Бога и вещей, и, как только перестает страдать, перестает и существовать. Наоборот, мудрый как таковой едва ли подвергается какому-либо душевному волнению; познавая с некоторой вечной необходимостью себя самого, Бога и вещи, он никогда не прекращает своего существования, но всегда обладает истинным душевным удовлетворением»*

Этика Спиноза

Оствальд определял различие между живой и неживой энергией в зависимости от специфики закона сохранения энергии: имеет ли он для данной энергии характер самосохранения или нет. Если да — то это живая энергия, как например биологический мир имеет специфику закона сохранения энер-

гии как самосохранения. То же можно сказать и о разумной энергии психики, которая сознательно стремится к самосохранению. Разница между паразитами, провоцирующими болезнь в биологии, и паразитами, провоцирующими патологию психики, состоит в том, что в первом случае речь о живых организмах, а во втором о неживой энергии, такой же скажем как электрический ток.

И Будда совершенно логично пришел к выводу, что это колесо необходимо остановить. Однако, многие понимают его философию как отказ от жизни. Напротив, остановка колеса детерминированной энергии психики дает второе рождение громадной силе разумной, живой, творческой энергии человека. Цель, правильно установленная Буддой как остановка колеса страдания, колеса патологии, достигается через закон сохранения силы: достаточно открыть механизмы обеих энергий и доказать ложность эгосистемы и порождаемых ею циклов эгозащиты, как закон сохранения силы остановит эгозащиту и тем самым избавит реальное Я человека от ее болезненных, разрушительных конвульсий.

> *«**Просветление Будды***
> *Сиддхартха, не колеблясь, отвечал ему:*
> *— Все это было у меня великий государь, и все это я оставил ради поисков истины; я все еще ищу ее и буду искать; я не остановлюсь, даже если дворец Индры отворит передо мной свои жемчужные ворота и боги станут приглашать меня вступить туда! Я иду воздвигнуть царство Закона и направляюсь к тенистым лесам Гайи, где, я надеюсь свет осенит меня. Теперь дело идет о том, чтобы открыть свет и познать истину; и если это мне удастся, дорогой друг, я, конечно, вернусь к тебе и воздам тебе за любовь твою! Невежество — мать страха и неправды, Авидья, отвратительная колдунья, от приближения которой полночь стала темнее.*
> *Авидья–обольщение — пользуется призраками наслаждений как западней. Таким образом возникает Ведана, жизненное Чувство, обманчивое в своих радостях, жестокое в своих скорбях, но радостное или скорбное оно дает начало Матери желаний — Тришне, этой жажде заставляющей всех живущих пить все больше и больше тех соленых вод, по которым они носятся, упиваться удовольствиями честолюбия, богатства, чести, славы, владычества, победы, любви, роскош-*

> *ной пищи и одежды, красивого жилища, гордости своим происхождением, сластолюбия, борьбы за существование и грехов, порождаемых этой борьбой. Таким образом жажда жизни утоляется напитками, удваивающими жажду, но мудрый уничтожает в своей душе эту Тришну, не питает своих чувств обманчивыми признаками, твердо настраивает свою душу так, чтобы она не стремилась ко злу. Стезя пройдена — и вот Карма свободна от земных обманов; избавленная от всех вожделений (скандх) плоти; освобождена от уз — от Упадан — от вращения колеса; она бодрствует, она здорова, как человек, проснувшийся после тяжкого сна. Теперь она выше царей, счастливее богов!»*

Поэтому вся современная гуманистическая психология построена на том фундаментальном тезисе, что человеческая психика представлена борьбой истинного Я и ложного Эго. Как разоблачить второе и избавить от него первое составляет всю сущность ее изысканий. Однако, без постановки этого вопроса в контексте теории психической энергии, гуманистической психологии никогда не удастся удовлетворительно ответить на этот вопрос.

> *«Одна из главных характеристик невроза, как мы утверждали вообще и освещали в подробностях, это смещение приложения сил: от развития заложенного потенциала подлинного я на развитие фиктивного потенциала идеального я. Чем полнее мы понимаем значение этого процесса, тем меньше нас затрудняют несоответствия во внешнем выходе сил. Чем больше сил отбирает на службу себе гордыня, тем меньше остается для конструктивного влечения к самоосуществлению. Проиллюстрируем это обычным примером: снедаемый честолюбием человек может проявить удивительную энергию, чтобы достичь высокого положения, власти и славы, а с другой стороны, у него не находится времени, интереса и сил на личную жизнь и свое духовное развитие. На самом деле вопрос не в том, что у него „не остается сил“ на личную жизнь и развитие. Даже если бы у него оставались силы, он бессознательно отказывался бы использовать их ради своего подлинного я. Это пошло бы вразрез с намерением его ненависти к себе, которое состоит в том, чтобы давить подлинного себя».*

Невроз и личностный рост Карен Хорни

«Человек чувствует или делает то, что ему полагается чувствовать или делать; его активность лишена непосредственности в том смысле, что она зависит не от его собственного ментального или эмоционального состояния, а от внешнего источника. Иррациональные влечения входят в число самых мощных источников активности. Человек, движимый язвительностью, мазохизмом, завистью, ревностью и всеми другими формами алчности, находится в подчинении у своих влечений; его действия не свободны и не разумны, они противоположны разуму и интересам этого человека, как человеческого существа. Человек, одержимый этими влечениями, повторяет себя, становясь все более негибким, все более стереотипным. Он активен, но он не плодотворен».

Эрих Фромм

Виктор Франкл: «Ноогенные неврозы имеют отличную от психогенных неврозов этиологию, так как возникают в другом личностном измерении. ...в случаях ноогенных неврозов мы имеем дело с психологическими заболеваниями, которые, в отличие от психогенных неврозов, не коренятся в конфликтах между различными влечениями или в столкновениях психических компонентов, таких, как, так называемые, Ид, Эго и СуперЭго. Они, скорее, произрастают из противоречий между различными ценностями, или из неудовлетворенной жажды человека обладать высшей ценностью — главным смыслом своей жизни. Проще говоря, мы имеем дело с фрустрацией человека, борющегося за смысл своего существования, — с фрустрацией его воли к смыслу».

Воля к смыслу Франкл

«Размышляя о природе человека, я думал, что открыл в ней два различных начала: одно возвышало его до изучения вечных истин, до любви к справедливости и нравственно прекрасному, до областей духовного мира, созерцание которого составляет усладу мудреца; другое возвращало его вниз, к самому себе, покоряло его власти чувств, страстям, которые являются их слугами, и противодействовало, с помощью их, всему тому, что внушало ему первое начало. Чувствуя себя увлеченным, сбитым с пути этими двумя противоположными движениями, я говорил себе: «Нет, человек — не единое: я хочу — и я не хочу; я чувствую себя и рабом, и свободным; я вижу добро, люблю его — и делаю зло; я активен, когда слушаюсь разума, и пассивен, когда меня увлекают страсти: и самое горькое мученье для меня, когда я падаю, чувствовать, что я мог бы устоять»

Эмиль Руссо

Из этих примеров определений двух антагонистичных энергий психики в гуманистической психологии и философии, очевидно, что это пока только гипотезы, но еще не знание, которым можно было бы пользоваться, то есть контролировать конкретную энергию, в данном случае психическую.

Рассказать человеку, что у него каких то две противоположные силы в психике, дать приблизительное их описание, которое всегда именно в силу своей приблизительности слишком абстрактно и трудно для понимания и сказать, что теперь он все знает о себе и должен излечиться — несерьезно. Поэтому современный гуманизм в тупике и обессилен, он не знает, что делать со своим знанием о морфологии психики.

Даже его противостояние с фрейдизмом имеет тот же источник неспособности сформулировать зарождающееся знание о психической энергии в энергетических терминах. Гуманизм утверждает не то, что Фрейд неправ, когда толкует о системе двух противостоящих психологических фигур в психике (Эго и СуперЭго), а то, что это не есть реальная, истинная, здоровая психика. А напротив, лишь поверхностное патологическое образование. Если бы они рассуждали в энергетических терминах — они смогли бы это доказать.

Если бы они смогли объяснить человеку разницу между ложным Эго и истинным Я в энергетических терминах — они смогли бы способствовать остановке Эгозащиты, так как этому способствовал бы закон сохранения силы психики.

Существо различия между реальным Я и Эгосистемой примерно то же, что различие в мировоззрении рационалистов и кантианцев. Здоровые люди видят реальный мир, Эгосистема отражает мир в «кривом зеркале» мистики, некоей абстракции количественного противостояния двух сил. Рационалисты утверждают, что мир познаваем и человек видит объективную реальность, Кант и его последователи говорят о принципиальной непознаваемости мира, где люди носят от рождения синие очки априори, которые окрашивают весь мир в синий цвет, даже если он белый или красный на самом деле. Как психологическая тео-

рия философия Канта может быть полезна, но не как теория познания. Рационалисты говорят о здоровой энергии, которая способна к научному мышлению и познанию объективной истины, кантианцы о нездоровой эгозащите, которая воспринимает мир через очки эгосистемы (кривое зеркало, как говорил об этом Кьеркегор). Эгосистема — эта чувственная информация, которая представляет мир как противостояние двух количественных сил: себя и всего прочего мира (Эго и СуперЭго). Понятно, что это чушь и бред с точки зрения истины, поэтому именно нам страхи абориген и их поведение кажутся безумными. Эгосистема все еще жива и у современных людей, как можно видеть из приведенных цитат, но у цивилизованных людей уже хорошо развито логическое мышление и есть какой-то багаж знаний. В этой связи здоровая контрольная энергия значительно более развита и патология эгозащиты на этом фоне не так заметна.

Цель этой ложной информации не в том, чтобы добыть истину, а в том, чтобы спровоцировать траты энергии человека на эгозащиту: противостояние двух сил вызывает сильное чувство страха и включает эгозащиту, которую наглядно можно видеть на поведении абориген, жертвующих все и себя самих, чтобы ублагостивить сверхъестественные силы. При этом смысл слова «Я» раскрывает закон сохранения психики человека: «я» — это то, чью силу надо сохранить, то есть объект контроля закона сохранения силы психики.

Вся штука с терапией состоит в том, чтобы доказать человеку, что эгосистема — это чужеродное силовое поле, два чувственных пятна, не имеющих к его реальной энергии никакого отношения. Это как реальный человек и его отражение в зеркале. Не будет же он считать свое отражение собой или свою фотографию и отдавать все силы на то, чтобы служить своей фотографии? Свое «Эго» человек ощущает как силовое противостояние с миром, как положение на социальной лестнице, как чувства страха, ревности и зависти, как тщеславие и маску. Аборигены на полном серьезе считают себя своими тотемами, то есть крокодилами и гусеницами. Это чувственная информа-

ция, в связи с чем Фромм пишет, что большая часть людей не способна сформулировать кто они, в чем смысл их существования. Так срабатывает физический контроль закона сохранения силы психики, основанный на искаженной чувственной информации эгосистемы.

Интеллектуальная информация о себе, о своем истинном Я — это конечно знание законов психической энергии. Таким образом, знание законов психики, в том числе и законов поля эгозащиты — это не просто образование, но еще и терапия. Только так можно заменить ложную чувственную информацию о себе на истинную интеллектуальную, и тем самым устранить ложный объект контроля сохранения психики (Эго). Так останавливается колесо страданий и никак иначе.

Однако, что должна представлять такая интеллектуальная информация о себе, какое знание законов психики?

Это безусловно не только открытие самих закономерностей психики, но и способность истолковать на их основе историю человечества, биографии великих людей, данные психиатрии, участие ученых в постепенном открытие этих закономерностей и их вклад в науку.

Это система объективного знания о психике человека, его сообществах и его истории. Получается, что знание о своей энергии необходимо человеку, прежде всего, для обретения душевного здоровья и уже само по себе является ключом к здоровому обществу.

Если мы посмотрим какой хаос мы имеем сегодня в области знаний человека о самом себе — мы увидим как далеко находится человечество и от личного здоровья индивидов и от способности построить стабильные здоровые общества.

Научный контроль в обществе — это наличие объективного знания об этом обществе. Психология, которая в качестве терапии может предложить только воспоминая детства, или построение личных «конструктов» на базе феноменологии или попытки еще каким то иным образом найти истину в бесплодном самокопании — это ничтожная психология. Реальная терапия состоит

в получении реального знания, которое сосредоточило бы в руках индивида реальную силу. Пусть пока силу интеллектуального понимания происходящего, но этого понимания невозможно достичь без новых знаний, без превращения процесса терапии в процесс образования. Вот в чем бессилие современной психологии, которая считает, что ее объект исследования можно разделить с объектом исследования социологии и истории.

3. ПРОСТРАНСТВО ИНТЕЛЛЕКТА

«Весь род людской себе противоречит —
Ну как же мне другим не подражать?
Все мелкой ложью истину калечат,
Но я правдив и не желаю лгать.
Коль нас от скептицизма не излечат,
Мы ничего не сможем отвергать.
Противоречий много в человеке;
Источник правды чист, но мутны реки.
Конечно, каждый может ошибаться.
А впрочем, может быть, и каждый прав.
Спаси нас боже! Трудно продвигаться,
В тумане маяка не распознав»
Байрон Дон Жуан

«Так и у нас в Париже доктора
Бывают и способны и учены,
Пока не настает для них пора
Торжественно вступить под сень Сорбонны,
Где Путаница и нелепый Спор
Устроились удобно с давних пор
И мысль разумная звучит как шутка;
Толпа ученых входит в этот храм;
На вид они не лишены рассудка,
Почтение они внушают вам,
Все смотрят сановито и прилично,
Все по латыни говорят отлично,

Толкуют обо всех и обо всем,
И все же — это сумасшедший дом»
Вольтер Орлеанская девственница

«Я философию постиг
Я стал юристом, стал врачом...
Увы! С усердьем и трудом
И в богословье я проник —
И не умней я стал в конце концов,
Чем прежде был... Глупец я из глупцов!
Магистр и доктор я — уж вот
Тому пошел десятый год;
Учеников и вкривь и вкось
Вожу я за нос на авось —
И вижу все ж, что не дано нам знанья,
Изныла грудь от жгучего страданья!»
Фауст Гете

Декарт был прав, когда говорил, что наше «я», как «вещь мыслящая» не имеет протяженности. Впоследствии эту мысль воспроизводители многие другие ученые. Наше психическое Я обладает своим жизненным пространством, отличным от физического. Мы ходим по земле, но продвигаемся в своих мыслях и планах.

Эйнштейн, ни кто-нибудь доказал, что пространство и время составляют единый пространственно-временной континуум. Это верно, природа обладает не только своим пространством, но и своим временем. Ее пространство материально, ее время циклично. Дух, то есть разумная энергия психики обладает и своим пространством и своим временем, просто другим пространственно-временным континуумом. Поэтому когда Гегель заявил, что дух во времени, а природа в пространстве (а Шпенглер потом за ним повторил) он был смешон.

Пространство духа — знание, его время — накопление знаний. Дух путешествует в поисках истины, время его путешествий исчисляется накопленным в пути знанием. И путь и знание об-

щие для всего человечества, наше Я, наш объект контроля закона сохранения силы — составляет единое поле знаний, совести и сострадания.

> *Бертран Рассел: «Если, с другой стороны, ваши привычные мысли всегда содержат исторический взгляд на человеческий путь, начиная с его постепенного зарождения из варварства, и краткость общего существования человека в сравнении с размерами астрономических эр, если, повторяю, такие мысли всегда при вас, вы поймете, что сиюминутная борьба, в которую вы вовлечены, не может быть такого масштаба, чтобы рисковать вернуться назад в темные века варварства, из которых мы с такими трудами выбирались. Нет, больше, если вы переживаете неудачу в достижении сиюминутной цели, вас поддержит та же мысль о преходящем, которая сделала невозможным обращение к разрушительному оружию. В вашем распоряжении окажутся помимо промежуточных целей, также задачи отдаленные и медленно раскрывающиеся, задачи, неличные, где вы только один из воинов огромной армии великих людей, прокладывавших дорогу человечеству к цивилизации. Если вы сумеете развить в себе этот взгляд на человечество, вы заложите основу глубокому фундаментальному счастью, которое никогда не покинет вас, как бы ни сложилась ваша личная судьба. Ваша жизнь станет продолжением жизни всех великих людей, имевших общие цели, и с вашей смертью эта нить общей жизни не оборвется, и поэтому покажется вам лишь незначительным инцидентом»*

Бертран Рассел Борьба за счастье

> *Маслоу: «Мое восприятие академической процессии продлилось, достигло будущего, вышло за пределы моего ограниченного временем умственного взора и обнаружило во главе колонны Сократа и других ученых. Я увидел впереди себя целые поколения величайших академиков, профессоров и интеллектуалов, коих я был последователем, учеником и продолжателем. Я смог увидеть в скучном ритуале некую торжественную процессию, скрывающуюся в тумане, в едва различимой бесконечности, в тех временах, когда люди еще не испытывали от нее тоски и досады, но с радостью и гордостью присоединялись к великой когорте школяров, интеллектуалов, ученых и философов. Я ощутил благоговейную дрожь, я был счастлив от того, что оказался в их числе, я почувствовал гордость за мантию на моих плечах и шапочку на голове. Я стал символом, я обозначал нечто большее, чем просто видимое всем человеческое тело. В тот момент я был даже не совсем человеком. Я был олицетворением вечного учителя. Я был*

платоновской сущностью учителя. Трансценденция времени может принимать и несколько иные формы. Например, я могу почувствовать приятельское, очень личное, почти любовное отношение к Спинозе, к Абрахаму Линкольну, Джефферсону, Уильяму Джеймсу, Уайтхэду и другим людям, как если бы они действительно были живы и были моими близкими друзьями. В известном смысле это конечно же означает, что они действительно живы»

Абрахам Маслоу Дальние рубежи человеческой природы

Но что делать духу пространство которого разрушено на корню? Как путешествовать по разбитым дорогам, заваленным тоннами зловонного мусора? Как обрести чистые сверкающие тропинки, построенные упорядоченным знанием, как изгнать хаос противоречий и нагромождение ложных теорий?

«В поисках за ответами на вопрос жизни я испытал совершенно то же чувство, которое испытывает заблудившийся в лесу человек. Вышел на поляну, влез на дерево и увидал ясно беспредельные пространства, но увидал, что дома там нет, и не может быть; пошел в чащу, во мрак, и увидал мрак, и тоже нет и нет дома» Исповедь Лев Толстой

«Мне хочется ни магии, ни мистерии, а просто выйти из того состояния души, которое вы сейчас представили в десять раз резче меня; выйти из нравственного бессилия, из жалкой неприлагаемости убеждений, из хаоса, в котором, наконец, мы перестали понимать, кто враг и кто друг; мне противно видеть, куда не обернусь, или пытаемых, или пытающих. ... От всех упований, от всей жизни, которая прошла между рук (да еще как прошла), если что-нибудь осталось — это вера в будущее. Когда-нибудь, долго после нашей смерти, дом, для которого мы расчистили место, выстроится, и в нем будет удобно и хорошо — другим»

С того берега Герцен

Абрахам Маслоу: «Складывается впечатление, что фрустрация когнитивных потребностей может стать причиной серьезной психопатологии. Об этом также свидетельствует ряд клинических наблюдений.

Потребность знать и понимать проявляется уже в позднем младенчестве. У ребенка она выражена, пожалуй, даже более отчетливо, чем у взрослого человека. Более того, похоже, что эта потребность раз-

вивается не под внешним воздействием, не в результате обучения, а скорее сама по себе, как естественный результат взросления (неважно, какому из определений обучения и взросления мы отдадим предпочтение). Детей не нужно учить любопытству. Детей можно отучить от любопытства, и мне кажется, что именно эта трагедия разворачивается в наших детских садах и школах.
И наконец, удовлетворение когнитивных потребностей приносит человеку — да простят мне эту тавтологию! — чувство глубочайшего удовлетворения, оно становится источником высших, предельных переживаний. Очень часто, рассуждая о познании, мы не отличаем этот процесс от процесса обучения, и в результате оцениваем его только с точки зрения результата, совершенно забывая о чувствах, связанных с постижением, озарением, инсайтом. А между тем, доподлинное счастье человека связано именно с этими мгновениями причастности к высшей истине. Осмелюсь заявить, что именно эти яркие, эмоционально насыщенные мгновения только и имеют право называться лучшими мгновениями человеческой жизни».

Маслоу Психология бытия

«История человечества знает немало примеров самоотверженного стремления к истине, наталкивающегося на непонимание окружающих, нападки и даже на реальную угрозу жизни. Бог знает, сколько людей повторили судьбу Галилея»

Мотивация и личность Маслоу

«Даже после того, как мы что-то узнаем, мы стремимся узнать больше и больше, точнее и подробнее, с одной стороны, а с другой — стремимся расширить наши знания в области мировой философии, теологии и т. д. Этот процесс некоторые определяют как поиски смысла. А значит, нам следует постулировать желание постигать, систематизировать, анализировать, искать связи и значения, создавать систему ценностей»

Маслоу Мотивация и личность

Есть небольшой прогресс в освоении физического мира, но результаты научной работы, итог кропотливого накопления знаний человечеством используется для того, чтобы разрушить нормальную социальную среду, на вооружение и войну, на то, чтобы поддерживать давление на мысль и на науку. Тем не менее, этот оазис упорядоченного строгого знания в океане хао-

тичных обломков противоречивых теорий спасает большое число продуктивных людей, снабжая их реальными профессиями инженеров, врачей, агрономов и тп

Но хаос в гуманитарных науках, разрушив научный контроль, разрушает и само человечество. Иррациональное отношение к человеку, которое предполагает что он способен выдержать все — и полное отсутствие знаний, и ложное знание и хаос противоречивого знания — вот что лежит в основе современной позиции. Однако, человек такая же часть природы, как весь остальной мир, и он способен существовать только согласно закономерностям своей природы. А эти закономерности говорят о том, что человек ломается и теряется без научного контроля, что упорядоченное знание есть его дом, его пространство обитания и что если этот дом разрушен, тщетно искать какой-то конструктивной здоровой силы в обществе. Сначала нужно отстроить ее источник, ее родник, а потом поддерживать нормальные условия существования человеческой энергии.

Часть вторая.

Линия Духа и Циклы Мистики

ГЛАВА 6. ЛИНИЯ ДУХА В ПРОСТРАНСТВЕ ИНТЕЛЛЕКТА ДЕКАРТА

1. Коперниковый переворот Шпенглера
2. Геноцид интеллигенции и европоцентризм

1. КОПЕРНИКОВЫЙ ПЕРЕВОРОТ У ШПЕНГЛЕРА

«Я называю эту привычную для нынешнего западноевропейца схему, в которой развитые культуры вращаются вокруг нас как мнимого центра всего мирового свершения, птолемеевской системой истории и рассматриваю как коперниканское открытие в области истории то, что в этой книге место старой схемы занимает система, в которой античность и Запад наряду с Индией, Вавилоном, Китаем, Египтом, арабской и мексиканской культурой — отдельные миры становления, имеющие одинаковое значение в общей картине истории и часто превосходящие античность грандиозностью душевной концепции, силой взлета, — занимают соответствующее и нисколько не привилегированное положение»

Шпенглер Закат Европы

Коперников переворот Канта в теории познания, отменивший истину и объективную реальность (не знание должно со-

гласовываться с предметами, а предметы со знанием) повлек за собой точно такой же коперников переворот и в философии истории: нет единой истины, единого развития знания, а только множество самобытных культур.

И хотя Шпенглер преподносил свой «Закат Европы» как пионерский труд в этой области, мы уже видели, что его философия истории не более чем слепок с философии истории Гегеля.

Формально это различные теории философии истории, поскольку Гегель ставил своей задачей признание единой истины и объективного знания, а задачей философии истории — линейное развитие этого единого разума и знания. В то же время Шпенглер, опираясь на Канта, Шопенгауэра и Ницше, ставит прямо противоположную задачу: доказать отсутствие истины, объективного знания и представить философию истории как циклы существования самобытных несвязанных между собой культур.

Но это только формальность. Если диалектическая логика что-то и доказала, так это отсутствие и разума, и истины, и объективной реальности. А его четыре стадии истории, которые символизируют различные «духи народов», составляют отдельные ни чем не связанные между собой циклы, «рождение, старение и смерть» различных цивилизаций. Именно эту мысль развил в своем труде Шпенглер: мысль о самобытной душе различных народов, «национальных индивидуальностях», как говорил Гегель, о том, что наука и философия есть порождение времени и места Духа конкретной цивилизации, а индивиды лишь слепые слепки с этого первофеномена. И там, где Шпенглер откровенно говорит, что это подход субъективизма и отрицания науки, что история есть циклы жизни и смерти независимых друг от друга самобытных социальных организмов, Гегель пишет о том, что борется за истину и объективность, и что история это единая линия развития и становления разума.

«Нет никаких вечных истин. Каждая философия есть выражение своего, и только своего, времени, и нет двух таких эпох, которые имели бы одинаковые философские интенции, коль

скоро речь идет о действительной философии, а не о каких-то академических пустяках относительно форм суждения или категорий чувств

Но дух наших больших городов противится такому выводу. Окруженный машинной техникой, которую он сам же сотворил, подслушав у природы ее опаснейшую тайну, закон, он тщится технически покорить и историю — как в теории, так и на практике. Целесообразность — этим напыщенным словом он уподобил ее себе. отсюда следовало, что надо нашпиговать мировую историю идеалами полезности вроде просвещения, гуманности и мира во всем мире, обозначив их как цели этой последней, чтобы достичь их с помощью «прогресса». Чувство же судьбы замерло в этих старческих проектах, а вместе с ним и юношеская отвага, самозабвенно устремляющаяся навстречу какому-то темному решению, неся в себе зародыш будущего.

Судьба — вечно юная. Кто заменяет ее цепью причин и следствий, тому даже в еще не осуществленном видится как бы нечто старое и минувшее. Чего здесь нет, так это направления. Но тот, чья жизнь, брызжущая избытком, простерта в грядущее, — такой человек не испытывает нужды в знании цели и пользы. Он ощущает себя самого смыслом всего, что свершится. Такова была вера в свою звезду, не покидавшая Цезаря и Наполеона и равным образом великих действователей иного рода, и это же, вопреки всей тоске юных лет, коренится в глубинах каждого детства, во всех юных поколениях, народах и культурах если мы хотим вполне отчетливо пережить подлинное представление судьбы, то мы должны погрузиться в душевную жизнь нашего детства и в мир окружающий ребенка. Тут сознание целиком наполнено впечатлениями живой действительности, оно демонично, подчинено судьбе, бесцельно в возвышенном смысле, движется, вечно недоумевает, загадочно и сверхприродно по своему содержанию. Здесь действительно есть «время». Здесь над всем властвует фантазия в ее чистом виде.

Из смысла, который придается здесь культуре, как первофеномену, и судьбе, как органической логике существования, сле-

дует, что каждая культура неизбежно должна обладать своей собственной идеей судьбы, более того, вывод этот заключен уже в ощущении, что каждая великая культура есть не что иное, как осуществление и гештальт одной единственной своеобразной души. То, что никто не в состоянии в полной мере пережить ощущения какого-то чужака, чья жизнь является выражением как раз собственной идеи, и во что бессильно упираются слова, — все это и выражается тем исключительным и неповторимым складом души, относительно которого каждый сам про себя таит полную уверенность.

В этом смысле и каждая сколько-нибудь значительная частная жизнь с глубочайшей необходимостью повторяет все эпохи той культуры, к которой она принадлежит. В каждом из нас пробуждается внутренняя жизнь — в тот решительный миг, когда осознается наличие своего Я, — там именно и таким же образом, где и как пробудилась некогда душа целой культуры.

Как это выглядит в случае того или иного поэта, пророка, мыслителя, завоевателя — это уже пытались узнать, но проникнуть в античную, египетскую, арабскую душу вообще, чтобы сопережить ее во всей ее выраженности в типических людях и обстоятельствах, в религии и государстве, стиле и тенденции, мышлении и нравах, — это уже некий новый род «жизненного опыта».

Культура рождается в тот миг, когда из прадушевного состояния вечно-младенческого человечества пробуждается и отслаивается великая душа, некий лик из пучины безликого, нечто ограниченное и преходящее из безграничного и пребывающего. Она расцветает на почве строго отмежеванного ландшафта, к которому она остается привязанной чисто вегетативно. Культура умирает, когда эта душа осуществила уже полную сумму своих возможностей в виде народов, языков, вероучений, искусств, государств, наук и таким образом снова возвратилась в прадушевную стихию.

Здесь, в этой решающей точке существования, где человек впервые становится человеком и узнает свое чудовищное одиночество во Вселенной, обнаруживается мировой страх, как чи-

сто человеческий страх перед смертью, границей в мире света, неподвижным пространством. Здесь берет начало высшее мышление, которое прежде всего есть размышление о смерти. Каждая религия, каждое природопознание, каждая философия проистекают из этого пункта. Каждая большая символика приноравливает свой язык форм к культу мертвых, форме погребения, украшению гробницы

Таким образом сущность всякой подлинной — бессознательной и внутренне необходимой — символики проступает из знания смерти, в котором раскрывается тайна пространства. Всякая символика означает защиту. Она есть выражение глубокой пугливости в старом двояком смысле слова: язык ее форм говорит одновременно о враждебности и благоговении. Все ставшее преходяще. Преходящи не только народы, языки, расы, культуры. Через несколько столетий не будет уже никакой западноевропейской культуры, никаких немцев, англичан, французов, как во времена Юстиниана уже не было никаких римлян. Преходяща любая мысль, любая вера, любая наука, стоит только угаснуть умам, которые с необходимостью ощущали миры своих «вечных истин» как истинные.

Культуры суть организмы. Всемирная история — их общая биография. Огромная история китайской или античной культуры представляет собой морфологически точное подобие микроистории отдельного человека, какого-нибудь животного, дерева или цветка. Если есть желание узнать повсеместно повторяющуюся внутреннюю форму, то сравнительная морфология растений и животных давно уже подготовила соответствующую методику. В судьбе отдельных, сменяющих друг друга, вырастающих друг возле друга, соприкасающихся, оттесняющих и подавляющих друг друга культур исчерпывается содержание всей человеческой истории.

Теперь должен стать понятным окончательный смысл этого значительного факта. История есть осуществление некой души, и над историей, которую делают, и той, которую созерцают, господствует один и тот же стиль.

Ни одна культура не вольна выбирать путь и характер своей философии (осанку мышления); но здесь впервые культура может предусмотреть, какой именно путь уготовила ей судьба» Шпенглер Закат Европы

Из приведенных выше цитат Шпенглера нетрудно резюмировать его общую мысль в отношении человека и общества. История лишена причинности, в отличие от природы, ею движет Душа. Душа — это и есть Общества, различные культуры. Это первофеномен, который нельзя объяснить из чего то внешнего. Все Души разные, поэтому люди разных культур не понимают друг друга. Никакой общей истины, общей философии или ценностей для всего человечества не существует и существовать не может. Потому что Души Культур — суть Организмы, растения, цветы, существо которых в том, чтобы расцвести и увянуть.

Индивиды, конкретные люди носители этой единой Души культуры, к которой они принадлежат, — будь то арабская, китайская, немецкая или мексиканская Душа. Жизнь конкретных людей детерминирована Душой этой культуры до мелочей. Если переводить на общеупотребительный язык, то жизнь конкретных людей детерминирована общественными институтами, вне зависимости от рациональности или полезности этих институтов.

Все эти идеи в равной степени характерны и для философии Гегеля, с той лишь разницей, что Гегель считал, что борется с субъективизмом Канта, а не вторит ему.

В одном только Шпенглер дословно повторяет Гегеля: он говорит о том, что дух существует во времени, а природа в пространстве. И оба делают принципиальную ошибку, не умея увидеть двух различных пространственно-временных континуумов: и дух и природа имеют свое пространство и время. Еще Эйнштейн доказал, что время зависит от пространства, и что времени без пространства не бывает. Просто у Духа и у Природы — у каждого свое пространство и время. Это четкое разделение субстанций Мысли и Материи впервые обнаружил в своей философии Декарт.

У Гегеля носителями линейного развития истории выступают восточная, греческая, римская и немецкая цивилизации. Однако,

каждая из этих стадий «становления разума» — это обособленный и завершенный процесс, от рождения «духа нации» до самой его смерти в его стремлении к «самопознанию». Более того, философия и наука каждого периода — порождение конкретного времени и места, которые не могут быть поняты другой цивилизацией. В этом Шпенглер дословно вторит своему учителю. Можно было бы предположить, что когда речь идет о становлении «разума», то философия история будет подобно истории Кондорсе или Конта представлять собой накопление знаний. Ничего подобного мы не находим у Гегеля. Нам говорят, что становление разума — это прогресс в свободе, а свобода — это государства конкретных цивилизаций. Но как соотносятся свобода с деспотией древнеперсидской империи, с римской империей или прусским милитаризмом нам ничего не говорят.

В этом смысле философия истории Маркса нисколько не способствовала «выпрямлению» зигзагов цикличного движения Гегеля. Его четыре общественные формации те же самобытные завершенные культуры, единую линию развития которых должен был бы символизировать технический прогресс «средств производства».

Однако, что может представлять собой прогресс разума в системе, где низшая ступень представлена древнегреческим гением, гением у которого коленопреклоненным и восхищенным училось все Новое время и который во многом остается актуальным современному уровню знания? Если Кондорсе четко видит жестокую борьбу Духа и Мистики в становлении разума, мышления, науки, то у Гегеля эти два антагонизма сливаются в единый локомотив истории, в борьбу противоположностей, которую он положил в основу своей «науки логики». Неудивительно, что все его потуги увидеть и изобразить схему линейного развития разума пошли прахом, хотя надо признать, что саму идею противопоставления линии Духа циклам материи он увидел правильно.

Но в итоге, Шпенглер, который взялся оппонировать его идее линейного движения истории, только раскрыл и обнаружил

цикличную историю самого Гегеля. Сущность «открытий» их философии истории сводится к уничтожению индивида как самостоятельного актора истории и противопоставления ему «души нации», как некоего сверхсубъекта, первофеномена, утверждающего истину для данного времени и места. Это философия не только ложная, она также откровенная апология деспотии. Неслучайно поэтому и Гегель и Шпенглер — любимые авторы пропутинской теории государственного абсолютизма (Происхождение суверенитета Н. Грачев).

Основные идеи линейного развития истории представили Конт и Кондорсе в своих исторических очерках. Несомненно, есть только одна линия развития человеческого разума — линия накопления знаний, открытия природных законов мышлением человека, становления научного мышления и контроля. В этом смысле нет никаких замкнутых культур и цивилизаций, а есть единый всемирный процесс развития мышления и накопления знаний.

Специфика этого процесса развития науки в различное время и в различных культурах определялась уровнем ожесточенности противоборства Мистики, то есть патологической энергии психики. Талантливо этот процесс становления разума в тяжелой борьбе с предрассудками и садизмом мистического сознания изобразил в своей предсмертной работе Жан Кондорсе.

> *«Смерть Сократа является важным событием в истории человечества разума. Это — первое преступление, которое породила борьба между философией и суеверием. Уже уничтожение пожаром пифагорейской школы ознаменовало собой борьбу между философией и угнетателями человечества, борьбу не менее древнюю и не менее жестокую. Та и другая будут продолжаться до тех пор, пока останутся на земле жрецы или цари; и эти войны займут большое место в картине, которую нам осталось обозреть. Жрецы с тревогой смотрели на людей, которые стремясь усовершенствовать свой ум, доискаться первопричин вещей, знали всю бессмысленность их догм, всю нелепость их обрядов, весь обман их оракулов и чудес. Испуганное лицемерие поспешило обвинить философов в неуважении к богам, чтобы лишить их возможности научить народы, что эти боги придуманы жрецами. Непосредственно после*

> *смерти Сократа, Платон начал читать лекции, развивая учение своего учителя»*

Кондорсе Эскиз исторического развития человеческого разума

Интересно, что писал он эту книгу в бегах и вскоре после завершения работы, будучи приговоренным к смерти, покончил с собой, чтобы избежать публичной казни. Таким образом, он сам встал в ряд тех мучеников разума, счет которым открывает в своей книге смертью Сократа. Его издатели Гара и Кабанис, берясь за публикацию посмертного произведения, писали в предисловии: «Путь этот оплакиваемый пример самого редкого таланта, пострадавшего за родину, за дело свободы, за прогресс знаний, за плодотворное использование их в интересах цивилизованного человека, возбудит полезную скорбь в государстве. Пусть эта смерть, внушит непоколебимую преданность правам, нарушением которых она явилась. Это будет единственной данью уважения, достойной мудрого, который под мечом смерти мирно рассуждал об улучшении себе подобных»

Огюст Конт также пишет о становлении мышления как постепенного его очищения от мистики, начиная с мифологического сознания аборигенов и заканчивая софизмами формальной логики (то, что Конт называл метафизикой, второй стадией в становлении интеллекта).

Лев Толстой и Петр Кропоткин почти дословно повторяют рассуждения об истории Кондорсе:

> «Третье средство есть то, что я не умею назвать иначе, как гипнотизация народа. Средство это состоит в том, чтобы задерживать духовное развитие людей и различными внушениями поддерживать их в отжитом уже человечеством понимании жизни, на котором зиждется власть правительств. Гипнотизация эта в настоящее время организована самым сложным образом и, начиная свое воздействие с детского возраста, продолжается над людьми до их смерти. Начинается эта гипнотизация с первого возраста в нарочно для того устроенных и обязательных школах, в которых внушают детям воззрения на мир, свойственные их предкам и прямо противоречащие современному сознанию человечества. В странах, где есть государственная рели-

гия, детей обучают бессмысленным кощунствам церковных катехизисов, с указанием необходимости повиновения властям; в республиканских государствах их обучают дикому суеверию патриотизма и той же мнимой обязательности повиновения правительствам. В более взрослых годах гипнотизация эта продолжается над людьми поощрением и религиозного суеверия и патриотического. Религиозное суеверие поощряется устройством на собранные с народа средства храмов, процессий, памятников, празднеств, с помощью живописи, архитектуры, музыки, благовоний, одуряющих народ, и, главное, содержанием так называемого духовенства, обязанность которого состоит в том, чтобы своими представлениями, пафосом служб, проповедей, своим вмешательством в частную жизнь людей — при родах, при браках, при смертях — отуманивать людей и держать их в постоянном состоянии одурения. Патриотическое суеверие поощряется устройством правительствами и правящими классами на собранные с народа средства общественных торжеств, зрелищ, памятников, празднеств, располагающих людей к признанию исключительной значительности одного своего народа и величия одного своего государства и правителей его и к недоброжелательству и даже ненависти к другим народам. При этом деспотическими правительствами прямо воспрещается печатание и распространение книг и произнесение речей, просвещающих народ, и ссылаются или запираются все люди, могущие пробудить народ от его усыпления; кроме того, всеми правительствами без исключения скрывается от народа всё, могущее освободить его, и поощряется всё, развращающее его, как то: писательство, поддерживающее народ в его дикости религиозных и патриотических суеверий, всякого рода чувственные увеселения, зрелища, цирки, театры и всякие даже физические средства одурения: как то: табак, водка, составляющие главный доход государства; поощряется даже проституция, которая не только признается, но организуется большинством правительств. Таково третье средство.»

Лев Толстой Царство божие внутри вас

«Зависит это от того, что в молодых умах всегда искусно развивали, и до сих пор развивают, дух добровольного рабства, с целью упрочить навеки подчинение подданного государству. Философию, проникнутую любовью к свободе, всячески стараются задушить ложною религиозно-государственною философией. Историю извращают, начиная уже с самой первой страницы, где рассказывают басни о меровингских, каролингских и рюриковских династиях, и до самой последней, где воспевается якобинство, а народ и его

> роль в создании общественных учреждений обходятся молчанием. Даже естествознание ухитряются извратить в пользу двуголового идола, церкви и государства; а психологию личности, и еще больше общества, искажают на каждом шагу, чтобы оправдать тройственный союз — из солдата, попа и палача. Даже теория нравственности, которая в течение целых столетий проповедовала повиновение церкви или той или другой якобы священной книге, освобождается теперь от этих пут только затем, чтобы проповедовать повиновение государству. «У вас нет никаких прямых обязанностей по отношению к вашему ближнему, в вас нет даже чувства взаимности; все ваши обязанности — обязанности по отношению к государству; без государства вы перегрызли бы друг другу горло, — учит нас эта новая религия, называющая себя «научною», в то время как она молится все тому же престарому римскому и кесарскому божеству. — Сосед, друг, общинник, согражданин, ты должен забыть все это! Ты должен сноситься с другими не иначе как через посредство одного из органов твоего государства. И все вы должны упражняться в одной добродетели: учиться быть рабами государства. Государство — твой бог!»
> И это прославление государства и дисциплины, над которыми трудятся и церковь, и университет, и печать, и политические партии, производится с таким успехом, что даже революционеры не смеют смотреть этому новому идолу прямо в глаза»

Кропоткин Государство и его роль в истории

Бертран Рассел писал об историческом процессе как накоплении знаний и противоборстве мистики и связанным с ней садомазохизмом с одной стороны и научного мышления и сотрудничества с другой стороны.

> *«Все еще случаются войны, гнет и тирания, чудовищная жестокость, и жадные люди все еще отбирают имущество у тех, кто менее бессердечен, чем они сами. Любовь к власти все еще создает широкое поле тирании, или же просто препятствует развитию там, где открытая тирания становится невозможной. И страх — глубокий, едва осознаваемый страх, — все еще доминирующий мотив в очень многих жизнях. Во всем этом нет никакой необходимости; нет ничего в человеческой природе, что сделало бы это зло неискоренимым. Я хотел бы повторить, со всем возможным ударением, что абсолютно не согласен с теми, кто заключает из наличия у людей агрессивных*

> *инстинктов, что человеческая природа требует войны или других деструктивных форм конфликта. Я твердо уверен, что на самом деле все с точностью до наоборот. Я придерживаюсь того взгляда, что агрессивные инстинкты имеют место быть, но в своих вредоносных формах могут быть значительно уменьшены. Жадность к обладанию будет снижаться там, где нет угрозы бедности. Любовь к власти может быть удовлетворена многими другими путями, которые не несут в себе вреда другим людям: путем научного контроля (власти над природой), происходящей из открытий и изобретений, путем выпуска книг и работ искусства, которые становятся предметами всеобщего восхищения, и путем успешного убеждения. Энергия и желание быть эффективным благотворны, если они находят правильные отдушины, и вредоносными в других случаях — как пар, который может либо двигать поезд, либо взорвать котел»*

Бертран Рассел Власть и личность

Таким образом, Линия развития человеческого разума, человеческого духа — это пространство интеллекта, в котором накапливается человеческая мысль, пространство, в котором одинаково соседствуют люди из различных культур, цивилизаций и эпох, умея прочитать, понять и продолжить мысли друг друга. Пространство, время которого определяется ростом знаний, так что эпохи отсчитываются здесь количеством знаний, которые ты сумел усвоить: чем больше знаний смогут люди получать за свою жизнь, тем больше будет время их реальной сознательной жизни. А материальное время несущественно для тех, кто способен общаться с мыслителями, оставившими свои труды, спустя сотни и тысячи лет после их смерти, или оставить свои книги для общения с потомками.

2. ГЕНОЦИД ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ И ЕВРОПОЦЕНТРИЗМ

> *«Не будем останавливаться на этой мрачной картине неравной борьбы, где мысль каждый раз подавляется силой. Ничего, нового в ней нет: это тот же бесконечный процесс, пронизывающий всю, историю и приводящий время от времени к цикуте, распятию на кресте, аутодафе, расстрелам, виселицам и ссылкам»*

А. Герцен Развитие революционной мысли в России

«Проблема, с которой сегодня столкнулась интеллигенция в нашей стране, очень серьезна. Политики распространяют среди людей подозрительность в отношении ученых. Эти политики лишают работы непокорных им людей, тем самым обрекая их на голод. Что же делать ученым? Говоря открыто, я знаю только один путь — не сотрудничать с ними.... Каждый, кто будет вызван в комиссию, должен готовиться к тюрьме и голоду, то есть другими словами к пожертвованию своим благополучием в интересах своей страны... Стыдно подчиняться такой инквизиции. Если же люди будут готовы к этому шагу, он закончится с успехом. Если же нет, тогда интеллигенция страны не заслуживает ничего кроме рабства и голода»

Так говорил Эйнштейн

«Еще при образовании ВЧК Ленин заявил: «Сюда надо найти хорошего революционного якобинца». Известно, что такое якобинская диктатура, — это гильотина на площади Революции (теперешняя Согласия) и 50 человек казненных ежедневно. И они нашли его, взбесившегося от крови маньяка, чей памятник все время пытаются вернуть на Лубянскую площадь. 23 февраля 1918 года Дзержинский выскажется об интеллигенции так: назовет «бандой» «буржуазных врачей, студентов и прочей интеллигенции». А 17 декабря 1919 года он предложит брать в заложники ученых. Чекисты всегда ненавидели интеллигенцию. Ее, приверженную западным демократическим ценностям, они называют «шакалящей у западных посольств»

Валерия Новодворская

«У нас наука окончательно проституирована, и в большей степени, чем за границей. Там все-таки есть какая-то свобода ученых. Науку у нас не понимают и не любят. Нет простора научной индивидуальности. Направления в работе диктуют сверху»

Так говорил Ландау

«История человеческой мысли напоминает собой качания маятника. Только каждое из этих качаний продолжается целые века. Мысль то дремлет и застывает, то снова пробуждается после долгого сна. Тогда она сбрасывает с себя цепи, которыми опутывали ее все заинтересованные в этом — правители, законники, духовенство. Она рвет свои путы. Она подвергает строгой критике все, чему ее учили, и разоблачает предрассудки, религиозные, юридические и общественные, среди которых прозябала до тех пор. Она открывает исследованию новые пути, обогащает наше знание непредвиденными

> *открытиями, создает новые науки. Но исконные враги свободной человеческой мысли — правитель, законник, жрец — скоро оправляются от поражения»*

Кропоткин Нравственные начала анархизма

> *«Что за мужественное, решительное выражение в лицах, что за стремительная готовность подтвердить делом — слово; сейчас идти на бой, стать под пулю, казнить, быть казненным. Я долго смотрел на них, и мало-помалу невыносимая грусть поднялась во мне и налегла на все мысли; мне стало смертельно жаль эту кучку людей — благородных, преданных, умных, даровитых, чуть ли не лучший цвет нового поколения...»*

Герцен С того берега

> *«Стяжатели и завоеватели, тираны и шовинисты, линчеватели и гонители и все остальные порождения близорукой людской жажды насилия сгрудились вместе перед окончательной гибелью. Даже когда они живут так, как им хочется, они не знают счастья, они мечутся от одного наслаждения к другому, от довольства к полному истощению. Все их предприятия и успехи, их войны и подвиги вспыхивают и гаснут, исчезая в небытии. Только настоящая правда растет непреодолимо, только ясная идея год за годом, век за веком растет медленно и непобедимо, как растет алмаз во мраке под страшным давлением земной толщи или как заря, разгораясь, затмевает мерцание гаснущих свеч какой-либо еще не окончившейся оргии»*

Уеллс Люди как боги

Сознание современного человека бесконечно отличается от первобытного не только развитостью аппарата мышления, абстракции и логики, но и количеством накопленных человечеством знаний, доступных большему количеству людей, но наверно не большинству. Математика, астрономия, физика, химия, биология, великие географические открытия — пространство человеческого интеллекта активно пополнялось знаниями все прошедшие века. Книгопечатание, электронные носители, интернет — гигантскими шагами продвигаются и способы распространения информации, что не менее важно, чем накопление знаний о законах природы.

И если линия развития интеллекта все это время медленно, трудно, но все же верно двигалась неизменно вперед, то нельзя сказать того же и о самих людях, усилиями которых этот прогресс достигался.

История человечества никогда не была историей мирного сотрудничества, где бы люди могли спокойно работать, отдыхать, предаваться творчеству, искусству, любимым развлечениям. На пути здоровой разумной энергии и конструктивного сотрудничества всегда стояла патология мистики и садомазохизма, злейший враг мысли, научного исследования и гуманизма. Поэтому история этих открытий — это не история мирного сотрудничества здоровых людей, но история жестокого противоборства здоровых людей с невеждами и садистами, душивших науку и свободу мысли на самом корню. Вот почему история человечества наряду с линией накопления знаний в пространстве интеллекта — это еще и геноцид интеллигенции. Ведь левиафаны садомазохизма значительно превосходили по силе одиночек интеллектуалов, отважно сражавшихся за истину с этими дремучими чудовищами.

На самом деле история всей человеческой культуры (не только запада) — это история глубокой, безысходной трагедии гибели интеллектуального цвета человечества в неравной борьбе с различными «левиафанами» Гоббса.

Мыслители, историки, психологи давно пишут о двух социальных антагонистичных силах, ведущих смертельную борьбу. Эти силы были и есть и на западе и на востоке, но в разной концентрации, что определяет специфику борьбы на этих двух социальных фронтах.

Сущность линейной истории состоит в признании существования объективных законов психики, управляющих обществом, что позволяет сохранять представления о Добре и Зле, и подвергать все существующие общества этическому суду. Действительно, если мы признаем наличие законов природы, определяющих понятия «здоровой психики» и «здорового общества», то мы можем и должны судить динамику различных обществ и их

взаимодействий с точки зрения этого «здоровья», определенного природой. У субъективистов, утверждающих, что такой общей истины нет, все общества оказываются «по ту сторону добра и зла», поскольку они правильны и хороши по своему просто фактом своего существования.

Мы увидим трагедию, почти безысходную по своей глубине. Трагедию неизменной и уверенной победы «левиафанов» обществ с авторитарной совестью, с «Обожанием власти», как пишут Спенсер и Рассел. И в центре этой трагедии будут стоять те утонченные интеллектуалы, та творческая элита общества, которая одна только и способна вывести людей из адова круговорота насилия и подчинения, нищеты и невежества. Это они отчаянно сражались за свободу в античном мире, это они горели на кострах инквизиции, это их головы конвейером рубила гильотина множественных французских революций, это их миллионами убивал в концлагерях гитлеровский режим, это они сложили свои головы в царской России, а потом и в сталинских ГУЛАГах. Вот как дорого заплатила европейская цивилизация за «европоцентристскую историю» и вот в чем состоит ее центральное положение во всемирной истории человечества. В Отчаянной борьбе духа, порожденного интеллектом, за свободу, творчество и человечность, в миллионах погибших в этой неравной борьбе душ, в космической трагедии распятого интеллекта, запечатленной в их любимом символе веры.

Безусловно, борьба интеллекта с невежеством имела место по всему миру. История знает множество благородных, талантливых, гениальных людей, сложивших головы за идеи просвещения, науки, свободы, гуманизма по всему миру. Мужественно, отчаянно сражавшихся с машиной мощных левиафанов, ненавидящих разум и свободу. Но конечно эта борьба никогда не была центральным ведущим локомотивом где либо за пределами Европы и никогда не составляла содержания истории этих обществ, в основном послушно служивших своим левиафанам.

Однако, это не значит, что так будет всегда. Интеллект только открыл глаза в своей колыбели, его нещадно бьют и террори-

зируют, а он еще не имеет сил сопротивляться. Возможно, в будущем, по мере становления интеллекта, какая-то другая часть света выбьется лидеры. Как бы то ни было, линейная теория развития общества подразумевает выравнивание всего человечества по степени одаренности интеллекта, упразднения со временем творческих элит (так как творчество станет доступно всем) и становление интеллекта во всех частях света.

Что касается успехов промышленной революции, то это смешные успехи. Потенциал интеллекта, способного к познанию законов природных энергий и доступу к силе этих энергий настолько велик, что те несколько энергий, которые известны человечеству сейчас почти ничего не говорят о становлении человеческого интеллекта.

И даже то немногое, что удалось открыть вопреки тому страшному давлению, которое левиафаны оказывают на ростки творческой интеллигенции повсеместно, тому геноциду интеллигенции, который безжалостно осуществляется уже тысячи лет, поставлено на службу левиафанов. Технологический прогресс обслуживает интересы милитаристов и насильников, алкогольное разложение наций, засорение окружающей среды, машины государственных репрессий.

В этом смысле гордится явно нечем.

Геноцид интеллигенции — вот подходящее название для историографии линейной теории развития обществ на современном этапе. Эту непримиримую вражду хорошо описал Джон Оруэлл в «1984». «Мыслепреступление» как главный криминал левиафанов — центральный мотив реальной истории человечества. И технологии, открытые учеными и направленные против них пытки и разложение думающих людей, уничтожение документов, фактов истории и подмена легендами и пропагандой. Это реальность линейной теории истории на сегодня, и трагизм этого убиения духа, интеллекта чрезвычайно талантливо запечатлен в произведениях многих авторов, в том числе у Герберта Уеллса.

Здесь возникает вопрос о критическом моменте этой битвы, которой должен будет стать смертью для одной из сторон и во-

жделенной победой другой. Безусловно, победа останется за наукой и гуманизмом, просто потому что наука — это доступ к силе всего космоса через открытие и контроль природных энергий. Никакой сентиментальности, одна логика и факты. Но чтобы эта закономерная победа после стольких жертв, принесенных на алтарь истины, наконец, состоялась необходимо, чтобы человек научился использовать громадный потенциал своей контрольной энергии, своего научного мышления. А это значит научиться защищаться от патологии мистики, которая порождает левиафаны садомазохизма.

Здоровые люди, мыслители и гуманисты, перестанут быть одиночками и исключениями, когда на смену деспотии придет научный контроль, когда система образования будет избавлять людей от патологии мистики и садомазохизма еще на школьной скамье, когда сообщества людей станут сообществами научного сотрудничества и взаимопомощи. Одним словом, с открытием психической энергии, с победой над хаосом противоречий в Пространстве интеллекта, со свободой, которая есть не вседозволенность, а подчинение общей для всех истине, знанию законов природы.

Вся история — пример в поисках этого научного контроля, который всегда происходил как колебания между полюсами деспотии и демократии. Как только эти поиски научного контроля возвестили о себе в проснувшемся интеллекте античности, начались и эти колебания между полюсами деспотии и демократии. Так, уже в Греции демократию постоянно сменяли тиранические режимы, а вскоре как известно, после продолжительных войн Древняя Греция утратила свою государственность, не сумев сохранить демократию. Мучениками за истину пали Пифагор и Сократ, и даже Платона дважды пытались продать в рабство.

Рим наследовал республику греков, и вновь завязалась борьба между демократами и патрициями, популярами и оптиматами. Гракхи убиты, Спартак повержен, Марий проиграл Сулле, Помпей Цезарю, Катон покончил с собой, казнен Цицерон.

И вновь республика демократов возвращается назад к деспотии Империи. Очень скоро борьба за власть уничтожит и этот древний островок зарождения разума.

Только в Новое время вновь проснется разум, а вместе с ним и поиски научного контроля. Естественное право Платона и Цицерона вновь в центре всех дискуссий. Познание законов природы тревожит любознательные умы. Аутодафе Джордано Бруно становится символом варварства мистического сознания средневековья, уничтожавшего все проблески разума и жестоко подавлявшего любые отступления от ортодоксии своей догмы как «ересь». Ванини, Кампанелла, Галилей, Коперник, Гуго Гроций, Джон Мильтон, Олджернон Сидней, Томас Мор — тюрьмы и палачи ждут самый цвет раскрывающейся интеллигенции.

И вновь, уже на третьем витке мы видим колебания между полюсами деспотии и демократии. Макиавелли, Боден и Гоббс, проповедуя государственный абсолютизм, влекут народы и государства назад к устойчивости деспотии, теоретики естественного права, проповедуя научный контроль, влекут народы вперед, к демократии, к устойчивой свободе и истине. Кондорсе писал об этом так:

> *«Это учение, отвергавшее естественное право, чтобы все свести к положительному праву, встретило поддержку в лице юристов и теологов; оно было более благоприятно интересам сильных мира, для честолюбивых замыслов, ибо оно гораздо больше поражало человека, облеченного властью, чем самое власть. И потому оно было почти повсеместно принято публицистами и признано базой в революциях и политических раздорах»*

Кондорсе Эскиз исторического развития человеческого разума

Ожесточенная борьба деспотии и демократии сотрясает Америку, Францию и Россию. В Америке и Франции после множественных потрясений побеждают демократии, Россия переходит от одной деспотии (Империи) к другой (СССР). Вскоре в Германии после краткой победы Веймарской республики

утверждается фашистский Третий Рейх и начинается новый безумный виток мировой войны Добра со Злом.

Какого геноцида интеллигенции стоил человечеству всего земного шара этот период известно всем. Умнейшие и ученейшие люди гибнут в фашистских концлагерях и ГУЛАГах Сталина. Гитлер побежден, но философия фашизма жива как никогда. Приход Горбачева и новый виток борьбы за свободу. И, вновь Россия, так отчаянно боровшаяся за свою свободу, плавно переходит к следующему этапу деспотии — пропутинскому государственному абсолютизму и милитаризму. И Путин откровенно говорит об этом Оливеру Стоуну: и Сталин был царем, и до него были цари, и никакой народной власти никогда не было в России.

Оливер Стоун пишет о проблемах демократии в Америке, которые кажутся ему настолько большими, что он видит угрозу демократии всему миру. Но он не видит и не слышит, что теория суверенитета Путина — это теория государственного абсолютизма, которая уничтожает самое понятие народной воли и народного суверенитета. Угроза демократии опять нарастает со всех сторон и мир снова на грани потери науки и демократии.

ГЛАВА 7. КОЛЕСО ПРОГРЕССА ТОЙНБИ

1. ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ФУНДАМЕНТ ЛИНЕЙНОГО ДВИЖЕНИЯ

Все природные энергии имеют одну структуру силового поля, описанную в законе Майера и Гельма как законе цикличного гомеостаза (циклов рановесия-неравновесия, образуемых некими разностями (силами), стремящимися к уравниванию).

> *«Чтобы какой-нибудь процесс имел место, надо, чтобы существовали разности интенсивностей присутствующих энергий. Общим выражением этого закона мы обязаны Гельму... Два тела различной температуры, два газа различного давления, два электрических проводника различного напряжения не приходят при благоприятных условиях, моментально в состояние равновесия, но они требуют на это большее или меньшее время.....Выравнивание электрических разностей напряжения совершается точь-в-точь по тем же законам, как и выравнивание температур. То же относится и к выравниванию химических разностей и многих других; все требует времени, и все протекает тем медленнее, чем дальше продвинулся процесс выравнивания. Вследствие этого мир наполнен образованиями, которые с точки зрения учения о равновесии, не имеют права на существование и поэтому существуют только временно. Всякая река и всякий ручей существуют только потому, что стекающая река не падает моментально в море, а на это требуется время и они могут существовать только при условии, что в каждую минуту в них втекает из источников столько же воды, сколько ее вытекает».*

Философия природы Вильгельм Оствальд

«Для того чтобы в физическом мире, что-нибудь произошло, для того чтобы в нем произошли какие-либо изменения, должны быть, как это доказывал уже Р. Майер, какие-нибудь различия, разности: разности температур, давлений, электрических зарядов, высот, химические разности и тп. Без разностей не происходит ничего. Совершенно невозможно даже выдумать какое-либо разумное правило, по которому что-либо могло бы происходить в мире, не знающем таких разностей. Вот почему Майер назвал разности силами. К чему же приводят эти разности? Нетрудно это заметить, если внимательно оглянуться кругом. Эти разности становятся меньше, различия быстро или постепенно уравниваются. Во всех двигателях современной техники пользуются этой тенденцией к уравнению. Без нее не было бы и жизни»

Познание и заблуждение Эрнст Мах

Мах прав в том, что и функционирование живой природы (биологии) ничем не отличается от этого общего правила.

Даже сознание человека можно понимать как энергию страсти познания, образованную полюсами интеллекта (активным (мышлением) и пассивным (законами природы).

Но на этом аналогия заканчивается. Метафизика человеческого бытия происходит из способности человека познавать, открывать законы природы и получать доступ к силам природы (энергиям) путем контроля этих законов. Типичные примеры контроль человеком механической, электрической, тепловой, атомной, биологической и тп энергий. Знание человеком законов, лежащих в основе этих природных процессов, позволяет ему получать доступ к этим энергиям, и значительно, многократно увеличивать мощь собственной энергии.

Поэтому мы обозначили эту интеллектуальную энергию человека — как контрольную энергию.

Понятно, что это особая энергия, которая имеет способность к росту, развитию, к устойчивому равновесию. Устойчивое равновесие уничтожает детерминированные энергии природы, не способные к познанию, поскольку единственный механизм, который приводит в действие физические энергии — это состояние неудовлетворенности, неравновесия, дефицита, боли. Неравновесие заставляет искать равновесия, боль — покоя, так

«запускаются» цикличные энергии природы, которые движутся от боли к покою и снова от боли к покою.

Познание имеют другую мотивацию — мотивацию избытка, удовольствия в силу своей способности к росту и развитию.

> *«В любом случае, психологическая жизнь личности, во многих ее аспектах, проживается в одном ключе, когда личность зациклена на „ликвидации дефицита“, и совершенно в другом, когда она руководствуется „метамотивацией“, то есть сосредоточена на самоактуализации. Практически все известные в истории и современные теории мотивации едины в том, что рассматривают потребности, наклонности и мотивирующие состояния, как тревожные, раздражающие и, в принципе, нежелательные явления, от которых следует избавляться. Мотивированное поведение, целенаправленность, стремление довести начатое до конца — все это, таким образом, лишь способы ликвидации этих неприятных ощущений. Это отношение красноречиво выражают такие широко используемые определения мотивации, как удовлетворение потребностей, снятие напряжения, ослабление внутреннего импульса и преодоление состояния тревоги. Как бы то ни было, когда мы изучаем людей, у которых преобладает мотивация развития личности, концепция „стремления к покою“ становится совершенно бесполезной. У таких людей удовлетворение потребности усиливает, а не ослабляет мотивацию, обостряет, а не притупляет удовольствие. Их аппетиты разгораются. Такие люди поднимаются над самими собой и вместо того, чтобы хотеть все меньше и меньше, хотят все больше и больше знаний, например. Человек, вместо того, чтобы обрести покой, становится более активным. Утоление жажды развития разжигает, а не ослабляет ее. Развитие, само по себе, является восхитительным и приносящим удовлетворение процессом. В качестве примера можно указать на удовлетворение желания быть хорошим врачом: приобретение желанных навыков, типа игры на скрипке или резьбы по дереву; развитие умения разбираться в людях, или во вселенной, или в самом себе; применение творческого подхода в любой избранной профессии: наконец, самое главное — просто удовлетворение желания быть хорошим человеческим существом».*

Абрахам Маслоу

> *«Иррациональное желание также проистекает из дефицита, но из дефицита другого рода: из неуверенности и тревоги, которые заставляют человека ненавидеть, завидовать или покорствовать;*

> *удовольствия, получаемые от исполнения этих страстных желаний, берут свое начало в исходном отсутствии плодотворности. И физиологические, и иррациональные психические потребности входят в систему дефицита. Но кроме сферы дефицита существует еще сфера избытка. Хотя даже у животных наличествует излишек энергии и выражается он в игре, сфера избытка — это по существу человеческий феномен. Это сфера плодотворности, внутренней деятельности. Она возможна лишь там, где человеку не приходится трудиться только ради добывания средств к существованию и истощать таким образом большую часть своей энергии. Для эволюции человеческого рода характерно расширение сферы избытка, излишка энергии, расходуемой на достижение чего-то большего, чем простое выживание. Все специфически человеческие достижения имеют своим источником избыток».*

Человек для себя Фромм

Способность к росту и развитию, которую человеческому сознанию обеспечивает наличие мышления, способности познавать законы природы обуславливает качественно иное движение этой контрольной энергии человека. Если детерминированные энергии природы движутся только циклами гомеостаза, то контрольная энергия человека способна к линейному движению, к устойчивому равновесию, к мотивации избытка и удовольствия. Накопление знаний, рост доступа к энергиям природы, в том числе к энергии своего собственного человеческого общества — это линейное движение развития. Знания неизменных законов природы, способность постигать действительность, ставить реальные цели и удовлетворять реальные желания — это устойчивое равновесие человеческого сознания. Сила Духа, порождаемая этой устойчивостью и накоплением знания, проявляется в творческом поиске, в искусстве, в эстетике, в отваге, в любви к миру, в потребности сочувствия и справедливости, в юморе и работоспособности. Это — мотивация избытка, щедрость, великодушие, мотивация удовольствия.

2. ЦИКЛИЧНЫЙ ГОМЕОСТАЗ САДОМАЗОХИЗМА

Но мы уже видели, что сознание человека обладает не одной, а двумя антагонистичными природными энергиями.

Только вторая психическая энергия человека никак не связана с Интеллектом, и является заурядной детерминированной энергией природы. Соответственно, движение этой энергии ничем не отличается от циклов гомеостаза всех прочих природных энергий. Она не способна к устойчивому равновесию, к росту и развитию, к мотивации удовольствия. Но только цикличное движение и потребность снятия напряжения, мотивация боли, неудовлетворенности, дефицита. Поскольку эта мотивация порождается искаженным восприятием действительности (противостояние сил Эго и СуперЭго), и ощущается как страх сверхъестественных сил природы или общества, то ее невозможно «насытить», «утолить». Невозможно уничтожить страх перед сверхъестественными силами, порожденными «кривым зеркалом» силового поля Эгосистемы, поэтому этот страх постоянно воспроизводиться, гарантируя тем самым воспроизводство цикличного гомеостаза. Например, зверский страх и злость абориген против колдунов несколько снижаются после очередной жесткой расправы, но уже спустя некоторое время они бояться и ненавидят других колдунов.

> *«А вот иррациональные желания ненасытимы. Желания завистника, собственника, садиста не исчезают с их удовлетворением, разве что на какой-то момент. По самой своей природе эти иррациональные желания не могут быть „удовлетворены“. Они вызваны внутренней неудовлетворенностью человека. Отсутствие плодотворности и порожденное им бессилие и страх — вот источник этих страстных влечений и иррациональных желаний. Даже если б человек мог удовлетворить все свои желания власти и разрушения, это не избавило бы его от страха и одиночества, а, значит, и от напряжения. Благо воображения оборачивается бедствием; будучи не в состоянии освободиться от своих страхов, человек рисует в своем воображении все больше удовольствий, какие удовлетворят его алчность и восстановят его внутреннее равновесие. Но алчность — бездонная пропасть, а идея освобождения от алчности пу-*

> *тем ее удовлетворения — мираж. Источник алчности — конечно же не животная природа человека, как часто считают, этот источник — его ум и воображение».*

Фромм Человек для себя

> *«Удовлетворение от ликвидации дефицита, как правило, бывает эпизодическим и скоротечным. Наиболее часто встречается следующая схема: в начале имеет место побуждающее, мотивирующее состояние, которое дает толчок мотивированному поведению, задача которого заключается в достижении желаемого состояния, которое, при постепенном и постоянном росте возбуждения и желания, в конце концов, достигает пика в момент успеха и свершения. С этой вершины кривая желания, возбуждения и удовольствия резко опускается на равнину покоя, расслабленности и отсутствия мотивации. Эта схема, хотя и не является универсальной, явно не соответствует мотивации развития личности, для которого характерно отсутствие высшей точки или момента завершения, „оргазма“, конечного состояния: здесь нет даже цели, если понимать ее как итог. Напротив, „развитие“ это постоянное, более или менее непрерывное, движение вперед или вверх. Чем больше индивид получает, тем большего ему хочется, поэтому желание такого рода бесконечно и никогда не может быть удовлетворено».*

Маслоу

> *«при некоторой удаче честолюбцам действительно удается достичь славы, почестей, влиятельности. Но, с другой стороны, добившись на самом деле больших денег, знаков отличия, власти, они, вместе с тем, приходят к ощущению полной тщетности своей погони. Они не достигают мира в душе, внутреннего спокойствия, довольства жизнью. Внутреннее напряжение, ради ослабления которого они и гнались за призраком славы, не ослабевает ни на йоту. И поскольку это не несчастный случай, а неизбежный результат, мы будем правы, заключив, что нереалистичность всей этой погони за успехом — ее неотъемлемое свойство».*

Хорни

> *«так называемое <чувство удовольствия>, испытываемое убийцами, садистами, фетишистами, по сути своей не является тем <удовольствием>, которое вызывали в своих экспериментах Олдс и Камийя. Собственно, об этом уже давно известно психиатрии. Любой опытный психотерапевт знает, что за невротическими <удовольствиями> или перверзиями, как правило, стоят обида, боль и страх. Да*

> *и наш субъективный опыт говорит о том же. Мы знаем достаточно людей, которые в своей жизни испытывали как здоровое, так и нездоровое чувство удовольствия. Как правило, они отдают предпочтение первому и научаются подавлять второе. Колин Уилсон ясно продемонстрировал нам, что люди, совершающие сексуальные преступления, имеют весьма слабые сексуальные реакции»*

Абрахам Маслоу Дальние рубежи человеческой природы

Это цикличное движение детерминированной энергии психики на субъективном уровне ощущается как цикличное течение времени.

> *«Как показал Юбер, первобытное мышление обладает скорее неким чувством времени, сообразно субъективным качествам последнего, чем представляет его себе в объективных признаках. „Негры более отдаленных районов, — пишет Босман, — различают время весьма забавным образом, а именно на время счастливое и несчастливое. В некоторых областях большой счастливый период длится 19 дней, а маленький (ибо следует иметь в виду, что они делают еще и это различие) — 7 дней; между двумя периодами они насчитывают 7 несчастных дней, которые, по существу, являются их вакациями, ибо они не путешествуют в течение этих дней и не отправляются в поход, не предпринимают ничего значительного, а проводят их в ничегонеделании“. Здесь легко прослеживается классическое деление на счастливые и несчастливые периоды у римлян. Периоды и выдающиеся моменты времени характеризуются происходящими в них проявлениями мистических сил; на них почти исключительно и сосредоточивается первобытное мышление»*

Леви-Брюль Первобытное мышление.

Цикличный гомеостаз детерминированной энергии психики проявляется как отношения господства и подчинения, как садомазохизм, как самовлюбленность насильников и влюбленность рабов. Поэтому порочными в таких союзах являются обе стороны, хотя в гуманистической традиции социологического анализа до сих пор принято выставлять союзы господ и рабов как общества тиранов и их жертв. Но прав был Герцен, когда сказал:

> *«Каннибал, который ест своего невольника, помещик, который берет страшный процент с земли, фабрикант, который богатее за счет своего работника — составляют только видоизменения одного и того же людоедства. Я, впрочем, готов защищать и самую грубую антропофагию; если один человек себя рассматривает как блюдо, а другой хочет его съесть — пусть ест; они стоят того, — один, чтоб быть людоедом, другой, чтоб быть кушанием»*

Герцен С того берега

Фромм противопоставляет авторитарную совесть нездоровых людей и гуманистическую совесть здоровых людей, мотивацию боли первых и мотивацию удовольствия вторых, садомазохистские союзы первых и любовь и дружбу здоровых людей:

> *«Активная форма симбиотической связи — господство, или... садизм. Садистская личность стремится освободиться из плена и избежать одиночества делая другую личность своей частью. Она растет в собственных глазах и поддерживает себя тем, что включает в себя как часть другую личность, которая ее боготворит. Садистская личность также зависима от того, кто ей покоряется, как этот последний зависим от нее.; не один из них не может жить без другого. Различие лишь в том, что садистская личность распоряжается, эксплуатирует, унижает, причиняет боль, а мазохистская подчиняется распоряжениям, терпит эксплуатацию, унижения и боль. В реальном смысле, это значительное различие; но в смысле более глубоком, эмоциональном, здесь больше общего, нежели различного: и то и другое есть слияние без целостности. Если мы это поймем то не удивимся, что чаще человек ведет себя то как садистская, то как мазохистская личность, — обычно по отношению к разным объектам. В противоположность симбиотической связи зрелая любовь есть связь, предполагающая сохранение целостности личности, ее индивидуальности»*

Эрих Фромм Искусство любить

В истории союзы садомазохистов, там, где преобладали люди с энергией цикличного гомеостаза вылились в известные деспотии, существование которых не выходило за рамки циклов отношений самолюбия-влюбленности господ и рабов.

> «На Востоке исторический процесс — как и вообще отношение к времени — не воспринимался в качестве линейного, а консерва-

тивная стабильность реально превратила его в цикличный. ...Политическая администрация была незыблемой и, главное, почти автоматически регенерировала после катаклизмов очередного цикла, а величие обожествленного правителя (сына Неба или сына Солнца), выступавшего в функции связующего единства и первосвященника, считалось несомненным и неоспоримым...

Как же выглядит типичный для Востока цикл? В самом общем виде, включая и Индию, хотя она заслуживает определенной оговорки, можно сказать, что в основе цикла лежит примат централизованного государства. Пока государство сильно, все противостоящие ему тенденции ослаблены и не могут создать угрозу структуре. Но хорошо известно, что крепость централизованной власти не бывает постоянной и долговечной. Рано или поздно, по тем или иным причинам центральная власть приходит в упадок. Начинается более или менее длительный переходный период, который чаще всего отмечен острыми социальными и экономическими кризисами, политической неустойчивостью и в конечном счете децентрализацией. Все это, вместе взятое, ведет к дестабилизации структуры. Каков же характер воздействия на структуру дестабилизирующих ее факторов? Могут ли они привести к ее ломке, к радикальной трансформации с последующим возникновением чего-то принципиально нового?

Ни в коем случае. Как показывает анализ исторического процесса, об отдельных проявлениях которого уже упоминалось (это особенно заметно на примере Египта или Китая, но прослеживается также и в Индии, в Западной Азии, т.е. практически везде), от политики децентрализации выигрывают лишь региональные правители, которые приобретают автономию, а то и независимость и в случае длительности переходного периода превращаются через ряд поколений в фактически самостоятельных удельных аристократов, подчас во владельцев феодальных по типу вотчин. Эта тенденция к феодально-удельному сепаратизму, однако, при всем своем дестабилизирующем воздействии на макроструктуру в целом не привносит в нее ничего принципиально нового. Скорее это нечто вроде шага назад: сама структура и все свойственные ей отношения остаются неизменными, изменяются лишь масштабы».

Л. Васильев История Востока

3. ИСТОРИЯ КАК БОРЬБА ЛИНЕЙНОГО И ЦИКЛИЧНОГО ДВИЖЕНИЙ

Очевидно, что если здоровая и патологичная энергии психики человека имеют линейное и цикличное движение, то история человечества будет ареной борьбы этих двух непримиримых враждебных сил.

Действительно, борьба политических сил, которые сегодня называют консервативными и либеральными, составляла существо человечской истории со времен зарождения у человека сознания и становления интеллекта. Возможно на Востоке в тотальных деспотиях левиафанах этот процесс борьбы интеллекта за свободу мышления и справедливость носил единичный характер, проявляясь в точечных вспышках одиноких протестов одаренных людей, но на Западе борьба консерваторов с демократами составляла существо и содержание исторического процесса уже со времен Древней Греции.

> *«В большинстве греческих городов, и особенно в городах Сицилии, имел место постоянный конфликт между демократией и тиранией. Вожди той и другой партий в моменты поражения подвергались казни или изгнанию. Изгнанники редко стеснялись вступать в переговоры с врагами Греции — Персией на Востоке и Карфагеном на Западе»*

Бертран Рассел История западной философии

> *«А если он заподозрит кого в вольных мыслях и в отрицании его правления, то таких людей он уничтожит под предлогом, будто они предались неприятелю. Ради всего этого тирану необходимо постоянно будоражить всех посредством войны. ... Но такие действия делают его все более и более ненавистным для граждан. ... Между тем и некоторые из влиятельных лиц, способствовавших его возвышению, станут открыто, да и в разговорах между собой выражать ему недовольство всем происходящим — по крайней мере те, кто посмелее. ... Чтобы сохранить за собой власть, тирану придется их всех уничтожить, так что в конце концов не останется никого ни из друзей, ни из врагов, кто бы на что-то годился. ... Значит, тирану надо зорко следить за тем, кто мужествен, кто великодушен, кто разумен, кто богат. Велико же счастье тирана: он поневоле враждебен*

> *всем этим людям и строит против них козни, пока не очистит от них государство.*
> *— Дивное очищение, нечего сказать!*
> *— Да, оно противоположно тому, что применяют врачи: те удаляют из тела все наихудшее, оставляя самое лучшее, здесь же дело обстоит наоборот»*

Платон Государство

Связано это стем, что две различные энергии психики человека образуют принципиально различные общественные объединения, так что садомазохисты, образующие союзы деспотий (левиафаны) не будут чувствовать себя комфортно в свободных обществах здоровых людей, а здоровые люди погибают в левиафанах садомазохистов.

Образ распятого Интеллекта, распятого Духа уже задолго до Христа был изображен у Эсхилла в «Прометее». Прикованный цепями Прометей, осужденный на неизбывную боль и гибель деспотом царем за то, что похитил огонь для людей. Казнь Пифагора, казнь Сократа, попытки Платона воспитать «философов-правителей», которые едва не стоили ему жизни, казнь Цицерона, Гракхов, Спартака, война оптиматов и популяров, аутодафе священных инквизиций, костры и тюрьмы для ученых, писателей, мыслителей, борцов за свободу. Борьба Кромвеля с монархией, великие освободительные революции во Франции, в Испании, в России. Отчаянное сражение за свободу и гибель самых отважных, самых одаренных, самых великодушных людей, сотни тысяч, миллионы. Борьба с фашистскими режимами «оси зла», массовое убийство интеллигенции в Италии, Германии, во всей оккупированной Европе. Десятки миллионов погибших в войне с сумасшедшей энергией садизма, прямо формулировавшей свою философию как философию расового и национального господства. ГУЛАГи советской России, массовое уничтожение интеллигенции, ученых, писателей, художников. Композиторов. Всех, кто способен был мыслить самостоятельно и следовательно совершить «мыслепреступление».

Такова кровавая история борьбы деспотических союзов власти, левиафанов со становящимся интеллектом, еще только ищущим институциональные формы своего общества, в котором они смогли бы защитить свою природу потребности в свободе мышления, продуктивном труде, профессионализме, справедливости и сотрудничестве. Общество человечности, эстетики и науки.

4. ТВОРЧЕСКОЕ МЕНЬШИНСТВО И МИМЕСИС У ТОЙНБИ

Если Маркс представил историческое движение как стройный линейный процесс, то Тойнби как столь же уверенный цикличный процесс. Наличие обоих движений в истории и их непримиримая вражда остались для обоих авторов незамеченными.

Тойнби представил все человеческие общества как правильные системы цикличного гомеостаза, основанные на мотивации боли (дефицита), на отношениях господства и подчинения (мимесис, подражание, механизация души).

> *«Мы утверждали выше, что зарождению цивилизации способствуют наиболее трудные условия существования, имея в виду как природную среду, так и человеческое окружение. Далее мы задались вопросом, а существует ли некий социальный закон, который укладывается в формулу: „Чем сильнее вызов, тем сильнее стимул". Проведя тщательный эмпирический анализ, мы составили подробное описание ответов, которым, как выяснилось, соответствовало пять типов вызова: вызов суровых стран, вызов новых земель, вызов ударов, вызов давления и вызов ущемления. Во всех случаях сформулированный нами закон действовал безоговорочно. Вызов скорее оптимален тогда, когда, стимулировав противоположную сторону на успешный ответ, он включает инерционную силу, которая способствует движению: от победы — к борьбе, от покоя — к движению, от Инь — к Ян. Разовый, пусть и мощный, рывок от возмущения к восстановлению равновесия недостаточен, чтобы за генезисом последовал рост. А чтобы сделать движение непрерывным, задать ему определенный ритм, должен возникнуть порыв, который вдохнет в движение бесконечное стремление к смене одного состояния другим»*

Тойнби Постижение истории

Однако, его фундаментальная ошибка состоит в том, что он объединил линейную энергию интеллекта с цикличной энергией садомазохизма, заменив однородный состав тиранов и рабов в левиафанах-деспотиях.

Согласно Тойнби, господство и подчинение в обществе происходит не от взаимодействия садистов и мазохистов, а по причине правления «творческого меньшинства» над «костным, примитивным большинством». То есть получается, что современная история — это не геноцид интеллигенции левиафанами садомазохистов, а напротив, успешное творческое функционирование интеллигентного меньшинства, держащего в своих руках вожжи правления обществами.

Поскольку Тойнби, как все сторонники цивилизационного подхода отказывается признавать интеллект как базис человеческого сознания, его понятие «творчества» зависает в воздухе и приобретает мистические черты полубогов и «сверхчеловеков», которым он не может дать никакого рационального объяснения.

> *«Теперь о том, что имеется в виду, когда мы говорим о чуде художественного творчества. Люди, создающие это чудо, обеспечивают рост общества, которому они принадлежат. Это больше, чем просто люди, ибо им дано делать то, что воспринимается другими как чудо. Они в определенном смысле сверхчеловеки, и здесь нет метафоры. В чем же специфика характера этих редких сверхлюдей, способных разрушить порочный круг примитивной общественной жизни и свершить акт творения? Охарактеризовать такого человека можно одним словом: Личность. Духовно озаренная Личность, очевидно, находится в таком же отношении к обычной человеческой природе, в каком цивилизация находится к примитивному человеческому обществу. В обоих случаях новый вид развивается из старого благодаря последовательному переходу из временного состояния равновесия в состояние динамической активности Творческая мутация в микрокосме требует адаптивного видоизменения в макрокосме. Однако усилия преображенной личности повлиять на собратьев неизбежно столкнутся с сопротивлением их инерции, которая стремится сохранить макрокосм в гармонии со своим устоявшимся внутренним миром, то есть оставить все без изменений. если гению удается преодолеть инертность или открытую враждебность социального*

окружения, и он успешно воздействует на общество, устанавливая новый порядок, вполне гармонирующий с его преображенным внутренним миром, это не значит, что жизнь сразу становится приемлемой для его собратьев. Каждому приходится проходить болезненный процесс приспособления к новым социальным условиям и меняющемуся социальному окружению, навязанному им волей победоносного гения. В этом и состоит смысл слов Иисуса: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч: ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку — домашние его» (Матф. 10, 34 — 36). Появление сверхчеловека — великого мистика, гения или выдающейся личности — неизбежно вызывает социальный конфликт, Масштаб конфликта будет зависеть от того, насколько возвышается творческая личность над общим уровнем. Даже при незначительном разрыве некоторый конфликт неизбежен, поскольку социальное равновесие, нарушаемое самим фактом появления творческого гения, восстанавливается либо его победой над обществом, либо его социальным поражением. Главная причина, по которой Соль Земли не может ощущать себя в безопасности, заключается в том, что большинство, увы, по-прежнему «пресно».

В настоящее время огромные массы людей все еще остаются на том интеллектуальном и нравственном уровне, на котором они пребывали и его пятьдесят лет назад, когда новые гигантские социальные силы только начали появляться. Мера нравственного убожества и деградации современного человечества в полной мере видна на страницах «желтой прессы». В извращенности западной прессы также ощущается властная сила современного западного индустриализма и демократии, стремящаяся удержать основную массу людей, и без того ущербную в культурном отношении, на как можно более низком уровне духовности. Та же сила вдохнула жизнь в порочные институты Войны, Трайбализма, Рабства и Собственности. Творческое меньшинство в современном западном мире находится перед опасностью регресса, а земля, преображенная творческим актом, оказалась в руках новых сил и нового аппарата власти. Совершается преступление, и нельзя утверждать, что впереди нас не ждут еще большие несчастья. Использование изобретений меньшинства не приводило бы к столь катастрофическим последствиям, если бы в то время, когда меньшинство совершает гигантский нравственный и интеллектуальный шаг вперед, большинство не пребывало в косности. Стагнация масс является фундаментальной причиной кризиса, с которым столкнулась западная цивилизация в наши дни. Явление это обнаруживается в жизни всех ныне здрав-

> *ствующих цивилизаций и является чертой, характеризующей процесс роста»*

Тойнби Постижение истории

Такое соединение несоединимых элементов, ибо нельзя создать общество из носителей линейной и цикличной энергии психики, приводит Тойнби к трагическому выводу о том, что развитие всего народа до уровня «творческого меньшинства» никак невозможно и народ обречен прозябать во веки веков на стадии невежественного сознания примитивных обществ. Ибо все не могут стать «святыми», а если бы и стали, то этим была бы остановлена трагедия неудовлетворенности общества, которая является основным двигателем ее цикличного движения. Боль не должна заканчиваться. Иначе движение остановится.

> *«Подтягивание нетворческого большинства растущего общества до уровня творческих пионеров, без чего невозможно поступательное движение вперед, на практике решается благодаря свободному мимесису. По словам Платона, глухие уши, не способные услышать неземную музыку кифары Орфея, легко улавливают приказ командира. Нетворческое большинство может слепо следовать за своим вождем, даже если этот путь ведет его к гибели. Таким образом, риск катастрофы внутренне присущ мимесису как средству и источнику механизации человеческой природы. Недостаток мимесиса в том, что он предлагает механический ответ, заимствованный из чужого общества, то есть действие, выработанное посредством мимесиса, не предполагает собственной внутренней инициативы. Полное и радикальное решение проблемы видится через изъятие мимесиса из общества, ставшего союзом святых. Подобное решение было бы прямым движением к цели, но оно, увы, не встречалось ни разу в известной нам истории человечества. Отвергнув музыку Орфея ради окрика капрала, лидеры начинают играть на той же способности к подражанию для укрепления своей власти. Во взаимодействии между руководителями и руководимыми мимесис и власть являются коррелянтами. Власть — это сила, а силу трудно удержать в определенных рамках. И когда эти рамки рухнули, управление перестает быть искусством. Остановка колонны на полпути к цели чревата рецидивами непослушания со стороны простого большинства и страхом командиров. А страх толкает командиров на применение грубой силы для поддержания собственного авторитета, поскольку*

> *доверия они уже лишены. В результате — ад кромешный. Четкое некогда формирование впадает в анархию. Святые с трудом пробивались к душе примитивного человека. Они воздействовали на нетворческое большинство не прямым путем, передавая божественный огонь творческой энергии от души к душе, а через мимесис. Но мимесис никогда не охватывает все общество сразу, а значит, и цель всеобщего преображения не может быть достигнута. Время быстротечно, и жест мимесиса. уловивший его очертания, всего лишь импровизация, которая па фоне беспощадного времени кажется искусственной и неискренней. Мимесисом достигается конформность нетворческого большинства, но внутренней адаптации не происходит. Духовная пропасть между большинством и меньшинством сохраняется. Но если в этой ситуации творческое меньшинство и подражающее ему большинство противостоят друг другу, отнюдь не большинство поднимается на более высокий уровень, а творческое меньшинство опускается уровнем ниже. Соль теряет свой вкус»*

Тойнби Постижение истории

В итоге Тойнби призывает жертвовать страданиями как меньшинства, так и большинства ради сохранения цикличного гомеостаза того ходульного монстра, которое он вылепил из несовместимых компонентов. Ему важно сохранить мотивацию боли, конфликт между компонентами своего двигательного механизма, чтобы этот механизм не остановился.

> *«Таким образом, первый акт в испытании человека — переход из Инь в Ян через динамическое действие, совершаемое Божьей тварью вследствие искушения, позволяет самому Богу восстановить свою творческую активность. Но за этот прорыв приходится платить; и платит не Бог — жестокий хозяин, жнущий там, где не Он сеял, и собирающий там, где не жал (Матф. 25, 24), — но слуга Божий, сеятель — человек, который за все расплачивается сполна. Вторая стадия в испытании человека — это кризис. Человек осознает, что его динамическое действие, высвободив творческую силу Творца и Вседержителя, направляет его самого на путь страдания и смерти. В отчаянии и ужасе он восстает против судьбы, которая через его же деяния привела его на жертвенный костер»*

Тойнби Постижение истории

По сути, заявляя о невозможности прогресса в жестком конфликте между динамичными и статичными частями общества, Тойнби уже сформулировал невозможность идеи развития, прогресса. Он представил общество только как циклические конфликты между творческим меньшинством и костным большинством, неспособным к другому пониманию своих правителей, кроме слепого подражания и подчинения приказам. О каком развитии еще может идти речь? Вообще, как можно говорить о развитии, представив цикличную теорию общества?

Еще меньше нам разъясняет его представление о росте так называемый закон этерификации, который сам Тойнби формулирует так:

> *«Свое высшее выражение принцип этерификации получает в Новом завете. „Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли пищи и тело — одежды? Взгляните на птиц небесных: оне не сеют, не жнут, не собирают в житницу; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их? [...] И об одежде что заботитесь? Посмотрите на полевые лилии, как они растут: не трудятся, не прядут. Но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них. [...] Итак, не заботьтесь и не говорите: что нам есть? или: что пить? или: во что одеться? Потому что всего этого ищут язычники: и потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом. Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам“ (Матф. 6, 25—26, 28—29, 31—33). Этим отрывком из Евангелия от Матфея можно закончить обзор иллюстраций, подтверждающих действие принципа этерификации в самых различных областях общественной жизни. И всюду привлекает внимание одна и та же тенденция, получающая лишь незначительные отклонения. В морфологических понятиях этерификация проявляется как закон прогрессирующего упрощения: в биологических понятиях она проявляется как Saltus Naturae (скачок Природы) из неодушевленной материи в жизнь; в философских понятиях это переориентация умозрения из макрокосма в микрокосм; в религиозных понятиях — переселение души из дьявольского мира плоти в Царствие Божие»*

Тойнби Постижение истории

Что бы могло означать переход из неодушевленной природы в живую или переход из дьявольского царства плоти в царствие небесное?

В конечном итоге, Тойнби соединяет цикличное и линейное движение идеей «большого и малого движения», когда оборот колеса телеги, который цикличен ведет вроде бы к линейному прогрессивному движению всей телеги по дороге.

> *«Гармония двух движений — большого необратимого движения, которое рождается через малое повторяющееся движение, — возможно, есть сущность того, что мы понимаем под ритмом; и это не только игра сил в механическом ритме искусственной машины, но и органический ритм жизни. Смена времен года, от которой зависит вегетационный цикл, — основа жизни в растительном царстве. Мрачный цикл рождения, воспроизводства и смерти сделал возможным развитие высших животных вплоть до человека. Ритмические движения легких и сердца дают возможность человеку жить; музыкальные такты, стопы, строки, строфы — это выразительные средства, через которые композитор и поэт доносят до нас свою мысль; вращение молитвенного колеса приближает буддиста к его конечной цели — нирване*
>
> *Таким образом, наличие периодически повторяющихся движений в процессе роста цивилизаций ни в коей мере не предполагает, что сам процесс, включающий в себя эти движения, принадлежит тому же циклическому порядку, что и сами эти движения. Напротив, если из периодичности этих малых движений и напрашивается какой-либо вывод, то он, скорее, сводится к тому, что большое движение, порождаемое монотонно поднимающимися и опускающимися крыльями, есть движение совершенно другого порядка, или, иными словами, это движение не повторяющееся, а прогрессирующее»*

Тойнби Постижение истории

На самом деле, никакое физическое движение не может быть в конечном итоге линейным, и прямая дорога телеги тоже в конечном итоге это только круги вокруг земли, и взмах крыльев птицы, цикличный сам по себе, не позволит птице улететь дальше около земной орбиты.

Тойнби в этой связи часто обращается к образу «колеса жизненного страдания» в буддизме. Которое, как известно предпи-

сывается остановить волевым усилием для обретения нирваны, не понимая существа метафоры. «Колесо страданий» — это цикличная энергия психика, которую необходимо остановить интеллектуальным и волевым усилием, чтобы обрести силу и здоровье интеллектуальной энергии человека.

Часть третья.

Мистика

ГЛАВА 8. ЛЕВИ-БРЮЛЬ И ДЮРКГЕЙМ. ДУХ И МИСТИКА

1. ДУХ И МИСТИКА

«Если основным предметом религии является отражение сил природы, то, что бы мы ни делали, невозможно увидеть в ней что-то иное, кроме системы обманчивых фантазий, выживание которой невозможно объяснить. Мюллер считал, что избежал этого возражения, опасность которого он сознавал, с помощью принципиального разграничения мифологии и религии и помещения первой вне второй. Он сохранил право называться религией только за теми верованиями, которые согласуются с установками здравой морали и принципами рациональной теологии.

Мифы были паразитическим наростом, который под влиянием языка, прилепился к этим фундаментальным концепциям и разрушал их природу.

Так, вера в Зевса была религиозной, поскольку греки считали его верховным божеством, отцом человечества, защитником законов,

карающим за преступления и т.д., но все, что относилось к биографии Зевса, его браки и похождения, было не более чем мифологией»

Дюркгейм Элементарные формы религиозной жизни

Сам Дюркгейм категорически не согласен с Мюллером, он считает религии — развитием мифологии, качественно однородными феноменами. К сожалению, он не одинок в этом заблуждении. Смешение религии и мистики — один из наиболее показательных симптомов разложения современной социальной науки, будь то социология или психология.

Действительно, еще Гегель в своем основательном труде «Философия религии» поставил мистическое сознание абориген и религию цивилизованных людей в один качественный ряд ментальных феноменов, представив как единый процесс развития «познания Бога» и его «очеловечивания», которое достигает своего совершенства в христианстве. Не многим уступил ему и Конт с его знаменитыми тремя ступенями эволюции человеческого сознания: мистической, метафизической и научной. Согласно Конту это так же единый процесс эволюции мышления в постижении действительности, где стадия мистики — это начальный этап в постижении реальности. Фрейд так представляет себе этот единый процесс эволюции:

> *«Соглашаясь с упомянутой выше историей человеческих миросозерцании, в которой анимистическая фаза сменяется религиозной, а последняя научной, нам не трудно будет проследить судьбу „всемогущества мыслей“ во всех этих фазах. В анимистической стадии человек сам себе приписывает это могущество, в религиозной он уступил его богам, но не окончательно отказался от него, потому что сохранил за собой возможность управлять богами по своему желанию разнообразными способами воздействия. В научном миросозерцании нет больше места для могущества человека, он сознался в своей слабости и в самоотречении подчинился смерти, как и всем другим естественным необходимостям. В доверии к могуществу человеческого духа, считающегося с законами действительно-*

> *сти, еще жива некоторая часть примитивной веры в это всемогущество»*

Фрейд Тотем и табу

В интерпретации Фрейда мистика, религия и наука — стадии одного сознания в оценке своих сил и выводов из этой оценки. Первобытные люди переоценивают свои силы, религиозные смотрят трезвее, приписывая всемогущество третьим лицам, но все еще надеются на всемогущество через управление третьими лицами, ученые почему-то сознают свою слабость, словно бы отказ от всемогущества означал слабость. Фрейд отрицает могущество познающего законы природы разума, это всего лишь остатки примитивного мистического сознания, верившего в собственное всемогущество.

Однако, уже Леви-Брюль пишет о качественном различии мистического и научного сознаний. К сожалению, его голос был заглушен шумным успехом работ Фрейда и Дюркгейма.

> *«Анимистическая гипотеза в этом смысле — непосредственное последствие аксиомы, которой подчинены труды английской антропологической школы. Эта гипотеза, на наш взгляд, помешала появлению положительной науки о высших умственных процессах, науки, к которой, казалось бы, сравнительный метод должен был бы обязательно привести исследователей. Объясняя анимистической гипотезой сходство институтов, верований и обычаев в самых различных низших обществах, английская школа вовсе не думает о том, чтобы доказать лежащую в ее основе аксиому: высшие умственные функции в низших обществах тождественны нашим. Аксиома заменяет собой доказательство. Сам факт, что в человеческих обществах возникают мифы, коллективные представления, подобные тем, которые лежат в основе тотемизма, или веры в духов, во внетелесную душу, в симпатическую магию и т. д., считается неизбежным следствием строения „человеческого ума". Законы ассоциации идей, естественное и неизбежное применение принципа причинности должны были якобы породить вместе с анимизмом эти коллективные представления и их сочетания. Здесь нет ничего, кроме самопроизвольного действия неизменного логического и психологического механизма. Нет ничего понятнее, чем этот факт, подразумевающийся английской антропологической школой (если только его*

> *допустить), тождества умственного механизма у нас и у первобытных людей»*

Леви-Брюль Первобытное мышление

Леви-Брюль противопоставляет мистическое (магическое) сознание первобытных людей логическому, абстрактному мышлению цивилизованного человека как две качественно различные закрытые системы. Это настолько устойчивые закрытые системы, не поддающиеся какому-либо эволюционному изменению, что они одновременно существуют не только в одном обществе, но и в сознании одного человека.

> *«Однако другие факты, не менее поразительные, показывают, что в огромном количестве случаев первобытное мышление отличается от нашего. Оно совершенно иначе ориентировано. Его процессы протекают абсолютно иным путем. Там, где мы ищем вторичные причины, пытаемся найти устойчивые предшествующие моменты (антецеденты), первобытное мышление обращает внимание исключительно на мистические причины, действие которых оно чувствует повсюду. Оно без всяких затруднений допускает, что одно и то же существо может одновременно пребывать в двух или нескольких местах. Оно подчинено закону партиципации (сопричастности), оно в этих случаях обнаруживает полное безразличие к противоречиям, которых не терпит наш разум. Вот почему позволительно называть это мышление, при сравнении с нашем, пралогическим. „Все эти факты, — могут сказать, — наблюдаются также и в нашем обществе". Я и не думаю это оспаривать. До тех пор пока мы изучали только привычные процессы человеческого ума, характерные для западных народов, не удавалось выявить ту мыслительную структуру, которую я попытался описать, а также пролить свет на результаты закона партиципации. Лишь анализ первобытного мышления выявил существенные черты этой организации. Отсюда вовсе не следует, однако, что подобная структура встречается только у первобытных людей. Можно с полным правом утверждать обратное, и что касается меня, то я всегда имел это в виду. Не существует двух форм мышления у человечества, одной — пра-логической, другой — логической, отделенных одна от другой глухой стеной, а есть различные. мыслительные структуры, которые существуют в одном и том же обществе и часто, быть может всегда, в одном и том же сознании»*

Леви-Брюль Первобытное мышление

Дарвин, как известно, смешивал как качественно однородные умственные процессы не только мышление первобытных людей и цивилизованного человека, но и «царства» животных и человека, проводя параллели между Ньютоном и двигающим палкой хлеб медведем. В случае с Дарвином допущено две грубые ошибки: нет понимания качественно различных уровней психической и биологической энергии; а во-вторых, понимания качественного различия между двумя принципиально различными силовыми полями психики — мистики эгосистемы с одной стороны и научного мышления с другой стороны.

Дюркгейм провел колоссальную работу, чтобы доказать качественную однородность или гомогенность мистики первобытного мышления и научного мышления цивилизованного человека. Так он пишет, что попытки абориген управлять солнцем и луной аналогичны научному контролю современных ученых, контролирующих силы природы.

> *«Нам кажется, что люди могли мириться с понятиями, которые так смущают современный разум, только потому, что не смогли найти более рациональные. Но на самом деле эти удивительные для нас объяснения представляются примитивному человеку самыми простыми во Вселенной. Он рассматривает их не как что-то вроде ultima ratio [последнего довода], с которым разум смиряется лишь за неимением лучшего, но как наиболее очевидный способ представления и познания того, что наблюдает вокруг себя. Для него нет ничего странного в том, что голосом или жестом можно управлять стихиями, останавливать или замедлять движение звезд, вызывать или прекращать дождь и т. д. Обряды, используемые им для обеспечения плодородия почвы или плодовитости животных, которыми он питается, иррациональны для него не более чем для нас — технические процедуры, используемые в тех же целях нашими специалистами по сельскому хозяйству. С его точки зрения, силы, которые он приводит в действие этими разнообразными средствами, не содержат ничего особенно таинственного. Конечно, эти силы отличаются от тех, которые постигает современный ученый и которыми он учит нас пользоваться: они иначе действуют и ими нельзя управлять при помощи тех же средств. Но для того, кто в них верит, они понятны не менее чем сила тяжести или электричество для современного физика. К тому же, как мы увидим далее в этой работе, по-*

> *нятие природных сил весьма вероятно является производным от понятия сил религиозных. Следовательно, между первыми и вторыми не может быть пропасти, отделяющей рациональное от иррационального»*

Дюркгейм Элементарные формы религиозной жизни

Дюркгейм под «религиозным» понимает любые надчеловеческие силы — будь то мистика всесилия тотемов или же существование бога-интеллекта, установившего законы природы. Совершенно иначе расценивает отношение этих двух ментальных процессов Леви-Брюль:

> *«Сталкиваясь с различными физическими силами, которые на нас действуют и от которых чувствуем зависимость, мы всегда прежде всего полагаемся на возможно более широкое и точное знание законов природы. „Знать, чтобы предвидеть; предвидеть, чтобы мочь" — мы все руководствуемся этой формулой, вовсе о ней не думая, настолько приученные нашим воспитанием доверять науке и уверенно использовать те выгоды, которые доставляет ее практическое применение. Совершенно иной характер имеют привычки, а следовательно, и направленность мышления у первобытных людей. Ничто не наводит их на мысль о выгоде, которую могла бы им принести попытка узнать законы естественных явлений, у них отсутствует даже само представление об этих законах. Что прежде всего захватывает их внимание и почти полностью занимает его с того момента, когда оно было чем-нибудь пробуждено, что целиком заполняет и удерживает его — это присутствие и более или менее определенное влияние невидимых сил, действие которых они чувствуют на себе и вокруг себя»*

Леви-Брюль Первобытное мышление

Смешение этих двух качественно различных процессов, проистекающих из совершенно различных энергетических психических систем на корню подрубило все попытки увидеть истинные закономерности психики человека. Разумеется, не все были столь слепы как Фрейд, Гегель, Дюркгейм или Конт. Но и этих имен, заложивших основы современной психологии и социологии хватило, чтобы на долгое время остановить всякий прогресс в становлении социальной науки.

Гуманистическая философия и психология строит свою теорию как раз на идентификации и противопоставлении этих двух качественно разнородных систем в психике человека. Леви-Брюль написал классический труд, доказав это качественное различие на исследовании особенностей первобытного мышления.

Еще Будда, как мы могли видеть, резко противопоставлял истину и сочувствие с одной стороны и невежество, мистику и колесо страдания с другой стороны.

Боги разумных людей всегда представлены Интеллектом, поисками Истины, духовного очищения и здоровья. Уже Ахура-Мазда в зороастризме — это бог мысли и знания.

> *«Так вопрошал ты: Кто ты и чем ты жив?*
> *Так отвечал я: К Правде тропа моя.*
> *Я — Заратустра, истинный недруг Лжи*
> *Святости полон, славлю Ахуру я!»*

Шапошников А. Заратустра
учение огня

Логос Христа ставит своей целью поиск истины. Да, на первых порах религия разумных людей также имеет много мистических элементов, но эти элементы чужеродны и их гетерогенность постепенно все больше и больше обнажается. Так, Толстой пишет в «Четырех евангелиях», что все существо и весь смысл Евангелия в восстании в бунте Христа против мистики Ветхого завета. О том же пишет Томас Пейн в «Веке разума», противопоставляя мистику ветхого завета евангелию, и науку в виде открытых законов природы всем священным писаниям как единственное неопровержимое письменное свидетельство божественного разума. Бог-интеллект Платона, Спинозы, Декарта, Ганди ничем не отличается от этих религиозных версий, поскольку между богом и людьми стоит разум, интеллект в законах природы и мышлении человека.

> «Но для меня истина — главенствующий принцип, включающий множество других принципов. Имеется бесконечное количество опреде-

> лений Бога, но я поклоняюсь Богу только как Истине. Я еще не нашел его, но ищу. Я готов в этих поисках пожертвовать всем самым дорогим для меня. Я отдам даже жизнь, если это понадобится»

Ганди Мои эксперименты с истиной

Мистика абориген — это фантазии физического всесилия каким бы не было его происхождение, основанные на искаженном видении мира и себя, на неспособности видеть реальный мир. Могущество разумных людей основано на их способности видеть истину, на науке, контроле законов природы, независимо от того связывают ли они интеллект подобно Эйнштейну или Ньютону с существованием творца или нет. Ньютон как известно, не считал открытие законов механики опровержением существования творца: бог установил законы природы и через них порядок вселенной. Однако, гипотеза о существовании творца совершенно необязательна в этом случае и ряд других серьезных ученых, таких как Бертран Рассел например, решили обходится без нее, что не изменило в принципе научного мировоззрения ни тех ни других ученых.

У религии и науки один источник, говорил Эйнштейн, и был прав. Но у религии и мистики совершенно различные источники, отождествление которых в психологии Фрейда и работах социологов на долгие десятилетия похоронило современную социальную науку.

2. МИСТИКА

Сознание абориген принято называть мистическим из-за склонности первобытных людей объяснять все происходящее действием невидимых всемогущих сил. Леви-Брюль подчеркивает, что первобытное сознание существует как бы в двух параллельных мирах: один обычный видимый, другой мир сверхъестетсвенных всемогущих сил, которые движут всеми процессами видимой реальности. Дюркгейм называет эту специфику первобытного сознания восприятием мира как «священного и профанного», двух противостоящих несопоставимых реальностей.

Фрейд объясняет этот феномен первобытного сознания понятием нарциссизма, в котором он видит иррациональное стремление невротика приписывать себе магию всемогущества. Кьеркегор пишет об искажении сознанием реальности, о «кривом зеркале», которое плодит «абсолютных князей, королей без королевства, которые, по сути, ничем не управляют», которые «воюют с мельницами» и «выходят прямо из сказки». Платон и Спиноза пишут о невеждах, которые воспринимают мир не разумом, а аффектами, искажающими реальность. Гуманистические психологи, Маслоу, Фромм, Хорни пишут об иррациональности невротического восприятия мира, о «кривом зеркале» эгоцентризма, которое искажает реальность. Стенли Милграм, автор знаменитых экспериментов на подчинение авторитету, доказал в серии блестящих экспериментов, что человеческая психика представлена двумя антагонистичными системами, одна из которых подчиняется разуму и совести, а другая иррациональна и склонна превращать обычных людей во всемогущие авторитеты. Фромм называл эти две системы гуманистической и авторитарной совестью.

Однако, эта мистика всемогущих сил первобытных людей и эгоцентриков имеет весьма прозаичное объяснение.

«Кривое зеркало», искажающее реальность действительно существует, но представлено не сверхъестественными силами, а всего лишь силовым полем заурядной детерминированной энергии природы.

Открытая Фрейдом система двух противостоящих психологических фигур — Эго и СуперЭго — как раз и представляет это поле детерминированной психической энергии, хотя сам Фрейд расценивал значение Эгосистемы несколько иначе. Но об этом ниже. Фромм довольно точно обозначил эту односторонность Фрейда как его «ограниченность и гениальность» в книге, посвященной своему учителю. Такой взгляд на работы Фрейда характерен всему гуманистическому направлению.

Заслуга Фрейда состоит в том, что он открыл существование двух этих психологических фигур в психике как некую си-

стему, где одна фигура не существует без другой. В том, что он показал, что это поле эгосистемы приводит к искажению реальности как «загрузкам» Эго и «суперЭго» в виде противостояния всемогущих сил, «магии всемогущества». А также сделал акцент на противостоящем характере этих фигур. Бредовость его объяснений этого противостояния как «страха кастрации» или борьбы «инстинкта смерти» и «инстинкта жизни» происходит из его стремления объяснять психические процессы как результат биологических преобразований. Он признает существование биологической энергии, но говорит о «психической энергии» только как о преобразованных резервах биологических инстинктов. О том, что может существовать независимое от биологии поле психической энергии он и не помышляет. Отсюда его неспособность дать правдоподобное объяснение верно описанной и открытой им Эгосистемы, как поля детерминированного тока психической энергии. По сути поле Эгосистемы, как двух противостоящих психологических фигур — и есть те «разности интенсивностей», которые лежат в основании всех детерминированных энергий природы, как пишут об этом Гельм, Майер, Оствальд и Мах.

> *«Чтобы какой-нибудь процесс имел место, надо, чтобы существовали разности интенсивностей присутствующих энергий. Общим выражением этого закона мы обязаны Гельму... Два тела различной температуры, два газа различного давления, два электрических проводника различного напряжения не приходят при благоприятных условиях, моментально в состояние равновесия, но они требуют на это большее или меньшее время.....Выравнивание электрических разностей напряжения совершается точь-в-точь по тем же законам, как и выравнивание температур. То же относится и к выравниванию химических разностей и многих других; все требует времени, и все протекает тем медленнее, чем дальше продвинулся процесс выравнивания. Вследствие этого мир наполнен образованиями, которые с точки зрения учения о равновесии, не имеют права на существование и поэтому существуют только временно. Всякая река и всякий ручей существуют только потому, что стекающая река не падает моментально в море, а на это требуется время и они могут существовать только при условии, что в каждую ми-*

нуту в них втекает из источников столько же воды, сколько ее вытекает».

Философия природы Вильгельм Оствальд

«Для того чтобы в физическом мире, что-нибудь произошло, для того чтобы в нем произошли какие-либо изменения, должны быть, как это доказывал уже Р. Майер, какие-нибудь различия, разности: разности температур, давлений, электрических зарядов, высот, химические разности и тп. Без разностей не происходит ничего. Совершенно невозможно даже выдумать какое-либо разумное правило, по которому что-либо могло бы происходить в мире, не знающем таких разностей. Вот почему Майер назвал разности силами. К чему же приводят эти разности? Нетрудно это заметить, если внимательно оглянуться кругом. Эти разности становятся меньше, различия быстро или постепенно уравниваются. Во всех двигателях современной техники пользуются этой тенденцией к уравнению. Без нее не было бы и жизни»

Познание и заблуждение Эрнст Мах

1. Разумное и аффективное восприятие

Главное различие между мистическим и разумным сознанием состоит в том, что первое аффективно и невежественно, а второе логично и объективно. Об этом в первую очередь пишут все исследователи. Леви-Брюль пишет о принципиальной неспособности абориген к логическому мышлению, об отсутствии у них интеллектуальной активности в собственном смысле этого слова.

«Логическое и пра-логическое не наслаиваются в мышлении низших обществ друг на друга, отделяясь одно от другого, подобно маслу и воде в сосуде. То и другое мышление взаимно проникают друг в друга, и в результате получается как бы смесь, составные части которой нам трудно оставлять соединенными. Так как в нашем мышлении логическая дисциплина исключает во что бы то ни стало все то, что ей очевидно противоречит, то мы не в состоянии приноровиться к такому мышлению, где логическое и пра-логическое сосуществуют и одновременно дают себя чувствовать в умственных операциях. Пра-логический элемент, который еще сохра-

няется в наших коллективных представлениях, слишком слаб, для того чтобы позволить воспроизвести такое состояние мышления, где первый господствует, но не исключает второго. Что поражает в первую очередь, так это то обстоятельство, что пра-логическое мышление мало склонно к анализу. В известном смысле, несомненно, всякий акт мышления является синтетическим. Однако когда речь идет о логическом мышлении, то синтез почти во всех случаях предполагает предварительный анализ. Отношения, выражаемые суждениями, ясно формулируются лишь потому, что материал мышления подвергся предварительной обработке, расчленению, классификации: суждение оперирует строго определенными понятиями, которые сами свидетельствуют о предшествующей логической работе и о ее продукте. Продукт этой работы, в которой подытоживается и суммируется большое число последовательных процессов анализа и синтеза. Новые синтезы, вырабатываемые разумом, должны подходить к определениям тех понятий, которыми он пользуется, к определениям, которые сами были узаконены предшествующими логическими операциями. Короче говоря, умственная деятельность личности в нашем обществе, в какой бы форме она ни совершалась, должна быть подчинена закону противоречия. Совсем иные условия, в которых протекает пра-логическое мышление. Несомненно, и оно передается социальным путем, т. е. через посредство языка и понятий, без которых оно было бы просто невозможным. И пра-логическое мышление предполагает предварительно выполненную работу, наследие, которое переходит от поколения к поколению. Однако эти понятия отличны от наших, а следовательно, отличны от наших и умственные операции. Пра-логическое мышление — синтетическое по своей сущности: я хочу сказать, что синтезы, из которых оно состоит, не предполагают, как те синтезы, которыми оперирует логическое мышление, предварительного анализа, результат которого фиксируется в понятиях. Другими словами, связи представлений обычно даны вместе с самими представлениями. Синтезы в первобытном мышлении являются в первую очередь и оказываются почти всегда, как мы видели при рассмотрении первобытного восприятия, неразложенными и неразложимыми. По той же причине мышление первобытных людей в очень многих случаях обнаруживает одновременно и непроницаемость в отношении опыта, и нечувствительность к противоречию. Но нам могут возразить следующее: если мышление в низших обществах столь отлично в своих операциях от логического мышления, если основной закон этого мышления — закон сопричастности, который априори делает возможным предассоциации и разнообразные

> *до бесконечности партиципации партиципаций, если, наконец, оно освобождает себя от контроля опыта, то не должны ли мы его считать не подчиненным каким-либо правилам, совершенно произвольным, абсолютно непроницаемым для нас? Между тем почти во всех низших обществах мы встречаем то неподвижное, остановившееся мышление, почти неизменное не только в своих чертах, но и в самом содержании, вплоть до деталей представлений. Причина заключается в том, что это мышление, хотя оно и не подчинено логическому механизму, или вернее, именно потому, что оно ему не подчинено, вовсе не свободно*
>
> *Кроме того, коллективные представления обычно образуют часть мистического комплекса, в котором эмоциональные и аффективные элементы совершенно не позволяют мысли быть и владеть собой. Для первобытного мышления едва ли существует голый объективный факт. Ничто не преподносится этому мышлению без наслоения мистических элементов: всякий объект его восприятия, как обычный, так и необычный, вызывает более или менее сильную эмоцию, причем сам характер эмоции в свою очередь предопределен традициями. Мистическое и пра-логическое мышление начнет развиваться только тогда, когда первоначальные синтезы, предассоциации коллективных представлений мало-помалу распадутся и разложатся, другими словами, когда опыт и требования логики одержат верх над законом партиципации. Только тогда, подчиняясь этим требованиям, мысль в собственном смысле слова начнет дифференцироваться, освобождаться, быть самой собой. Только тогда станут возможными маломальски сложные интеллектуальные операции. Логический механизм, которому постепенно подчиняется прогрессирующее мышление, является одновременно необходимым условием свободы этого мышления и столь же необходимым орудием его прогресса»*

Леви-Брюль Первобытное мышление

2. Страх сверхъестественных сил

Действительно, Леви-Брюль удивительно проницательно описал первобытное сознание как аффективную систему, основанную на страхе сверхъестественных сил. Понятно, что этот аффект страха происходит из того искаженного мировосприятия, которое порождает Эгосистема — некую количественную абстракцию силы вселенной, где силам Эго противостоит весь прочий необъятный мир. Эта чудовищная диспропорция сил и их

противостоящий характер и вызывает аффект страха, который наполняет сознание абориген.

«Первобытный человек никогда не в состоянии хладнокровно помыслить об этих невидимых силах, об этих неуловимых влияниях, постоянное присутствие и действие которых он замечает или подозревает. При одной мысли, что какая-нибудь из сил ему угрожает, он лишается самообладания, если не уверен в своей способности отразить удар. Один эскимосский шаман Ауа сделал интересное сообщение о своей жизни Кнуду Расмуссену. Столь же искренно, сколь и умно откликнулся шаман на усилия знаменитого исследователя проникнуть до самых глубин эскимосского мышления. Для выражения преобладания эмоциональных элементов в представлениях о невидимых силах он нашел пленительную формулу: «Мы не верим, мы боимся», — которую развил следующим образом: «Все наши обычаи исходят от жизни и направлены к ней (они отвечают потребностям практики). Мы не объясняем ничего, мы не верим ни во что (нет представлений, вытекающих из потребности знать или понимать). ...Мы страшимся духа земли, который вызывает Непогоду и заставляет нас с боем вырывать нашу пищу у моря и земли. Мы боимся Сила (бога луны). Мы боимся нужды и голода в холодных жилищах из снега... Мы боимся Таканагапсалук, великой женщины, пребывающей на дне моря и повелевающей морскими животными. Мы боимся болезни, которую постоянно встречаем вокруг себя. Не смерти боимся мы, а страдания. Мы боимся коварных духов жизни, воздуха, моря, земли, которые могут помочь злым шаманам причинить вред людям. Мы боимся духов мертвых, как и духов убитых нами животных. Вот почему и для чего унаследовали мы от отцов все древние правила жизни, основанные на опыте и мудрости поколений. Мы не знаем, как что происходит, мы не можем сказать, почему это происходит, но мы соблюдаем правила, чтобы уберечь себя от несчастья. И мы пребываем в таком неведении, несмотря на шаманов наших, что все необычное вызывает у нас страх. Мы боимся всего, что видим вокруг себя. Мы боимся всех невидимых вещей, которые нас окружают. Мы боимся всего, о чем говорится в преданиях и мифах наших предков. Вот почему наши обычаи совсем не те, что у белых. Белые живут в другой стране, им надлежит иметь другие правила жизни».

Множество наблюдений подтверждают свидетельство эскимосского шамана, подчеркивая, что место, которое принадлежит страху, можно было бы называть религией первобытных людей, если понимать этот термин в достаточно широком смысле. Вот несколько таких примеров. Когда-то на Таити «ни одному, самому ревностному

> *служителю какого-нибудь божества и в голову никогда не приходило, что объект его поклонения и покорности может относиться к нему любовно и благосклонно; да и сам он со всем своим рвением и благочестием был чужд чувству, которое приближалось бы к любви. Страх был тайной причиной могущества богов. Страх бывал главным и часто единственным мотивом, определявшим поступки наиболее упорных и ревностных служителей этих богов. Если к страху иногда и присоединялось какое-нибудь другое чувство, то это был эгоизм»*

Леви-Брюль Первобытное мышление

3. Абстракция количественной силы.

Дюркгейм, который также обратил внимание на тот факт, что первобытное мышление склонно видеть мир как некую абстракцию единой силы трактует этот феномен как предтечу научного мышления, которое в будущем откроет физические энергии природы.

> *«Подлинно тотемический культ обращен не к определенным животным и растениям и даже не к животным или растительным видам, а к неопределенной силе, рассеянной по этим вещам. Именно эта идея господствует во всей религиозной системе. Это та первичная материя, из которой были созданы разнообразные существа, которым поклоняются и которых боготворят в религиях всех времен. Духи, демоны, гении и боги разного уровня являются всего лишь конкретными формами, которые приняла эта энергия (или «потенциальность», как называл ее Хевитт), когда она индивидуализировалась и зафиксировалась в определенном объекте или точке пространства или сконцентрировалась вокруг идеального и легендарного существа, воспринимаемого, однако, народным воображением как реальное.*
>
> *Другими словами, вакан (ибо именно о нем говорил индеец) движется и странствует по миру, а священные предметы являются теми пунктами, в которых он останавливается. И вот на этот раз мы оказываемся очень далеко как от натурализма, так и от анимизма. Если люди поклоняются Солнцу, Луне и звездам, то эти почести воздаются им не из-за их внутренней природы или их отличительных свойств, а потому, что считается, что они причастны той силе, которая одна способна придать вещам священный характер и которая обнаруживается также во множестве других существ, даже самых ничтожных.*

Мы не обнаружили у истоков и в основе религиозной мысли никаких определенных и отдельных объектов и существ, которые обладали бы сакральным характером сами по себе; напротив, то, что мы увидели, — это неопределенные и безликие силы. В разных обществах эти силы более или менее многочисленны (хотя иногда они сливаются в одну), а их безличность весьма похожа
на безличность физических сил, проявления которых изучают естественные науки. Что же касается отдельных священных вещей, то они всего лишь индивидуализированные формы этого основного принципа.
Данное понятие обладает первостепенной важностью не только в связи с той ролью, которую оно играет в развитии религиозных идей; оно обладает также неким светским аспектом, благодаря которому представляет интерес и для истории научной мысли. Это понятие — первая форма идеи силы. Фактически в мире, как его понимают сиу, вакан играет ту же роль, что и силы, посредством которых наука объясняет различные природные явления. Это, однако, не означает, что вакан мыслится в форме исключительно физической энергии; напротив, в следующей главе мы увидим, что элементы, из которых образована эта идея, взяты из самых разных сфер. Но именно эта составная природа вакан позволяет использовать его как универсальный объясняющий принцип. От него происходит вся жизнь: «вся жизнь — вакан». Под «жизнью» мы должны понимать все действия и противодействия, все движущее и движимое, как в органическом, так и в неорганическом царствах. Вакан — причина любого движения, происходящего во Вселенной. Мы увидели также, что оренда ирокезов является «производящей причиной всех явлений и любой активности, которая имеет место вокруг человека». Это сила «присущая всем телам и вещам». Именно оренда делает так, что ветер дует, Солнце светит и согревает землю, растения растут, животные размножаются; именно оренда делает человека сильным, искусным и умным. Когда ирокез говорит, что жизнь природы есть продукт столкновений, происходящих между разными по силе оренда разных существ, он лишь выражает своим языком ту современную идею, что мир есть система сил, ограничивающих, сдерживающих и уравновешивающих друг друга.
Итак, идея силы имеет религиозное происхождение. Именно из религии ее позаимствовали сначала философия, а затем естественные науки»

Дюркгейм Элементарные формы религиозной жизни

Однако ничего не может быть более далеким от истины, чем это мнение. То, что человек ищет в мире «силы» объясняется законом сохранения силы психики (психической энергии). Однако, в одном случае (в случае с детерминированной энергией психики) — это физический контроль закона сохранения силы, а во втором случае — научный контроль закона сохранения силы. В первом случае, мы получаем, рядовую, неживую цикличную энергию природы, во втором случае — разумную, живую, основанную на открытии и контроле законов природы энергию.

В первом случае, в случае с физическим контролем закона сохранения силы психики задача Эгосистемы не в том, чтобы отразить реальность такой как она есть, то есть законы природы. Задача Эгосистемы в том, чтобы запустить механизм цикличного гомеостаза детерминированной энергии. Это значит создание тех разностей интенсивностей, о которых пишут вышеупомянутые ученые. Вот почему Эгосистема искажает реальность и представляет мир и самого человека как некую количественную абстракцию двух противостоящих сил (научная картина дает знание о различных качественно силах, об энергиях природы).

Это «кривое зеркало» Эгосистемы порождает сильный страх, о котором Леви-Брюль пишет как о «страхе сверхъестественных сил». Понятно, что «сверхъестественность» этих сил всего лишь в искажении информации о внешнем мире в поле Эгосистемы, которая представляет всю вселенную как некую количественную абстракцию «силы».

> *«Таким образом, во всех подобных случаях первобытное мышление уделяет самим фактам гораздо меньше внимания, чем сверхъестественным реальностям, наличие и действие которых данные факты возвещают. В этом отношении первобытное мышление обнаруживает постоянную тенденцию к символизму. Оно не задерживается на самих событиях, его поражающих. Оно сейчас же ищет за событиями, что они означают. Тот или иной факт для этого мышления не что иное, как проявление потустороннего мира. Однако этот стихийный символизм вместе с тем и очень реалистичен. Символы, собственно говоря, не творения их ума. Первобытный человек нахо-*

дит готовыми эти символы, или, вернее, он самым непосредственным образом истолковывает в качестве символов события, которые привели в действие аффективную категорию сверхъестественного.

Другими словами, какова бы ни была невидимая сила, каково бы ни было сверхъестественное влияние, присутствие или действие которых первобытный человек замечает или подозревает, едва только он обратил на них внимание, эмоциональная волна, более или менее сильная, заполняет все его сознание. Все представления рода пронизаны у первобытного человека подобной эмоциональной струёй. Каждое из представлений приобретает, таким образом, тональность, которая мгновенно погружает первобытного человека в аффективное состояние, испытанное им уже много раз. У него нет нужды в интеллектуальном акте, для того чтобы распознавать это состояние. Здесь начинает действовать аффективная категория сверхъестественного.

Мы никогда не должны забывать следующее соображение: в той области, которую мы здесь исследуем, как и во многих других, первобытное мышление ориентируется совершенно в ином направлении, чем наше. С известной точки зрения первобытные люди — метафизики. Они даже являются таковыми с большими непринужденностью и постоянством, чем многие люди нашего общества. Однако это отнюдь не означает, что они — метафизики в том же смысле, что и мы. Сталкиваясь с различными физическими силами, которые на нас действуют и от которых чувствуем зависимость, мы всегда прежде всего полагаемся на возможно более широкое и точное знание законов природы. «Знать, чтобы предвидеть; предвидеть, чтобы мочь» — мы все руководствуемся этой формулой, вовсе о ней не думая, настолько приученные нашим воспитанием доверять науке и уверенно использовать те выгоды, которые доставляет ее практическое применение. Совершенно иной характер имеют привычки, а следовательно, и направленность мышления у первобытных людей. Ничто не наводит их на мысль о выгоде, которую могла бы им принести попытка узнать законы естественных явлений, у них отсутствует даже само представление об этих законах. Что прежде всего захватывает их внимание и почти полностью занимает его с того момента, когда оно было чем-нибудь пробуждено, что целиком заполняет и удерживает его — это присутствие и более или менее определенное влияние невидимых сил, действие которых они чувствуют на себе и вокруг себя»

Леви-Брюль Первобытное мышление

Однако и Дюркгейм не мог не заметить того факта, что первобытное сознание живет в двух параллельных непересекающихся мирах: обычном, видимом и сверхъестественном, мистическом. Но Дюркгейм увидел в этом специфику опять же не первобытного сознания (подобно Леви-Брюлю), а свойство характерное всему человечеству, как склонность к «религиозному восприятию». Однако, религии, как первые попытки изучения психики, психической энергии (духа), основаны на поиске законов психики (Платон, Спиноза, Декарт, Будда, Заратутсра). И таким образом, представляют собой исследование реальности.

В то время как мистика абориген, как мы могли видеть, не имеет ничего общего с мышлением вообще, а представляет собой «аффективную категорию сверхъестественного». Эта аффективная категория мистики и есть чувственная информация Эгосистемы как количественной абстракции силы. И именно эти два различных источника информации о мире — разумный и мистика поля Эгосистемы и объясняют то радикальное различие между «священным и профанным».

> *«Мы пытаемся узнать, как люди пришли к идее о том, что в реальности существуют две категории вещей, полностью гетерогенные и несопоставимые друг с другом.*
> *Священные сущности отличаются от профанных не только странными или обескураживающими формами, которые они принимают, или большей силой, которой они обладают — для первых и вторых нет общей меры. Но в понятии двойника нет ничего такого, что могло бы дать столь радикальную гетерогенность.*
> *Эта гетерогенность такова, что часто вырождается в настоящий антагонизм. Два мира воспринимаются не только как разделенные, но и как враждебные и яростно соперничающие друг с другом.*
> *И этой гетерогенности достаточно, чтобы охарактеризовать такую классификацию вещей и отличить ее от любой другой, поскольку она уникальна в том, что абсолютна. Во всей истории человеческой мысли нет иного примера двух категорий вещей, столь глубоко различных и радикально противоположных друг другу. Традиционная оппозиция добра и зла ничтожна по сравнению с этой, поскольку добро и зло суть два противоположных вида одного и того же рода, а именно морали, так же как здоровье и болезнь суть лишь два различных аспекта одного и того же порядка фактов, а именно жизни, тогда как*

священное и профанное всегда и везде воспринимались человеческим умом как два отдельных рода, два мира, между которыми нет ничего общего. Нельзя сказать, что силы, которые действуют в одном из них, такие же, как и в другом, но более мощные: они отличны по своей природе. В разных религиях эта оппозиция воспринималась по-разному. В одних случаях для разделения этих двух родов вещей казалось достаточным поместить их в различные области физической Вселенной; в других случаях священное переносится в идеальную и трансцендентную сферу, тогда как материальный мир предоставлен профанному в полную собственность. Но сколь бы ни различались формы этого противопоставления, сам его факт универсален»

Дюркгейм Элементарные формы религиозной жизни

4. Запуск Эгозащиты

Мы видели, что «кривое зеркало» Эгосистемы функционально предназначено не для того, чтобы отображать истинную информацию о себе и о мире, а для того, чтобы спровоцировать страх и вытекающее из него поведение Эгозащиты. Это поведение, каким бы странным оно не казалось разумным людям, есть нормальное течение детерминированной энергии психики. Разумеется, оно не имеет ничего общего с разумом как способностью мыслить, открывать и контролировать законы природы. И в этом смысле поле эгосистемы и эгозащита не имеют ничего общего с объективной реальностью. Но в то же время — это заурядный природный механизм цикличного гомеостаза, движения от неравновесия к равновесию, вызванного некими разностями интенсивностей (в данном случае противостояние сил Эго и СуперЭго).

Поэтому безусловно эта энергия, которая пожирает ресурсы здоровой, разумной живой энергии психики является болезнью и патологией по отношению к человеку. Но сама по себе она не содержит в себе ничего мистического и ничего, чтобы противоречило законам природы.

О том, что поведение Эгозащиты, или иначе эгоцентризм — симптом нездоровья психики пишет вся гуманистическая фило-

софия и психология. Причем Эго в данном случае противопоставляется истинному Я человека, так что эгозащита никак не связана с защитой реальных интересов личности, но напротив радикально им вредит. Фромм пишет, что «эгоист» плох не тем, что слишком любит себя, но тем, что совершенно не любит и не знает себя. Карен Хорни называет этот антагонизм между истинным Я человека и поведением эгозащиты — центральным личностным конфликтом.

Как всякий цикличный гомеостаз поведение эгозащиты есть выравнивание двух различных интенсивностей. Фрейд довольно проницательно определил два противоположных притяжения формируемых поведением эгозащиты как Самолюбие и Влюбленность. Если ситуация противостояния сил на поле эгосистемы оценивается в пользу Эго — возникает притяжение Самолюбия, провоцирующее поведение насилия, хамства, наглости, тщеславия. Если ситуация противостояния сил на поле Эгосистемы оценивается в пользу СуперЭго — возникает притяжение Влюбленности, провоцирующее поведение раболепия, пресмыкательства, тщеславия. Фромм совершенно справедливо пишет в «Гениальности и ограниченности Фрейда», что последний расценивая эти два притяжения как истинную любовь (он вообще считал поле эгосистемы не поверхностным патологичным образованием, а механизмом истинной психики человека) не понимал насколько он далек от понимания того, что представляют собой здоровые отношения людей. Сам Фромм четко разделил в «Искусстве любить» здоровые отношения людей, где любовь к себе есть продолжение любви к другим и так называемую «симбиотическую связь», где мазохизм и садизм составляют не разные энергии, а противоположные притяжения единого цикличного гомеостаза психики.

> *«Слияние может достигаться разными путями и различия между разными формами любви не менее важны, чем сходство. Можно ли все эти формы назвать «любовью»? Или лучше оставить это слово лишь для какого-то особого вида соединения, которое считается идеалом добродетели во всех великих гуманистических религиях*

и философских системах в течении последних четырех тысячелетий истории Запада и Востока?...Важно только знать, какое соединение мы имеем в виду говоря о любви, — зрелое решение проблемы существования или те незрелые формы, которые можно назвать симбиотической связью?
Пассивной формой симбиотической связи является подчинение, или, выражаясь медицинским языком, — мазохизм. Мазохистская личность избавляется от невыносимого чувства одиночества и отчуждения, становясь неотъемлемой частью другого человека, который направляет его, руководит им, защищает его; частью того, который становится для него как бы жизнью, его воздухом. Сила того, кому он покорился, будь то человек или божество невероятно преувеличивается он — все, а я — ничто, я значу что-то лишь постольку поскольку я его часть. И будучи его частью я сам становлюсь причастен к его величию, его силе, его уверенности. Активная форма симбиотической связи — господство, или... садизм. Садистская личность стремится освободится из плена и избежать одиночества делая другую личность своей частью. Она растет в собственных глазах и поддерживает себя тем, что включает в себя как часть другую личность, которая ее боготворит. Садистская личность также зависима от того, кто ей покоряется, как этот последний зависим от нее.; не один из них не может жить без другого. Различие лишь в том, что садистская личность распоряжается, эксплуатирует, унижает, причиняет боль, а мазохистская подчиняется распоряжениям, терпит эксплуатацию, унижения и боль. В реальном смысле, это значительное различие; но в смысле более глубоком, эмоциональном, здесь больше общего, нежели различного: и то и другое есть слияние без целостности. Если мы это поймем то не удивимся, что чаще человек ведет себя то как садистская, то как мазохистская личность, — обычно по отношению к разным объектам.
В противоположность симбиотической связи зрелая любовь есть связь, предполагающая сохранение целостности личности, ее индивидуальности. Любовь — действенная сила в человеке, сила, разрушающая преграду между человеком и его собратьями, сила, которая объединяет его с другими; любовь помогает человеку преодолеть чувство одиночества и отчуждения и вместе с тем позволяет ему оставаться самим собой, сохранить свою целостность. Парадокс любви в том, что два существа составляют одно целое и все же остаются двумя существами»

Эрих Фромм Искусство любить

Из этой цитаты видно, что Фромм относит противоположные психологические позиции в садомазохизме к частям одной пси-

хической системы, то есть к одной психической энергии, противопоставляя садомазохизму здоровые отношения в которых нет места противоположным психологическим позициям. Фрейд, напротив, довольно проницательно описав противоположность притяжений самолюбия и влюбленности, понимает влюбленность как настоящие здоровые чувства.

Эта система садомазохизма циклична и Фромм это подчеркивает, когда пишет, что одной из определяющих характеристик «симбиотической связи» является ее кратковременность, цикличность ее характера. Возникновение двух противоположных притяжений самолюбия и влюбленности, краткий садомазохистский союз и его неминуемый распад.

Тот же эффект можно наблюдать и на более глобальных садомазохистских союзах, таких как древние деспотии например. Как известно одной из ведущих характеристик древневосточных обществ наряду с тиранией власти и мистическим сознанием является цикличный характер их существования.

Если понимать мистику как специфическую энергетическую систему психики, поражающую и разлагающую здоровую, живую и разумную энергию человека, то понятно, насколько радикально ошибочны выводы Дюркгейма о том, что мистическое сознание абориген — это примитивный образец сознания цивилизованных людей. Он специально подчеркивает, что ошибочны любые трактовки мистического сознания как болезненного и бредового и что источники этого сознания абсолютно идентичны с источниками разумных цивилизованных людей.

3. ДУХ

Дюркгейм настаивает на том, что мистическое сознание есть начало и источник не только религиозного сознания, но и научного. Что религии цивилизованных людей не более чем продолжение и развитие примитивной мистики абориген.

Он правильно трактует психическую энергию как источник мистики. Кардинальная ошибка его системы в том, что он пола-

гает что под «психической энергией» можно понимать любые скопления людей. Он не видит необходимости находить и описывать силовые поля психики и механизмы посредством которых психика людей соединяется через эти силовые поля. Это может быть система садомазохизма, где один вождь-садист поглощает энергию всей угнетенной массы, а может быть объединение свободных людей, управляемых научным контролем. Он просто пишет о том, что большие скопления людей порождают феномен синергии, простой математической суммы психик индивидов и именно эту сумму он и называет «излучением психической энергии» как состояний крайнего эмоционального возбуждения. Это все что он может сказать о качестве и количестве психической энергии.

В результате, он не видит реального механизма мистики как поля Эгосистемы, искажающего реальность и его противостояния с разумной энергией психики. Он трактует мистику, как потребность как то истолковать неосознаваемый источник психической энергии. Мифология говорит он, никогда бы не возникла, если бы люди знали, что истинный источник «священного» — это особый заряд энергии, который они получают, объединяясь в общества. Таким образом, и религии цивилизованных людей всего лишь поиск этой психической энергии в единении людей в Церквах. Именно таким образом, два антагонистичных тока психики, контрольная и детерминированная энергия, оказываются у Дюркгейма продолжением и развитием друг друга.

Между тем, если мы проанализируем религии цивилизованных народов, мы увидим, что гуманистическая философия Платона, Спинозы и Декарта является только источником и развитием этих философских систем.

В отличии от первобытной мистики, обращенной к аффективной категории абстрактных сил, религии обращены к изучению объективного мира, к реальности, к законам природы. Если «мораль» мистики — это «запреты» и «табу», накладываемые

страхом эгозащиты, то мораль религии всегда обращена к «закону», выражающему истинную природу человека.

«Кто, Мазда, защитит меня
От недругов со всех сторон
Кто твоего огня и
Мысли что плодят Закон,
Сияющий средь бела дня

Духом Святейшим и Мыслью Благой
Правды стараньем в делах и реченьях
Вечность и целостность были даны
Мудрому, что благочестия полон

Будет ли Духу Святому вовек —
лучшее — словом и делом с Благою
Мыслью в согласье творить человек
зная: Он — Правды родитель мудрейший»
Шапошников Заратустра учение огня

Эти законы природы человека и составляют Добро и Зло, как систему нравственности, на которой основаны все религии. Религии ищут «естественное» для человека, его природу, здоровье, понимая Бога как творца этой природы. Мистика напротив обращена к сверхъестественному, в ней нет разделения на моральные категории добра и зла, но только садизм и мазохизм, насилие или подчинение, приспособление к силе.

Дюркгейм правильно замечает, что деление мира на Священное и Профанное, свойственное мистическому сознанию, кардинально отличается от мировоззрения, оценивающего мир сквозь призму Добра и Зла. Действительно, для мистики характерно первое, для религии — второе. Мистика — только искажение мира через призму силового поля Эгосистемы, религии — начало поисков законов природы, истины, в особенности истины, отражающей закономерности психической энергии человека.

Поэтому мистика и религия не только не являются продолжением и развитием друг друга, но также антагонистичны и непримиримы как энергетические системы, породившие эти социальные феномены. Так, «Авеста» Заратустры — восстание разума против мистики (магии и колдовства) Дэвов и Друджей:

Рек Заратустра: «Дэвы и тот, кто чтит
Вас, — это Злого Умысла семена.
Дерзость и Ложь вы сеете на земле.
Ваши дела семи областям видны

Уничтожает знанья учитель Зла
Замысел жизни губит ученьем он
Тех, кто Благому Помыслу подчинен
Он очерняет славные имена

Евангелие Христа — восстание разума против мистики Ветхого завета, о чем подробно пишет Толстой в «Четырех Евангелиях». Если десять заповедей даются еще в виде запретов, табу, то Евангелие уже есть теория Духа, особой психической энергии, закономерности которой в снятие эгозащиты и служении истине. Движение Реформации — продолжение этого восстания разума против мистики, сводящей религию христианства к магии мистического сознания. Вебер по этому поводу пишет, что «В католической религии „расколдование“ мира — устранение *магии* как средства спасения — не было проведено с той последовательностью, которую мы обнаруживаем в пуританской, а до нее в иудейской религии».

Так же, как служение истине понимают свою религию Будда и Ганди, подчеркивая этим основную закономерность энергии Духа — интеллект, стремление к познанию и контролю. Это противопоставление эгозащиты и поисков истины, которые являются самоцелью и составляют существо всех мировых религий. Те же закономерности психики раскрывают в своей философии Платон и Спиноза.

Дюркгейм же пытается настаивать на том, что особенностью высших религий и даже науки, также как и мистики является деление мира на профанное и священное, что проявляется, прежде всего, в системе табу, накладываемой на мир священного.

> *«Кроме людей общество сакрализует также вещи, особенно идеи. Если люди единодушно верят во что-то, то — по причинам, указанным выше, — это верование неприкосновенно, то есть его нельзя отрицать или оспаривать. Но запрет на критику является таким же запретом, как и любые другие: он указывает, что мы сталкиваемся с чем-то священным. Даже сегодня, сколь бы широкую свободу мы ни допускали друг для друга, полное отрицание прогресса или насмешки над идеалами человека, которым привержены современные общества, будет казаться кощунством. И даже те из нас, кто наиболее предан идее свободы исследований, как правило, исключают из дискуссии и делают неприкосновенным, то есть священным, по меньшей мере один принцип — принцип свободы исследований»*

Дюркгейм Элементарные формы религиозной жизни

Он не вполне понимает разницу между интеллектом, ищущим истину и исключающим ложь, законами мышления и природы с одной стороны, и с другой стороны — запретами первобытного сознания, накладываемыми на мир «священного», «сверхъестественного», порожденными страхом кривого зеркала Эгосистемы. Нельзя законы мышления истолковать как «запреты на священное». Истина в отличие от «священного» в первобытном сознании имеет приоритет не в силу своей сверхъестественности и всемогущества, а в силу отражения реального, объективного мира; и законы мышления и природы не являются запретами, но интеллектом.

В итоге, высшие религии и гуманистическая философия имеют своей целью сильный и здоровый Дух, способный постигать действительность. Это Дух Разума, психическая энергия мыслящего сознания, специфика и сила которой в ее способности к мышлению и познанию законов природы.

«чаще всего люди далеки от того, чтобы счесть высшим благом отношение к истинному, то есть свое личное отношение к истине; подобно тому как они далеки от того, чтобы вместе с Сократом сознавать, что худшее из зол — это заблуждаться; у них чувства чаще всего побеждают разум. Почти всегда, когда некто кажется счастливым и полагает себя таковым, на самом деле, в свете истины, являясь несчастным, он весьма далек от того, чтобы желать избавления от своей ошибки. Напротив, он гневается и считает худшим своим врагом того, кто пытается это сделать, полагая разбойным покушением и почти убийством то, как это делается, то есть, как обычно говорят, погубление своего счастья. Почему же? Попросту он является жертвой чувственности, и душа его совершенно телесна, жизнь его знает лишь категории чувств — приятное и неприятное, отказываясь от духа, истины и прочего… Он чересчур погружен в чувственное, чтобы обладать отвагой и выносливостью быть духом. Несмотря на все свое тщеславие и самолюбие, люди обыкновенно имеют весьма смутное представление или даже вовсе никакого о том, что значит быть духовными, быть тем абсолютом, каким может быть человек;

Узость здесь, где отчаиваются, — это недостаток простоты, или же то, что человек обобран, у него выхолощена духовность. По сути, наша изначальная структура всегда организована как некое Я, задача которого — становление самого себя; и, будучи таковым, Я никогда не лишено углов; отсюда, однако же, следует лишь то, что эти углы следует укреплять, а не смягчать; это Я никоим образом не должно из страха перед другими отказываться быть собою или же опасаться быть собою полностью, во всей своей особенности (даже со всеми своими углами), — той особенности, в которой являешься действительно собою для самого себя. Немного иначе дело обстоит с обывателями, ведь их пошлость также прежде всего лишена возможного. Тут отсутствует дух, тогда как в детерминизме и фатализме он отчаивается; однако отсутствие духа — это также отчаяние. Лишенный всякого духовного ориентира, обыватель остается в сфере вероятного, откуда никогда не узреть возможное; потому у обывателя нет никакого шанса обрести Бога. Всегда лишенный воображения, он живет внутри некоего банального итога опыта, полагаясь на течение обстоятельств, пределы вероятного, обычный ход вещей, — и неважно уже, является ли он виноторговцем или премьер-министром. У обывателя нет более ни Я, ни Бога.

Превосходство человека над животным состоит в том, что мы подвержены отчаянию; оно служит знаком нашего бесконечного превосходства или величия нашей духовности. превосходство христианина

> *над естественным человеком — в том, что он это сознает, а блаженство христианина — в возможности исцеления от отчаяния»*

Кьеркегор Болезнь к смерти

> *«Я люблю того, кто не бережет для себя ни капли духа, но хочет всецело быть духом своей добродетели: ибо так, подобно духу, проходит он по мосту.*
> *Много трудного существует для духа, для духа сильного и выносливого, который способен к глубокому почитанию: ко всему тяжелому и самому трудному стремится сила его.*
> *Мне противны все половинчатые духом, все туманные, порхающие и мечтательные. Где кончается честность моя, я слеп и хочу быть слепым. Но где я хочу знать, хочу я также быть честным, а именно суровым, метким, едким, жестким и неумолимым. Как сказал ты однажды, о Заратустра: «Дух есть жизнь, которая сама врезается в жизнь», это соблазнило и привело меня к учению твоему. И, поистине, собственною кровью умножил я себе собственное знание!»*

Ницше Так говорил Заратутстра

Дух, как специфика мыслящей психической энергии, хоть и не имеет в себе ничего сверхъестественного, но действительно кардинально отличается от всех прочих детерминированных энергий природы.

1. Истина

Способность к постижению объективной реальности

2.Сила

Способность к познанию и контролю законов природных энергий говорит об особенной мощи этой энергии.

3. Устойчивость и рост

Отсутствие цикличного гомеостаза, способность к развитию и росту

Специфика Духа как особой психической энергии разума представлена в гуманистической философии в доктрине «истинного Я», которое противопоставляется мистике и компуль-

сии (автоматизмам) эгозащиты. Эта доктрина истинного Я развивается в философии Платона, Спинозы, Кьеркегора, Бертрана Рассела; в гуманистической психологии Эриха Фромма, Карен Хорни, Карла Роджерса, Абрахама Маслоу. Особенно рельефно эта специфика разумной энергии человека представлена в известном исследовании «самоактуалов» Маслоу, который ставил своей целью исследование наиболее здоровых людей. Он пишет о том, что удалось открыть психологический синдром, некую систему психологических качеств противостоящую невротическому синдрому. Если основа характера «самоактуалов» — «интеллектуальная мощь», отсутствие эгоцентризма и сильная воля, то в основе невротического характера, напротив, эгозащита и компульсивные эмоции.

ГЛАВА 9. МОРАЛЬ И ТАБУ (ЗАПРЕТЫ) КАК ИСТОЧНИКИ ПРАВА. ЛЕВИАФАН ДЮРКГЕЙМА

1. ДВА ПОЛЯ «СОВЕСТИ» В ПСИХОЛОГИИ

Если под «совестью» понимать некоторый внутренний индикатор, который свидетельствует о том, что дурно и что напротив хорошо, то психологи давно уже говорят о двух принципиально отличных психологических системах, выполняющих эту роль.

Например, Фромм писал об авторитарной и гуманистической совести.

> *«Авторитарная совесть — это голос интериоризованного внешнего авторитета, авторитета родителей, государства или кого бы то ни было, кто окажется авторитетом в той или иной культуре. Если отношения людей к авторитетам остаются внешними, не имеющими этической санкции, мы едва ли можем говорить о совести; такое поведение просто сообразуется с требованиями момента, регулируется страхом наказания и надеждой на вознаграждение, всегда зависит от внушительности данных авторитетов, от их осведомленности и мнимой или реальной возможности наказывать и награждать. Зачастую переживание, которое люди принимают за чувство вины, порожденное их совестью, фактически является не чем иным, как страхом перед такими авторитетами. Собственно говоря, люди в таких обстоятельствах испытывают не чувство вины, а страх. Авторитарная совесть — это то, что Фрейд описал как сверх-Я (СуперЭго); но, как я покажу позднее, это только одна форма совести или, возможно, первоначальная стадия в развитии совести. Предписания авторитарной совести определяются не ценностными суждениями самого человека, а исключительно тем фактом, что ее повеления и запреты заданы авторитетами. Если эти*

нормы окажутся хорошими, совесть будет направлять человеческие поступки к добру. Однако, эти нормы становятся нормами совести не потому, что они хороши, а потому, что они даны авторитетом. Будучи плохими, они все равно становятся частью совести. Тот, кто веровал в Гитлера, например, считал, что он поступает по своей совести, когда совершал действия, противные человеческой природе. Свое содержание авторитарная совесть получает из повелений и запретов авторитета; ее сила коренится в эмоциях страха перед авторитетом или восхищения им. Чистая совесть — это сознание, что авторитет (внешний и интериоризованный) доволен тобой; виноватая совесть — это сознание, что он тобой недоволен. Чистая (авторитарная) совесть порождает чувство благополучности и безопасности, ибо она подразумевает одобрение авторитета и достаточную близость к нему; виноватая совесть порождает страх и ненадежность, потому что действия наперекор воле авторитета чреваты опасностью наказания и — что еще хуже — опасностью отверженности. Чтобы понять последнее утверждение во всей его полноте, мы должны вспомнить склад характера авторитарной личности. Она обретает внутреннюю безопасность, становясь симбиотической частью авторитета, воспринимаемого как нечто большее и сильнейшее, чем сам человек. Будучи частью этого авторитета — за счет собственной целостности — человек чувствует себя причастным к силе авторитета. Его чувство уверенности и идентичности зависит от этого симбиоза; быть отторгнутым от авторитета значит быть низвергнутым в пустоту, столкнуться с ужасом небытия. Что угодно для авторитарного характера лучше, чем это. Конечно, любовь и одобрение авторитета приносит такому человеку величайшее удовольствие; но уж лучше наказание, чем отверженность. Наказывая, авторитет все-таки остается с ним, и, если человек «согрешил», наказание по крайней мере доказывает, что авторитет продолжает о нем заботиться. После того как кара принята, грех искуплен и восстановлена безопасная причастность к авторитету. Неповиновение становится «главным грехом», а послушание — главной добродетелью. Послушание предполагает признание за авторитетом верховной власти и мудрости, признание его права приказывать, награждать и карать по своему усмотрению. Авторитету подчиняются не только из-за страха перед его властью, но и из-за убежденности в его моральном превосходстве и правоте. Уважению к авторитету сопутствует запрет на критическое отношение к нему. Авторитет может снизойти до объяснения своих приказов и запрещений, наград и наказаний или может воздержаться от этого; но индивид

не имеет никакого права задавать вопросы и критиковать. Если индивиду кажется, что есть какие-то основания для критики в адрес авторитета, то виноват в этом подчиненный авторитету индивид; и уже сам тот факт, что некий индивид отваживается на критику, является доказательством его виновности. Долг признания превосходства авторитета влечет за собой определенные запреты. Самым главным из них является табу на чувство равенства или на способность стать когда-либо равным авторитету, поскольку это противоречило бы безоговорочному его превосходству и уникальности. Один особенно важный аспект уникальности авторитета составляет его привилегия быть тем единственным, кто не подчиняется чужой воле, а кто сам волит; кто является не средством, а самоцелью: кто творит, а не сотворен. При авторитарной ориентации волеизъявление и творение — это привилегия авторитета. Те, кто подчинен ему, служат средствами для его целей и, соответственно, они — его собственность, которой он пользуется в своих целях. Верховная власть авторитета ставится под сомнение при попытке творения перестать быть вещью и стать творцом. Но человек никогда не переставал стремиться к созиданию и творчеству, потому что созидательность, плодотворность — это источник силы, свободы и счастья. Однако в той мере, в какой он чувствует зависимость от трансцендентных ему сил, сама его плодотворность, его волеизъявление заставляют его испытывать чувство вины. Употребление термина «авторитарная совесть» применительно к нашей культуре может удивить читателя, поскольку мы привыкли считать авторитарную установку характерной лишь для авторитарных недемократических культур; но такой взгляд недооценивает силу авторитарных элементов, особенно роль анонимного авторитета, действующего в современной семье и обществе.

Гуманистическая совесть — это не интериоризованный голос авторитета, которому мы жаждем угодить и чьего неудовольствия страшимся; это наш собственный голос, данный каждому человеческому существу и не зависимый от внешних санкций и поощрений. Какова природа этого голоса? Почему мы слышим его и почему можем стать глухи к нему?

Гуманистическая совесть — это реакция всей нашей личности на ее правильное функционирование или на нарушение такового; реакция не на функционирование той или иной способности, а на всю совокупность способностей, определяющих наше человеческое и индивидуальное существование. Совесть оценивает исполнение нами человеческого назначения; она является (на что указывает корень слова со-весть)

вестью в нас, вестью о нашем относительном успехе или о поражении в искусстве жизни. Но хотя совесть и является вестью, знанием, она нечто большее, чем просто знание в сфере абстрактного мышления. Она обладает эмоциональной силой, поскольку является реакцией всей нашей личности в целом, а не реакцией одного лишь ума. Более того, нам нет необходимости осознавать то, что говорит нам наша совесть, чтобы следовать ее велениям. Поступки, мысли и чувства, способствующие надлежащему функционированию и раскрытию всей нашей личности, рождают чувство внутреннего одобрения, «подлинности», свойственное гуманистической «чистой совести». И наоборот, поступки, мысли и чувства, губительные для нашей личности, рождают чувство беспокойства и дискомфорта, свойственное «виноватой совести». Итак, совесть — это наша реакция на самих себя. Это голос нашего подлинного Я, требующего от нас жить плодотворно, развиваться полно и гармонически — то есть, стать тем, чем мы потенциально являемся. Это страж нашей честности; это «способность ручаться за себя и с гордостью, стало быть, сметь также говорить „Да“ самому себе». Если любовь можно определить как утверждение потенциальных возможностей, заботу и уважение уникальности любимого человека, то гуманистическую совесть вполне можно назвать голосом нашей любовной заботы о самих себе. Гуманистическая совесть представляет выражение нашего подлинного Я. Гуманистическая совесть — это выражение личного интереса и целостности человека, тогда как авторитарная совесть имеет дело с человеческим послушанием, самопожертвованием, долгом или «социальной приспособленностью» человека. Цель гуманистической совести — плодотворность, а, значит, и счастье, поскольку счастье необходимо сопутствует плодотворной жизни. Подавлять себя, становясь орудием других, какими бы величественными ни пытались они казаться, быть «самоотверженным», несчастным, смирившимся, унылым — все это противоречит требованиям собственной совести; всякое нарушение собственной целостности и надлежащего функционирования своей личности, как в мышлении, так и в поведении, и даже в таких вещах, как ощущение вкуса пищи или сексуальное поведение, действует против нашей совести. Если бы совесть всегда говорила громко и вполне внятно, только немногие обманулись бы насчет своих моральных задач. Один ответ дает сама природа совести: поскольку ее назначение в том, чтобы быть стражем подлинного личного интереса человека, она действенна в той мере, в какой человек не утратил себя полностью и не стал жертвой своего безразличия и деструктивности по отношению к себе. Совесть находится во взаимодействии с плодотворностью человека. Чем плодотворнее он живет, тем силь-

нее его совесть, и тем больше она, в свою очередь, содействует плодотворности. Чем менее плодотворно живет человек, тем слабее становится его совесть; парадоксальность — и трагизм — ситуации человека в том, что его совесть слабее всего тогда, когда он более всего нуждается в ней.
Я представил авторитарную и гуманистическую совесть по-отдельности с тем, чтобы продемонстрировать их характерные свойства; но в реальности они, конечно, во всяком человеке не разделимы и не взаимоисключаемы. Напротив, реально каждый человек обладает обеими «совестями». Проблема в том, чтобы распознать силу каждой из них и их взаимоотношение»

Эрих Фромм Человек для себя

Из приведенного определения Фромма видно, что психолог пишет о некоем законе сохранения силы психики, который в двух разных случаях проявляет себя по разному: в одном случае, «совесть», то есть индикатор добра и зла (плюса и минуса) определяется как соотношение физической силы (подчинение если ты слабее и насилие если сильнее), а в другом случае, совесть как индикатор добра и зла выражает подлинную природу человека, его психическое здоровье (потребность в знании, справедливости, сострадании). Фромм пишет об авторитарной совести как приобретенной от внешних авторитетов, ихотя в отношении конкретного содержания запретов это верно, сам механизм Эгосистемы является такой же внутренней системой, как и механизм истинной совести человека. Мы уже знаем, что речь идет о двух различных силовых полях психики, являющихся источником двух различных энергий психики. При этом Фромм очень точно определяет поле Эгосистемы как патологию, о которой писал Фрейд, а поле гуманности как здоровую и разумную энергию психики, его истинное Я. Он также замечает, что эти две системы могут существовать в психике одновременно и что задача психотерапевта и человека состоит в том, чтобы уметь распознавать и дифференцировать их.

Мы говорили выше, что два этих поля психики образованы физическим и интеллектуальным контролем закона сохранения силы психики. Фромм как может описывает эти механизмы сво-

ими словами, но не может дать научного определения, так как он тоже остается в рамках социологии и психологии и не говорит в терминах психической энергии.

Запреты Эгосистемы ощущаются как внешнее давление даже после того как были интериоризованы, то есть приняты от внешних авторитетов как личные правила. Это связано с тем, что детерминированная энергия психики — патологичная, внешняя система, разъедающая поле живой, разумной, здоровой энергии контрольного тока психики. Совесть истинного Я, то есть гуманистическая совесть, о которой пишет Фромм — всегда выражение естества человека, которое он ощущает как свободу, как возможность и способность оставаться самим собой. Если человек с гуманистической совестью находится в нездоровом обществе, например, в гитлеровской Германии, он будет чувствовать себя и вести себя так, как чувствовали и вели себя все порядочные люди — как Эрих Ремарк или Лауэ (друг Эйнштейна) например. Эти люди будут против ценностей и этого общества, будут бороться с этим обществом всеми силами как того велит их гуманистическая совесть. Если же они находятся в здоровом обществе, где у большинства людей преобладает гуманистическая совесть и где институты общества построены исходя из потребностей гуманистической совести — они будут полностью согласны с этим обществом, но от этого не станут чувствовать свои ценности как давление общества. Чувство спонтанности и внутренней свободы сохранится, так как сохранится гуманистическая совесть, являющаяся природой человека. И наоборот. Запреты Эгосистемы в качестве авторитарной совести всегда, при всех обстоятельствах будут ощущаться индивидом как внешнее давление — будь то наедине с собой или в обществе. «Внешнее давление» здесь происходит не из противостояния общества и индивида, а из противостояния двух силовых полей психики — поля Эгосистемы и поля Интеллекта (авторитарной и гуманистической совести).

Поэтому Карен Хорни называет систему ценностей невротика «Тиранией Надо», подчеркивая компульсивный характер его психики, где «не ты идешь, а тебя несет»:

«Внутренние предписания, в точности как политический произвол в полицейском государстве, действуют с совершенным пренебрежением к внутрипсихическому состоянию человека — к тому, что он в данный момент способен чувствовать и делать. Таким образом, внутренние предписания, в чем-то более радикальные, чем другие пути поддержания идеального образа, тоже имеют целью не реальные перемены, а немедленное и абсолютное совершенство. Их цель — заставить исчезнуть несовершенства или сделать так, чтобы совершенство показалось достигнутым. Это становится особенно очевидным, если, как в последнем примере, внутренние требования выносятся вовне. Тогда подлинная суть человека и даже его страдания становятся ему неважны. Только видимость и тревожит, дрожащие руки, вспыхивающие румянцем щеки, неловкость в обществе. Наблюдая такие кары со стороны Надо, мы уже не усомнимся, что они обладают принудительной силой. Человек неплохо функционирует, пока живет в согласии со своими внутренними предписаниями. Но механизм отказывает, когда сталкиваются два противоречащих друг другу Надо. Человек не отдает себе отчета ни в силе гнета внутренней тирании, ни в ее природе. Давайте же теперь, не входя в детали, набросаем общую картину того, какие силы ответственны за отчуждение от себя. Отчасти это последствие невротическою развития в целом, особенно всего того, что есть в неврозе компульсивного. Всего, что включает в себя: „Не я иду, меня несет". Во-вторых, отчуждение продвинет другой, тоже компульсивный процесс, который можно описать как активное удаление от подлинного себя. Все влечение к славе — такое удаление, особенно в силу решимости невротика переделать себя в того, кем он не является. Он чувствует то, что Надо чувствовать, желает то, что Надо желать, любит то, что Надо любить. Другими словами, тирания Надо неистово влечет его быть кем-то другим, а не тем, кто он есть или мог бы быть. В своем воображении он и есть другой — настолько другой, что его подлинное я в самом деле блекнет и стирается еще больше»

Карен Хорни Невроз
и личностный рост

Абрахам Маслоу и Теодор Адорно представили в своих исследованиях два противоположных типа личности: самоактуализирующая личность у Маслоу и авторитарная личность у Адорно. В первом случае речь идет о здоровой разумной личности, во втором случае о циничной и конформной. При чем как Мас-

лоу, так и Адорно говорят о синдроме, то есть о совокупности психологических качеств, которые всегда обнаруживаются вместе и составляют систему. Понятно, что в случае с Маслоу речь идет о здоровой энергии психики, а в случае с Адорно — о поле Эгосистемы. И соответственно Маслоу пишет о «независимом этическом кодексе», о сильной воле и склонности к самостоятельному принятию решений, о «сопротивлении окультуриванию» и личностной автономии, и в то же время о выраженном гуманизме, демократичности и великодушии самоактуалов, которые как правило не имеют узких эгоистичных целей, но ставят задачи общечеловеческого масштаба, смотрят на мир «с точки зрения вечности» (в исследовании вошли такие люди как Спиноза, Эйнштейн, Линкольн, Брамс). Адорно говорит о совершенно другом психологическом синдроме — о конвенциальности, подчинении власти, конформизме и цинизме. И не случайно, он пользуется той же терминологией что и Фромм, когда говорит о конформных личностях — авторитарная личность. Разумеется, как замечают все исследователи, обнаружить совершенное здоровье в нашем обществе крайне сложно (поэтому Маслоу писал об исключительной редкости самоактуалов в популяции), Эгосистема как правило остается активна у всех, вопрос только в степени ее активности, в том в какой степени она спровоцировала разложение здоровой и разумной энергии человека. У таких людей как Спиноза и Эйнштейн (или Бертран Рассел) Эгосистема наверняка полностью прекратила свое существование, поскольку людям с сильным интеллектом удается ее разоблачить и нейтрализовать. Когда-нибудь все люди смогут справляться со своей Эгосистемой благодаря правильной системе образования. Но на сегодняшний день приходится говорить только об относительном здоровье психики.

Важно уметь дифференцировать эти два различных ментальных синдрома, источником которых являются две различные энергии психики: преобладание одной из них дает доминирование либо Эгозащиты (насилия и подчинения), либо интеллекта и сильной воли. Фромм как всегда с удивительной проницатель-

ностью пишет о том, что поле Эгосистемы составляет чувство страха с одной стороны и чувство тщеславия, потребности нравится авторитетам — с другой стороны. Страх сверхъестетсвенных сил в мистифицирование всего восприятия поля Эгосистемы: всемогущие силы животных или авторитетов общества, неважно. Стыд перед авторитетами и тщеславие, потребность в их одобрении и соответствии их воле составляют диапозон «плюса и минуса» в ощущениях «добра и зла» на поле Эгосистемы.

В то же время поле гуманизма представлено потребностью в знании, в сострадании и справедливости, так что отсутствие доступа к знаниям, компетентной активности, неспособность сопротивляться злу или сочувствовать добру будут вести к болезненным ощущениям. И наоборот, знание, успешное сопротивление злу, кооперация с конструктивными силами, взаимная поддержка и сочувствие — это признаки хорошего самочувствия здоровых людей.

Стенли Милграм со всей очевидностью обнаружил эти два поля психики в экспериментах на «подчинение авторитету»: с одной стороны отчетливую тенденцию совести и сочувствия, которая не позволяла подчиняться жестоким и даже подлым приказам, а с другой стороны неспособность проявить неповиновение приказу авторитету даже в ситуации, где никакого наказания за неповиновение бы не последовало.

> *«Хотя человек, работающий под влиянием авторитета, кажется нарушающим стандарты своего сознания, не будет правильным сказать, что он теряет свое моральное чувство. Вместо этого, моральное чувство приобретает радикально другой фокус.* ***Он не реагирует моральной сентиментальностью на свои действия. Скорее, его моральное чувство занято теперь вычислениями того, насколько здорово он справляется с ожиданиями уполномоченного властью лица. Во время войны солдат не спрашивает хорошо или плохо бомбардировка села; он не чувствует вины или стыда разрушая деревню: скорее он чувствует гордость или стыд в зависимости от того, насколько хорошо он выполнил миссию, порученную ему»***

Стенли Милграм Подчинение авторитету

Под двумя видами «морального чувства» Милграм разумеет здесь то же, что и Фромм под двумя видами «совести» (гуманистическая и авторитарная совесть): различные силовые поля психики с качественно различной системой «добра и зла», «плюса и минуса». Если на поле Эгосистемы «плюс и минус» (добро и зло) составляют страх позора и тщеславие (злорадство), то на поле интеллекта (гуманности) «плюс и минус» (добро и зло) составляют потребность в понимании, сочувствии и справедливости. Называть обе эти системы «моральным чувством» и «совестью» неправильно, так как только здоровое поле выполняет эту функцию, сообщая человеку о правильности и неправильности его поведения. Вся информация поля Эгосистемы является ложной, болезненным внешним образованием, раковой опухолью, которая должна быть удалена вместе с полем Эгосистемы и провоцируемой им эгозащитой.

> *«Вероятно, нет другого феномена, столь ясно демонстрирующего результаты неудачи человека на пути плодотворной и цельной жизни, как невроз. Каждый невроз представляет собой результат конфликта между присущими человеку способностями и теми силами, которые мешают их развитию. Невротические симптомы, как и симптомы физических заболеваний, служат проявлением борьбы, какую здоровая часть личности ведет с вредными влияниями, препятствующими ее развитию»*

Эрих Фромм Человек для себя

В конечном итоге Милграм пишет о двух антагонистичных векторах психики, которые спровоцировали сильное напряжение участников эксперимента: вектора подчинения власти (конформизма) и вектора сострадания и совести:

> *«Вторым неожиданным аспектом было напряжение, вызванное процедурой. Можно предположить, что человек просто прервет эксперимент или продолжит как предпишет его совесть. Но это очень далеко от того, что мы наблюдали на деле. Некоторые испытуемые показали поразительную реакцию эмоционального напряжения.*
> *Как мы должны интерпретировать факт обнаружения нервного напряжения? Во-первых, это указывает на присутствие конфликта. Если бы тенденция соглашаться с властью была единственной психиче-*

ской силой, действующей в этой ситуации, все испытуемые довели бы эксперимент до конца, и не было бы никакого напряжения. Напряжение, как принято считать, происходит от одновременного присутствия двух или больших несовместимых реакций. Если бы сочувствие жертве было единственной силой, все испытуемые спокойно отказались бы повиноваться экспериментатору. Вместо этого, наличествовали обе тенденции — и послушаться и отказаться от выполнения приказа, часто сопровождаемые крайним нервным напряжением. Конфликт развивается между глубоко укоренившейся предрасположенностью не причинять вреда другим и равно принудительной тенденцией подчиняться представителям власти. Испытуемый тотчас же оказывается перед дилеммой, и наличие сильного напряжения, говорит о значительной мощности каждого из антагонистичных векторов.

Более того, напряжение определяет силу уровня отвращения, которого испытуемый не может избежать через неповиновение. Даже когда напряжение чрезвычайно высоко, многие испытуемые неспособны на реакцию, которая приведет к спаду напряжения. Многие люди в эксперименте были в каком-то смысле против того, что они делали с учеником, и многие возражали, даже оставаясь послушными. Но между мыслями, словами и критическим шагом непослушания злой власти находится другая составляющая, способность трансформировать принципы и ценности в поступок. ***Некоторые испытуемые были абсолютно убежденны в неправильности своего поведения, но не могли заставить себя пойти на открытый конфликт с авторитетом.*** *Поэтому, должен существовать конкурирующий стимул, тенденция или запрет, которые предотвращают активацию реакции неповиновения. Сила этого запретного фактора должна превосходить силу стресса, иначе произошел бы спад напряжения через неповиновение. Каждое свидетельство крайнего напряжения определяют в то же время показатели мощности сил, которые управляют испытуемым в данной ситуации. Наконец, напряжение служит свидетельством реальности ситуации для испытуемых. Нормальные испытуемые не дрожат и не потеют, если они не чувствуют себя глубоко увязшими в серьезной проблеме»*

Стенли Милграм Подчинение авторитету

Из всего вышеизложенного мы можем сделать тот очевидный вывод, что далеко не все, что сегодня называют моралью «нравственностью» имеет право так называться, то есть имеет

хоть какое-то отношение к морали, к адекватному чувству и разумению добра и зла. Необходимо различать с одной стороны — Мораль, как выражение естественной природы человека, представленные знанием и ощущением законов природы, а с другой стороны Запреты (Табу) общества, происходящие из патологии поля Эгосистемы. Последние также есть наше ощущение законов природы, но это ощущение в качестве давления чужеродной энергии, лишенных смысла запретов, где наше знание этих законов говорит нам о том, что это чужеродная энергия, являющаяся для нашей психики патологией. В то же время мораль в истинном смысле этого слова мы ощущаем как свободу и спонтанность нашего естества, нашей природы.

Из этого открытия мы можем сделать три важных вывода для теории права:

1. Запреты (табу) Эгосистемы в качестве «норм и ценностей общества», его «традиций» не могут быть источником права. Следовательно, юридизму должен предшествовать научный анализ, дифференцирующий запреты эгосистемы (табу священного у Дюркгейма) и мораль (нравственность) как таковую. Только нравственность, как отражение законов природы человека может быть источником права.

> *«справедливость и доброта не суть только отвлеченные названия, не суть чисто нравственные понятия, созданные разумением, но являются истинными влечениями просвещенной разумом души и суть не что иное, как упорядоченное дальнейшее развитие наших первоначальных влечений, что на одном разуме, независимо от совести, нельзя основать никакого естественного закона и что все естественное право есть не что иное, как химера, если оно не основано на естественной для человеческого сердца потребности.... Отсюда я вывожу заключение, что неправда, будто правила естественного закона основаны на одном разуме: они имеют более прочный и надежный фундамент. Любовь к людям, вытекающая из любви к себе, — вот принцип человеческой справедливости»*

Эмиль Руссо

2. Юридической науки не существует. Юридизм производен из психологической науки.

3. Юридизм временен. Развитие и становление научного контроля его упразднит, поскольку научный контроль имеет свою систему управления (знание законов природы и их контроль, в данном случае система образования и научные институты). А юридизм опирается на силовые институты и вводит законы угрозой наказания.

2. МИСТИКА У АБОРИГЕН И У ЦИВИЛИЗОВАННЫХ ЛЮДЕЙ

> «В тот самый момент, когда кто-то догадается, почему мужчины на Бонд-стрит носят черные шляпы, он одновременно поймет, почему мужчины в Тимбукту носят красные перья»

Г. К. Честертон

Серен Кьеркегор весьма проницательно обозначил феномен поля Эгосистемы, дающем искаженную информацию о «Я» человека и об окружающем его мире — кривым зеркалом, а патологию порождаемую этой иллюзией — болезнью к смерти. Он говорит об истинном и ложном «Я», как все гуманистическое направление, о том, что истинное Я — это здоровая природа человека (необходимое), а иллюзия Я — это обман кривого зеркала искаженного восприятия.

> *«Это Я становится тогда абстракцией в возможном, истощается там и бесплодно барахтается, не меняя, однако же, места, ибо истинное его место — это необходимость. То, что здесь недостает, это реальность, как это хорошо выражено в обычном языке, где можно услышать, что кому-то недостает чувства реальности. И вовсе не из-за отсутствия силы, по крайней мере в обычном смысле слова, это Я по ошибке забредает в возможное. Недостает, прежде всего, силы повиноваться, подчиняться необходимости, заключенной в нашем Я, тому, что можно назвать нашими внутренними границами. Несчастье такого Я состоит не в том, что оно ничего не добилось в этом мире, но в том, что оно не осознало само себя, не заметило, что его собственное Я есть четкая определенность, а стало быть, необходимость. Вместо этого человек потерял сам себя, позволив своему Я воображаемо отражаться в возможном. Нельзя увидеть себя самого в зеркале, не узнав себя тотчас же, иначе это не значило бы увидеть себя, но просто увидеть кого-то. А ведь возможное —*

> *это поразительное зеркало, в котором можно стать другой личностью. Это то, что можно назвать кривым зеркалом»*

Серен Кьеркегор Болезнь к смерти

Мир, воспринимаемый человеком как «загрузка СуперЭго» (отражение через поле Эгосистемы) — это всегда мир мистического всемогущества неких абстрактных безличных сил.

> *«Однако существует также символическое и магическое инкорпорирование. Если я верю, что инкорпорировал образ какого-либо божества, или образ своего отца, или животного, то этот образ не может исчезнуть или быть отобран у меня. Я как бы символически поглощаю предмет и верю, что он символически присутствует во мне. Так, например, Фрейд объяснял суть понятия „Сверх-Я" (СуперЭго) как интроецированную сумму отцовских запретов и приказаний. Точно так же могут быть интроецированы власть, общество, идея, образ».*

Фромм Иметь или Быть

Независимо от того, отражает ли СуперЭго мир дикой природы, каков окружающий мир аборигенов, или социальный мир, каков мир цивилизованных людей — это будет фигура абстрактной количественной безличной силы, мистика которой в ее всемогуществе и неопределенности. Эгосистема всегда отразит противостояние двух сил — силы Эго и силы окружающей среды — вот почему мистика первобытного сознания всегда основана на страхе сверхъестественных сил. В основе картины, представляемой кривым зеркалом эгосистемы — противостояние Эго всесильным безликим силам. Если загрузка СуперЭго происходит в сознании абориген — они видят себя и природу как противостояние различного количества некоей единой безликой силы. Поэтому животные и деревья становятся всемогущими тотемами, а себя они воспринимают как часть этих тотемов, крокодилов, кенгуру и гусениц. Если поле Эгосистемы активировано у цивилизованных людей — они видят социальный мир как некую абстракцию безликой единой силы, различающуюся только количеством и противостоянием эго и суперэго. Этот феномен получил название «обожествления власти», однако, как правильно заме-

чает Дюркгейм он распространяется не только на власть, но на все социально значимые объекты, на так называемые «авторитеты».

> *«Мы можем наблюдать на большей части поверхности земли нечто похожее на возврат к системе обожествления власти, принятой в древнем Египте, контролируемый новой кастой священников. Хотя эта тенденция не так сильна на Западе как на Востоке, она тем не менее, зашла так далеко, что легко привела бы в изумление 18 и 19 века как в Англии, так и в Америке. Инициатива личности подрублена как государством, так и гигантскими корпорациями, что породило большой риск появления, как в древнем Риме, разновидности апатии и фатализма, губительных для полноценной жизни»*

Бертран Рассел Власть и личность

> *«Мы находимся под давлением мощных безличных сил, которые правят нашей каждодневной жизнью, превращая нас в рабов обстоятельств, хотя уже и не в рабов по закону. Это неправильное положение вещей, которого не должно быть. И в основе этих безличных сил благоговение перед ложными богами. Энергичные люди боготворят власть значительно больше, чем простое счастье и дружественность; люди менее энергичные поддакивают, или же просто обмануты ложными представлениями о несчастье»*

Authority and the individual Russell

> *«Вследствие какой-то диффузии, или заразительного действия, характер святости, неприкосновенности, можно даже сказать, потусторонности с немногих важных запретов распространился на все другие культурные установления, законы и предписания. Этим последним, однако, сияние святости часто не к лицу. Поскольку будет рискованной задачей разграничивать то, что повелел сам бог, и то, что восходит скорее к авторитету какого-нибудь всесильного парламента или высокого должностного лица, то всего лучше, пожалуй, вообще вывести бога из игры и честно признать чисто человеческое происхождение всех культурных установлении и предписаний».*

Зигмунд Фрейд

«Требования государства, энтузиазм по поводу магических свойств могущественных лидеров, могущество машин и материальный успех становятся источниками норм и ценностных суждений человека

> *В авторитарных системах авторитет поставлен в положение, принципиально отличное от положения подчиненных ему людей. Он обладатель качеств, не достижимых для кого бы то ни было: магической власти, мудрости, силы, в чем ни один из людей не может с ним даже сравниться. Каковы бы ни были прерогативы авторитета, будь он владыкой Вселенной или единственным вождем, посланным судьбой, принципиальное неравенство между ним и любым из людей — это основной догмат авторитарной совести».*

Эрих Фромм Человек для себя

Понятно, что поскольку поле Эгосистемы представлено двумя противостоящими фигурами (полюса силового поля) — Эго и СуперЭго — то образ Эго будет также искажен и полон магии всемогущества, как и образ СуперЭго (окружающего мира). Поэтому аборигены верили, что они крокодилы, дождь, ветер, камни и тп, а «цивилизованные» люди верят, что они «авторитеты».

> *«В случае Проекции он колеблется между избыточным и болезненным превознесением до небес своего врача и исполненным ненависти презрением к нему. В случае Интроекции он впадает в смешное самообожествление или моральное самоуничижение. Ошибка, которую он совершает в обоих случаях, состоит в том, что он приписывает содержания коллективного бессознательного некоторому определенному лицу. Таким образом он превращает другого или себя самого в бога или дьявола. Здесь проявляется характерное действие архетипа: он захватывает психику со своего рода изначальной силой и вынуждает ее выйти за пределы человеческого. Он вызывает преувеличение, раздутость (инфляцию!), недобровольность, иллюзию и одержимость как в хорошем, так и в дурном»*

Личное и сверхличное Карл Юнг

> *«цель здесь — абсолютное, неограниченное, бесконечное. Ничто меньшее, чем абсолютное бесстрашие, мастерство или святость не привлекает невротика, одержимого влечением к славе. Он, следовательно, составляет полную противоположность истинно религиозному человеку. Для того — един Бог всемогущ; версия невротика — нет ничего невозможного для Меня. Его сила воли должна совершать чудеса, его разум должен быть непогрешимым, его предвидение — безошибочным, знание — всеобъемлющим. Здесь появляется тема сделки с дьяволом»*

Хорни

«Адлер воспользовался термином „богоподобие“ для характеристики некоторых основных черт невротической психологии власти. Попытка охарактеризовать такое состояние как „богоподобие“ выглядит почти абсурдной. Но поскольку оба они по своему выходят за пределы своих человеческих „размеров“, в каждом из них есть немного „сверхчеловеческого“, и потому говоря фигурально богоподобного. Если кто-то хочет избежать этой метафоры, я бы предложил здесь говорить о „психической инфляции“. Этот термин кажется мне подходящим, поскольку обсуждаемое нами состояние представляет собой распространение личности за индивидуальные границы другими словами является состоянием раздутости. В таком состоянии человек занимает место которое обычно не способен занимать. Идентификация со службой или титулом действительно очень привлекательна — вот почему так много людей представляют собой один только декорум предоставленный им обществом. Было бы напрасно искать под этой оболочкой личность. В самом низу под набивкой, можно отыскать лишь очень мелкое ограниченное создание. Вот почему служба — или что-то еще что может быть такой оболочкой — так привлекательна: она предлагает легкую компенсацию личной маломерности»

Карл Юнг

«Самое важное средство передачи обычному человеку образа желательной личности — это кино. Молодая девушка старается в выражении лица, в прическе, в жестах подражать высокооплачиваемой звезде, считая все это самым многообещающим путем к успеху. Молодой человек старается быть похожим на героя, которого видит на экране. Хотя обычный человек имеет мало контактов с жизнью самых преуспевающих людей, его отношения со звездами кино — дело другого рода. Да, он не имеет реального контакта и с ними, но он может снова и снова видеть их на экране, может написать им и получить их карточку с автографом. В отличие от тех времен, когда актер был социально унижен, но, тем не менее, передавал своей аудитории творения великих поэтов, наши кинозвезды не служат передаче великих творений или идей, их функция — служить как бы связующей нитью между обычным человеком и миром „великих“. Даже если обычный человек и не может надеяться стать таким же преуспевающим, как они, он может стараться подражать им: они его святые, и благодаря своему успеху они воплощают определенные нормы жизни»

Фромм Человек для себя

Понятно, что на этапе когда поле Эгосистемы все еще активно и поведение людей все еще является следствием этой активности — эгозащитой — говорить об истинной «цивилизованности» людей не приходится. Это период когда мыление уже достаточно развито, чтобы овладеть научным контролем и остановить эгозащиту (нейтрализовать детерминированный ток психики), но все еще нет знаний (знаний о законах психической энергии), чтобы сделать это.

Тем не менее, мы можем констатировать, что поле Эгосистемы

1. поставляет бредовую информацию о себе и об окружающем мире равно как в обществе абориген, так и в современном обществе. В современном обществе уже есть научная картина физического мира (и потому отсутствует восприятие природы через Эгосистему), но по прежнему отсутствует научная картина социального мира (знание законов психики, открытие психической энергии), в связи с чем сохраняется патология восприятия социального мира через поле Эгосистемы

> *«Поступок, исполненный под приказом, психологически, глубоко отличается от спонтанного поступка.* ***Человек, который, по внутренним убеждениям, не приемлет воровства, убийства и насилия может обнаружить себя, выполняющим эти действия с относительной легкостью под командой авторитетных лиц. Поведение, которое невообразимо для человека самого по себе, может быть выполнено без колебаний под приказом».***

Подчинение авторитету Милграм

2. Запреты (табу) общества, полученные в результате «сакральности» кривого зеркала Эгосистемы ощущаются как внешнее давление в связи с тем, что детерминированный ток психики является патологией по отношению к здоровой разумной энергии человека, мертвым чужеродным паразитом, пожирающим человеческую энергию. И не могут быть источником права ни в виде традиций, ни тем более как реальные мистические сущности «сакрального» происхождения

«Другая психологическая сила, активная в этой ситуации, можно определить как контр-антропоморфизм. Десятилетиями

психологи обсуждали примитивную тенденцию людей анимировать неодушевленный мир. Противоположная тенденция однако состоит в том, чтобы воспринимать людей как неодушевленные объекты. Некоторые люди воспринимают людей и их организации так словно бы они существовали вне и над всего человеческого, неподвластные человеческим желаниям и чувствам. Наличие человеческой составляющей в институтах и представляющих их агентов отрицается. Так, когда экспериментатор говорит, „Эксперимент требует, чтобы вы продолжали", испытуемый воспринимает это как повеление, которое превосходит любую чисто человеческую команду. *Он не задается кажущимися очевидными вопросами, „Чей эксперимент? Почему организатор эксперимента должен обслуживаться, в то время как жертва страдает?" Желания человека — организатора эксперимента — стали составной частью неодушевленной силы, превосходящей человеческую, подчинившую себе сознание испытуемого. „Теперь это будет продолжаться. Теперь это будет продолжаться", повторял один испытуемый. У него не хватило ума понять, что такой же человек как он сам, хотел чтобы эксперимент продолжался.* ***Для него человеческий посредник испарился из ситуации, и „Эксперимент" приобрел свое собственное неодушевленное движение»***

Стенли Милграм Подчинение авторитету

Тем не менее, Дюркгейму хватает энтузиазма признавать Запреты (табу) мистического сознания не только реальной моралью человека и общества, но также считать, что характер компульсии, внешнего давления, который они носят — самый естественный для характеристики нравственности общества.

> «В результате у нас создается впечатление, что мы сталкиваемся с двумя разными типами реальности, отграниченных друг от друга четкой демаркационной линией: с одной стороны — мир профанных вещей, с другой — мир вещей священных. Кроме того, мы можем видеть, что сегодня, так же как и в прошлом, общество постоянно создает священные вещи практически с нуля. Если оно вдруг увлеклось неким человеком, решив, что обнаружило в нем свои основные устремления, кото-

> рые движут его, а также средства для их реализации, то этот человек возносится над остальными и как бы обожествляется. Общественное мнение будет наделять его величием, полностью аналогичным тому, которое оберегает богов. Так было со многими правителями, в которых верили их эпохи: если их не делали богами, то, по крайней мере, считали непосредственными представителями божества. То, что единственным автором всех этих обожествлений является общество, очевидно из факта, что нередко подобным образом сакрализовывался человек, не имевший на это права, если исходить из его личных заслуг. Более того, обычное уважение, которое внушают люди, обладающие высоким общественным статусом, не отличается по своей природе от религиозного почитания. Оно выражается в точно таком же поведении: общаясь с высокой особой, человек держит дистанцию; он приближается к ней с осторожностью; в разговоре он использует слова и жесты, отличные от тех, которые употребляет при общении с простыми смертными. Чувство, испытываемое в подобных случаях, столь близко к религиозному, что многие путают их. Чтобы объяснить почтение, оказываемое правителям, знати и политическим лидерам, им приписывается священный характер. В Меланезии и Полинезии, например, говорят, что влиятельный человек обладает маной и что именно ей он обязан своим влиянием. Однако очевидно, что его положение обусловлено исключительно значимостью, которую приписывает ему общественное мнение. Таким образом, та моральная власть, которой наделяет общественное мнение, и та, которой обладают священные существа, происходят, по сути, из одного источника и составлены из одних и тех же элементов. Вот почему первую и вторую можно обозначить одним словом»

Эмиль Дюркгейм Элементарные формы религиозной жизни

3. ЛЕВИАФАН ДЮРКГЕЙМА

Так, например, Дюркгейм пишет, что давление на психику глупых табу мифологии — это единственный способ выработки и поддержания истинной морали (нравственности) общества. Что благоговение и гипнотическая готовность послушания (почитание), которое испытывает примитивное сознание в отношение загрузок Эгосистемы как неких магических (сакральных в терминологии Дюркгейма) сил — нормально и полезно.

«Но на самом деле власть, какой общество обладает над человеческими умами, гораздо меньше обязана физическому насилию, привилегией на которое оно обладает, чем моральному авторитету, которым оно облечено. Если мы подчиняемся требованиям общества, то не потому, что оно достаточно сильно, чтобы подавить наше сопротивление, но прежде всего потому, что оно является объектом настоящего почитания. Мы говорим, что люди почитают некий объект, будь то индивидуальный или коллективный, тогда, когда его образ в их сознании наделен такой силой, что автоматически обусловливает или подавляет действия вне зависимости от того, оцениваются ли их результаты как полезные или вредные. Когда мы подчиняемся некоему лицу на том основании, что признаем за ним моральный авторитет, мы следуем его мнению не потому, что считаем его разумным, но потому, что своего рода психическая энергия, присущая идее, которую мы сформировали об этом лице, подчиняет нашу волю и склоняет ее в указанном направлении. Почитание — это эмоция, переживаемая нами, когда мы чувствуем, что на нас осуществляется это внутреннее и всецело духовное давление. В этом случае мы руководствуемся не выгодами или издержками поведения, которое предписывается или рекомендуется нам, а тем, как мы представляем себе предписывающее или рекомендующее лицо. Вот почему приказы обычно даются в кратких и отчетливых, не оставляющих места для колебаний формах: дело в том, что приказ, насколько он является приказом и действует посредством собственной силы, исключает всякую идею размышления или расчета; он обретает свою действенность от интенсивности ментального состояния, в котором он дается. Именно эта интенсивность составляет то, что мы называем моральным влиянием. Итак, образы действия, с которыми общество связано достаточно прочно для того, чтобы навязывать их своим членам, в силу одного этого отмечены особым знаком, вызывающим почтительное отношение. Поскольку они выработаны коллективно, живость, с которой они мыслятся каждым отдельным умом, отзывается во всех остальных умах, и наоборот. Представления, отражающие эти образы действия в каждом из нас, обладают такой интенсивностью, которой не может достичь одно частное сознание, так как они соединяют в себе силу бесчисленных индивидуальных представлений, служивших для формирования каждого из них. Именно общество говорит устами тех, кто утверждает их в нашем присутствии, именно общество мы слышим, когда слушаем их, и голос всех имеет такое звучание, которым никогда не обладал голос одного человека. Та жесткость, с которой общество реагирует — порицанием или

физическим насилием — на попытки инакомыслия, помогает ему усилить свою власть за счет демонстрации общих убеждений посредством этого всплеска рвения. Одним словом, когда нечто является объектом подобного состояния умов, представление о нем, которым обладает каждый индивид, перенимает силу действия от своих истоков и от тех условий, в которых оно было рождено, что осознают даже те, кто не подчиняется ему. Оно стремится к вытеснению противоречащих ему представлений и удерживает их на расстоянии; в то же время оно запускает те действия, которые его реализуют, причем делает это не посредством физического принуждения или угроз применения чего-то в этом роде, а за счет простого излучения психической энергии, присутствующей в нем. Действенность такого представления обусловливается исключительно его психическими свойствами, и это тот самый признак, благодаря которому распознается моральный авторитет. Следовательно, общественное мнение — эта первейшая социальная вещь — является одним из источников авторитета. Поэтому мы можем задаться вопросом: а не является ли любой авторитет порождением мнения? Могут возразить, что наука часто враждебна по отношению к мнению; она борется с его ошибками и исправляет их. Однако наука не могла бы преуспеть в этой задаче, если бы не имела достаточного авторитета, но она может обрести авторитет только от самого мнения. Если бы люди не верили в науку, никакие научные доказательства не могли бы повлиять на их умы. Даже сегодня наука рискует утратить доверие, если она сталкивается с очень сильным сопротивлением существующего общественного мнения. Поскольку общественное давление осуществляется именно по духовным каналам, оно не могло не внушить человеку идею, что вне его существует одна или несколько сил, моральных и в то же время могущественных, от которых он зависит. Он должен был представлять эти силы как — отчасти — внешние по отношению к самому себе, поскольку они общались с ним командным тоном и иногда требовали даже, чтобы он подавлял свои наиболее естественные склонности. Без сомнения, если бы человек мог сразу понять, что источником воздействий, которым он подвергается, является общество, система мифологических объяснений никогда бы не возникла. Но влияние общества осуществляется слишком запутанными и темными путями и задействует слишком сложные психические механизмы, чтобы рядовой наблюдатель мог определить его источник. Пока человек не был просвещен научным анализом, он вполне осознавал, что на него оказывается влияние, но не понимал, что именно влияет. Следовательно, он должен был

> *на пустом месте сформулировать идею о тех силах, связь с которыми ощущал; исходя из этого, мы можем в первом приближении понять, почему человек был вынужден представлять эти силы в формах, которые им чужды, и преображать их своей мыслью. Но бог — это не только власть, от которой мы зависим, это еще и сила, в которой коренится наша собственная сила. Человек, повинующийся своему богу и поэтому верящий, что бог пребывает с ним, взаимодействует с миром уверенно, ощущая возрастание энергии. Подобным образом воздействие общества не ограничивается требованием от нас жертв, лишений и усилий. Коллективная сила не является полностью внешней по отношению к нам, она движет нас не только извне. Так как общество может существовать только в индивидуальных сознаниях и только через них, эта сила должна проникать в нас и организоваться в нас, становясь неотъемлемой частью нашего существа, тем самым возвышая и возвеличивая его»*

Эмиль Дюркгейм Элементарные формы религиозной жизни

Однако, в этом логическом построении социолога есть значительный пробел. Дюркгейм противопоставляет индивида и общество, когда говорит о моральной власти общества и его легитимном давлении на психику индивидов при помощи приказов и системы табу. Однако, он не дает никакого вразумительного объяснения тому как из суммы индивидов происходит это самое пресловутое общество, отдающее приказы и устанавливающее нравственность для индивидов. Он пишет, что «*Коллективная сила не является полностью внешней по отношению к нам, она движет нас не только извне. Так как общество может существовать только в индивидуальных сознаниях и только через них, эта сила должна проникать в нас и организоваться в нас, становясь неотъемлемой частью нашего существа, тем самым возвышая и возвеличивая его*».

Но сказать что общество может существовать только в индивидуальных сознаниях и не показать как именно соединяются индивидуальные сознания в общество — значит ничего не сказать. Например, в теории психической энергии со всей отчетливостью показано, как два различных психических тока

через силовые поля в сознаниях индивида каждый своим специфическим способом соединяется в общество. В случае с полем Эгосистемы — это будет общество садомазохизма, где говоря словами гуманистов все «отчуждены от самих себя», так как все, и садисты и мазохисты, и насильники и рабы, находятся под гнетом чужеродной неживой энергии, разлагающей их здоровую разумную психику. Это соединение происходит через притяжения «самолюбия» и «влюбленности», характеризующие верхнюю и нижнюю эгозащиту в поисках цикличного равновесия — «союзов любви», которые на самом деле являются союзами садомазохизма. Понятно, что табу и любые ценности такого общества будут отображением его глубокой патологии и ни в коем случае не могут рассматриваться как источники права.

С другой стороны, силовое поле здоровой психики, образованное стремлением к знанию, к объективности и постижению реальности (истины), сочувствием и справедливостью будет представлять собой единение разумных свободных людей, подчиняющихся лишь закономерностям природы. Моралью и ценностями такого общества будут открытые законы природы.

В случае с Дюркгеймом, который говорит о «психической энергии» как о любом скоплении людей, о мистике всемогущества — как о реальной силе, которую дарует такое скопление людей, и о нравственности — как об абсолютно любой системе табу и норм поведения декларируемых этим скоплением людей — остается неясным переход от индивида к обществу. Как сумма индивидов превратилась в единое тело и противопоставила себя индивидам?

В конечном итоге, его общество превращается в того же Левиафана, в чужеродное тело, не сводимое к индивидам составляющим его, в фантастическое существо, но обладающее при этом правом диктовать «мораль», применять насилие и служить источником права. Но свято место пусто не бывает и если Дюркгейм не смог сформулировать, что же такое его общество и откуда берется его право к принуждению, то наиболее подходящее

объяснения — это системы власти, правительства, которые действительно отчуждены от народа как суммы индивидов и имею средства принуждения. Таким образом, он вводит понятие морали как феномена устанавливаемого насильственно органами власти.

Фрейд, который предложил не менее экстравагантную теорию энергии психики в конечном итоге приходит к тому же выводу.

> *«С изумлением и тревогой мы обнаруживаем тут, что громадное число людей повинуется соответствующим культурным запретам лишь под давлением внешнего принуждения, то есть только там, где нарушение запрета грозит наказанием, и только до тех пор, пока угроза реальна. Это касается и тех так называемых требований культуры, которые в равной мере обращены ко всем. В основном с фактами нравственной ненадежности людей мы сталкиваемся в этой сфере. Бесконечно многие культурные люди, которые отшатнулись бы в ужасе от убийства или инцеста, не отказывают себе в удовлетворении своей алчности, своей агрессивности, своих сексуальных страстей, не упускают случая навредить другим ложью, обманом, клеветой, если могут при этом остаться безнаказанными, и это продолжается без изменения на протяжении многих культурных эпох».*

Фрейд Будущее одной иллюзии

> *«Если вообразить, что ее запреты сняты и что отныне всякий вправе избирать своим сексуальным объектом любую женщину, какая ему нравится, вправе убить любого, кто соперничает с ним за женщину или вообще встает на его пути, может взять у другого что угодно из его имущества, не спрашивая разрешения, — какая красота, какой вереницей удовлетворении стала бы тогда жизнь! Правда, мы сразу натыкаемся на следующее затруднение. Каждый другой имеет в точности те же желания, что я, и будет обращаться со мной не более любезным образом, чем я с ним. По существу, только один-единственный человек может поэтому стать безгранично счастливым за счет снятия всех культурных ограничений — тиран, диктатор, захвативший в свои руки все средства власти»*

Фрейд Будущее одной иллюзии

> *«Короче говоря, люди обладают двумя распространенными свойствами, ответственными за то, что институты культуры могут*

> *поддерживаться лишь известной мерой насилия, а именно люди, во-первых, не имеют спонтанной любви к труду и, во-вторых, доводы разума бессильны против их страстей.»*

Фрейд Будущее одной иллюзии

Из этих цитат видно, что для Фрейда «культура» и «насильственная мораль» — это понятия идентичные; что мораль у него так же как у Дюркгейма, Гоббса или Поппера вводится юридически, силовыми институтами, угрозой наказания.

Для Фрейда «запреты (табу) общества» и это и есть единственная мораль, которая возможна, несмотря на то, что он понимает что усвоение этой морали происходит в результате «загрузок СуперЭго». Для него психика — это слив биологической энергии, которую индивид чувствует в виде звериных инстинктов убийства, соперничества и половой потребности. Так что мораль может быть только насильственной, так как в природе человека ничего похожего на разум и стремление к состраданию и справедливости не имеется. Установленные юридически запреты «интериоризуются» через СуперЭго и становятся частью личности. Поэтому ничего бредового в поле Эгосистемы нет, а само поле Эгосистемы — не патологическое поверхностное образование, разрушающее здоровую психику индивидов, а сама природа психики человека, единственная норма доступная ему.

Таким образом, как Дюркгейм так и Фрейд подобно Марксу считали, что «право есть воля господствующего класса, возведенная в закон». Только в данном случае под господствующим классом следует понимать системы власти. Важно, что как у Дюркгейма так и у Фрейда мораль не относится к устойчивым законам психики индивидов, а формируется обществом насильственно, то есть устанавливается властью и силовыми институтами. И в этом смысле человек как и у Маркса всего лишь «совокупность общественных отношений», которые всегда в свободном полете могут лепить любые формы морали в зависимости от времени и места.

Напротив, гуманистическая теория говорит о морали как выражении неизменной сущности человека, так что если институты

какого либо конкретного времени или пространства общества не соответствуют этой сущности — то больны институты, больно общество, а закономерности здоровой природы человека остаются прежними.

Исходя из теории Дюркгейма можно утверждать вместе с Поппером (который тоже ссылается на «социологов», что

1. Юридизм — независимая социальная наука, так как не существует законов психики, выражающих устойчивую мораль общества

2. Институты общества — выражают мораль общества, какими бы эти институты не были

3. Мораль — относительна, для каждого общества и времени своя мораль; не существует такого понятия как общечеловеческая мораль

Именно эта философия породила современные диктаторские системы, называющие себя суверенитетом власти и прикрывающиеся суверенитетом народа.

Часть четвертая.

Тождество народного и научного суверенитета

ГЛАВА 10. ТЕОРИЯ СУВЕРЕНИТЕТА И ПРОПУТИНСКИЙ АБСОЛЮТИЗМ

1. Теория суверенитета в положительном и естественном праве
2. Определение государства в положительном и естественном праве
3. Кризис науки и демократии в России

1. ТЕОРИЯ СУВЕРЕНИТЕТА В ПОЛОЖИТЕЛЬНОМ И ЕСТЕСТВЕННОМ ПРАВЕ

Новгородцев пишет, что теория государственного суверенитета, абсолютизма, как мы его знаем у Макиавелли, Гоббса и Бодена, была реакцией на феодальную анархию и на порождаемые ею неравенства сословий и их привилегий.

> *«На всем протяжении нового времени можно проследить ясную и прямую линию, через которую проходит одна и та же общая мысль. Она сводится к требованию единого и равного для всех права. Требование суверенного и единого государства в своей идеальной основе выражает не что иное, как устранение неравенства и разнообразия прав, существовавших в средние века. Суверенное государство должно было уничтожить тот строй, на почве которого создавались бесправии и неравенста, выделения и исключения, монополии и привилегии. Первые теоретики правового идеала, как Боден, Гоббс остановились на требовании, чтобы государство стало суверенным и единым. В их учениях видели иногда апологию абсолютизма и произвола. Это была однако лишь первая ступень в развитии правового идеала нового времени. Требуя подчинения всех граждан единому и равному для всех праву, он должен был затем включить в свое содержание и новое требование, чтобы этому требованию была подчинена и сама государственная власть. Обеспечить равенство и свободу не только в отношениях между гражданами, но и отношении к ним государства — такова была новая цель, которая была выдвинута дальнейшим развитием политической мысли» Новгородцев Лекции по истории философии права*

Как можно видеть из приведенной цитаты он считает идею народного суверенитета, которую протестанты и другие сторонники естественного права противопоставили идее государственного суверенитета — продолжением мысли Гоббса и Бодена о государственном абсолютизме.

Однако, сами авторы идеи государственного суверенитета — Макиавелли, Гоббс, Боден — отрицали какое бы то ни было участие народа в управлении. Идея верховенства права, которому подчиняются в равной степени и народ и правительства бесконечно далека от этих теорий, утверждавших, что власть не несет юридической ответственности, устанавливает законы, но не подчиняется им. Сама идея государственного абсолютизма — это идея строго разделения общества на полюса власти и подчинения. Поэтому все вышеуказанные авторы писали, что народ — это объект власти, а суверен — субъект власти. Народ — подчиняется, суверен — правит. Народ исполняет законы, суверен их сочиняет, но сам не подчиняется этим законам. Более того, он волен менять сочиненные им законы, когда ему вздумается. Суверен подотчетен лишь богу или самому себе, для народа право, которое вводится силой меча суверена — это единственная мораль и нравственность доступная ему. Народ не обладает ни свободой мысли, ни свободой совести — что хорошо и что дурно предписывает ему законотворчество суверена.

Действительно, кому бы удалось обойтись без обвинений авторов, сочинивших подобную теорию государственного суверенитета — в произволе?

Каким же образом теория народного суверенитета, которая прямо противоречит этой теории, могла бы быть развитием теории государственного суверенитета? Новгородцев считает, что доктрина верховенства права — это продолжение развития политической мысли сторонников государственного абсолютизма, хотя очевидно, что эти две доктрины взаимно исключают друг друга. Верховенство права исключает верховенство власти правительства, а верховенство власти исключает верховенство права. Аргументация теории государственного абсолютизма

не может состоять в том, чтобы ввести равное для всех право и обязать всех следовать ему, поскольку подразумевает исключение для самой власти. И Гоббс и Боден настаивали на безнаказанности суверена, на его неподотчетности никому «кроме Бога», на том, что право не может распространяться на суверенную власть.

Однако, теория верховенства права может быть подвергнута критике не только с точки зрения государственного суверенитета, который она исключает, но и с точки зрения теории народного суверенитета. Дело в том, что как замечают критики (причем как либеральные, так и консервативные), законотворчество народа может быть выражено только через институт представительства. Однако, вряд ли можно говорить о том, что юридические представители народа действительно представляют народную волю. «Воля не может быть представлена, — говорит уже сам автор доктрины общей воли народа Руссо, — она или одна и та же, или другая». Более того, возникают непреодолимые трудности с определением самой общей воли, которую оказывается невозможно измерить. Теория большинства — уже не общая воля, а воля большинства, но и это большинство оказывается фиктивным, так как даже в выборах участвует около половины (часто значительно меньше) народа, а большинство считают от количества проголосовавших.

> *«В этом отношении пафос „Общественного договора“ пережил его теоретические основания и сохранился у его последователей после того как они совершенно видоизменили его доктрину. Мысль о том, что общая воля раскрывается в решениях представительных собраний, составляет опору этой видоизмененной теории народного суверенитета. Пока остается в силе предположение, что народ выражает свою волю в решениях, исходящих от него непосредственно и с ясностью несомненно присущих ему убеждений, утверждение, что общая воля, как в зеркале, отражает народную правду, понятно и естественно. Но как только это предположение заменяется другим, что за народ говорят его представители, тотчас же возникает вопрос, возможно ли для представителей выражать волю народа с такой же точностью, с какой он сам мог бы выразить ее. Процесс избрания, порядок голосования, принятие решений обеспечивают ли*

для представительных собраний неизменную верность их народной воле? И как судить об этой верности, если сама народная воля есть загадочная и неясная величина, которую нужно постоянно узнавать и искать? На этот ряд сомнений теория представительного государства не только не может ответить, но при дальнейшем анализе лишь подтверждает их силу. Если бы кто захотел исходить из той мысли, что представительство верно и совершенно отражает волю народа, ему пришлось бы в конце концов сказать, что эта задача ни для какого представительства в мире не осуществима и по существу невозможна. С этой точки зрения представительную систему можно было бы подвергнуть самой жестокой критике и отвергнуть ее правомерность»

Новгородцев Кризис современного правосознания

Основная мысль, которую проводит Новгородцев в «Кризисе современного правосознания» не только в том, что простым большинством голосов нельзя измерить народную волю, но и в том, что народ сразу после выборов теряет какие бы то ни было рычаги воздействия на избранных представителей власти. Получается, что в реальности трудно говорить о подконтрольности и подотчетности этой власти народу. Он приводит цитаты из аналогичных исследований виднейших социологов своего времени (Токвиля, Еллинека, Брайса, Гольцендорфа и др), которые ставят под сомнение не только способность народа контролировать власть после выборов, но и способность сохранять и вырабатывать независимое мнение на выборах кандидатов во власть.

Получается, что теория государственного суверенитета, представленная Макиавелли, Гоббсом и Боденом и теория народного суверенитета представленная сторонниками естественного права не только не дополняют и не развивают друг друга, но противостоят и взаимно исключают друг друга. Признание государственного суверенитета исключает народный суверенитет, и наоборот, признание народного суверенитета исключает государственный суверенитет (абсолютизм).

«Таковы условия, при которых лучшие умы уходят из политической области и предоставляют это поприще профессиональным полити-

> *кам, делающим из политики ремесло и средство к жизни. По мере того, как важнейшие политические вопросы получают свое разрешение и уступают место текущим делам, между партиями, несущими на себе бремя государственного управления, черты различия постепенно стираются. На первый план выступает не программа, а состав партии, группирующийся около известного способа выражения программы. Верность партии становится выше верности программе, и политика в конце концов превращается в ту область профессиональных и частных интересов, о которой один из практиков этого дела откровенно отозвался Рузвельту американским лаконизмом: «There are no politics in politics», т.е. «в политике нет политики»*

Новгородцев Кризис современного правосознания

Поэтому современные дебаты на тему суверенитета представлены двумя группами противников — либеральных мыслителей, с одной стороны, которые стараются найти новые определения для теории народного суверенитета и доказать приоритет народного суверенитета над государственной властью и реакционеров, которые заняли противоположную позицию. Они стремятся доказать, что трудности в измерении народной воли и определении народного суверенитета говорят о фиктивности этого суверенитета как понятия, как политического явления и призывают к признанию и утверждению государственного абсолютизма.

Вот аргументы либеральной стороны:

> *«Демократия, как в политике так и в индустрии, более не является психологической реальностью, если управление или менеджмент воспринимаются как оторванные от людей „они", абстрактные существа, живущие своей господской жизнью, к которым естественно рождается чувство враждебности — враждебности, которая бессильна, только если она не принимает формы протеста. В индустрии, очень мало было сделано в этом направлении, и менеджмент остается, с редкими исключениями, откровенно монархическим и олигархическим. Это зло, которое пущенное на самотек, стремиться возрастать по мере возрастания размеров организаций. С самого начала человеческой истории, большинство человеческого рода жило под грузом бедности, страдания, жестокости, и чувствовало себя беспомощными под господством враждебных и холодных*

> *отчужденных властей. В этих муках больше нет необходимости. Их можно одолеть с помощью современной науки и современных технологий, при условии, что они будут использоваться в человеческом духе и с пониманием источников жизнерадостности и счастья. Без такого понимания мы можем ненароком создать новую тюрьму, справедливую, возможно, поскольку никто не останется на свободе, но мрачную и безрадостную, означающую духовную смерть для человечества»*

Бертран Рассел Власть и личность

> *«В национальной политике, где вы один из 200 миллионов голосующих, ваше влияние бесконечно мало, только если вы не занимаете важного положения или не являетесь исключительным человеком. У вас есть, действительно одна 200-миллионая доля влияния на жизнь других, но только одна 200-миллионая доля в управление своей собственной жизнью. Вы таким образом, значительно больше чувствуете себя объектом власти, чем субъектом власти. Правительство превращается в вашем сознание в абстрактных и выражено злонамеренных „они", вы более не воспринимаете их как конкретных людей, которых вы избрали совместно с остальными для проведения в жизнь ваших взглядов и чаяний. Ваши чувства к политике, при таких обстоятельствах, не соответствуют тем, которые должны испытывать люди при демократии, но очень близки тем, чувствам, которые люди испытывают при диктатурах»*

Бертран Рассел Власть и личность

> *«Демократия, как теория, более не имеет такого влияния на умы людей, как это имело место до войны. Стало очевидным, что в индустриальном обществе, имеются ключевые позиции власти, которые там где они не находятся в руках частных плутократов, принадлежат чиновникам. Чиновники могут абстрактно рассматриваться, как подконтрольные общественности, но на деле способны во многих вопросах проводить в жизнь личную инициативу. Мы таким образом, оказываемся лицом к лицу с бюрократией, как альтернативой аристократии и плутократии»*

Бертран Рассел
Образование и здоровое общество

Из приведенных цитат Бертрана Рассела, выдающегося ученого и просветителя 20-го века, видно, что его беспокоит усиление государственной власти прямо пропорционально снижению

народного участия в управлении обществом. Его критика ориентирована на поиск новых средств, которые позволили бы все таки изжить разделение общества на полюса управляемых и управляющих, на господство и подчинение и найти формы организации общества, которые позволили бы народу самоуправляться и сохранить, таким образом, свою свободу.

Совершенно под другим углом зрения критикуют современную теорию суверенитета консерваторы и монархисты, которые ставят прямо противоположные цели: обосновать неизбежность диктатуры власти, разделения общества на субъект и объект власти, полюса господства и подчинения. Именно с этих позиций доказывается фиктивность доктрины народного суверенитета в пропутинской теории суверенитета современной России.

Если Бертран Рассел вместе со школой естественного права ставит целью защиту народного суверенитета, видит ее в защите свободы мысли и слова, и наряду с такими авторами как Конт, Прудон, Спенсер, Кропоткин пишет о ведущей роли образования, о необходимости организации независимой от государства системы образования и науки, то пропутинские авторы Грачев (Происхождение суверенитета), Соловьев (Революция консерваторов), Мединский пишут напротив о вреде науки, «рационального мышления» и необходимости формирования единой «исторической личности» народа, как выразителя единой мифологии. И конечно отвращение к разуму, к науке всегда идет в связке с садомазохизмом: конечный вывод пропутинской теории в необходимости построения господской власти, строгого разделения на властвующих и подвластных, на субъекта (суверена) и объекта власти (народ). Одним, словом, не номинальное, а уже реальное признание фикции народного суверенитета. Таким образом, критика имперских идеологов ставит прямо противоположную цель — доказательство недействительности доктрины народного суверенитета, ее «фиктивности».

> *«По существу между социалистическими и либерально-демократическими воззрениями на народный суверенитет не оказалось принципиальных различий. Самая глубокая мысль Руссо о необходимости*

нахождения общей воли при принятии законов не была реализована на практике ни тем, ни другим типом организации верховной власти. В итоге в государственной жизни современных государств и народов народный суверенитет в том виде, в котором он представлен в теории и конституционном законодательстве выступает как определенная политико-правовая фикция. Рассматриваясь как носитель верховной власти, то есть ее субъект, народ, вместе с тем является одновременно ее объектом, вынужденный весь в своем целом и в лице отдельных граждан подчиняться решениям органов государственной власти, причем не только высших, но и центральных, региональных, местных. В этом также проявляется неразрешимое внутреннее противоречие теории народного суверенитета и его коллизия с концепцией государственного суверенитета. Ведь в соответствии с последней, суверен — носитель верховной власти — не может и не должен быть никому и никак подчинен, а его власть не может быть юридически ограничена, никаким иным субъектом властной деятельности внутри государственно организованного общества.

Несмотря на логическую противоречивость и фактическую фиктивность концепции народного суверенитета, она по мере демократизации и либерализации общественной жизни, получила преобладающее значение в теории конституционного права. В своем современном виде она признает за народом статус особой юридической личности, отличной от личности государства, то есть по существу разделяет, разводит и противопоставляет друг другу государственный и народный суверенитет. В результате в одном едином государственном организме появляется два суверенитета — государственный и народный и, соответственно, два суверена, источника и первичного носителя верховной власти. Разумеется, что с таким видением организации социума несовместима доктрина абсолютного суверенитета, при которой суверен как единственный носитель верховной власти обладает всей ее полнотой и не несет за свои действия юридической ответственности. В противовес доктрине абсолютного суверенитета, утверждающей особый статус верховной власти в государстве, преобладающее значение получила концепция производности государственного суверенитета от суверенитета народа. Согласно этой концепции над всеми властями и органами в государстве находится народ, который обладает первоначальным и неотчуждаемым верховенством, является носителем суверенитета и единственным источником власти. Концепция народного суверенитета носит совершенно умозрительный характер, смешивает понятия и смещает акценты. Доведенная до своего логического предела, она ведет к отрицанию су-

веренитета как политико-правового явления, а следовательно, и к отрицанию самой суверенной государственности. Самым значительным пороком этой концепции является противопоставление государства образующему его народу, который является его этносоциальным субстратом. Другой ее существенный недостаток заключается в потере суверена как субъекта верховной власти, обладающего правом и способностью принятия последних окончательных решений общенародного значения. Не случайно процесс нахождения общей воли, вытекающей из недр общественного мнения, Г. Гегель связывает с деятельностью великих людей. С указанной токи зрения, авторитаризм и диктатура не могут быть решительной противоположностью демократии, а демократия — диктатуре и авторитаризму, на что практически в одно и то же время указывали такие разные мыслители, как В. И. Ленин, М. Вебер и К. Шмитт

Концепция народа, как особой юридической личности в структуре государства, которой и принадлежит суверенитет, встречает еще одно серьезное препятствие теоретического и правового характера. Дело в том, что «какое-либо юридическое определение народа отсутствует», как впрочем и его общепринятые социологические и политические определения. Что такое народ как правовая личность, кого включает, а кого нет? Кому принадлежит суверенитет? Если не дать юридической дефиниции понятия «народ», то сам народный суверенитет превращается в чисто публицистическое понятие, не имеющее к государственной власти никакого отношения.

Народ не может сидеть на престоле, надевать на себя венец и порфиру, постоянно пребывать в роли суверенного правителя. Ни весь народ, ни даже его активное меньшинство (элита) не способны быть последней инстанцией при принятии решений общегосударственного значения. Народ является прежде всего объектом верховной власти, а не ее субъектом. Неслучайно отождествление субъекта и объекта верховной власти стало основным логическим противоречием либерально-демократических теорий 19—20 веков, которое оказалось неразрешимым и для практики современных демократических государств.

Для народа в государстве и обществе предусматривается совсем другая политическая роль, совершенно иные функции и назначение. Они заключаются в отвлечении от изначально содержащегося в народе принципа власти и переносе этого принципа на определенное лицо или учреждение вместе с добровольным обязыванием себя повиноваться этому признанному им субъекту как непосредственному носителю верховной власти, держателю государственного суверенитета; в наличии способности выявить из своей среды или принять

извне дееспособную верховную власть, а затем свободно и лояльно повиноваться ей, добровольно обязывая и ограничивая личное Я в своих отдельных единицах. В этом состоит первичный акт народного суверенитета, который дает возможность возникнуть, формироваться и существовать государству. Государство — это всегда иерархически упорядоченное единство народа.

Что же тогда является определяющим в этой неразрывной связке — верховная власть или народ? Народ создан для государства и его суверена, а суверен как непосредственный носитель и держатель верховной власти создан для народа. И тот и другой существуют для того чтобы сложившееся государство могло существовать осуществлять свой суверенитет вовне как слагаемое из совместных усилий. В этом органическом единстве народа и верховной власти несомненна ведущая роль последней. Утрата верховной власти или ее разложение рано или поздно (скорее рано) приведет народ к превращению в объект чужой политики, причем достаточно часто — навсегда. На самом деле народ не является и не может являться носителем государственного верховенства за очень редкими исключениями, которые уже давно канули в лету.

Именно десакрализация верховной власти и утрата веры в экстраординарные, харизматические качества монарха как ее носителя приводит к возможности создания иной, демократической организации верховной власти. Теоретическим основанием такой замены и явилась концепция народного суверенитета. Можно сколько угодно сетовать по этому поводу, но «суверенный народ» оказался не в силах узнать в себе нового Бога, по крайней мере в части реализации им суверенных прав фактически, а во многом и формально юридически, передав их реализацию и осуществление своим полномочным представителям в органах высшей государственной власти. Как политический актор он оказался неспособен заниматься решением конкретных вопросов, что с неизбежностью породило необходимость продолжение существования особой организации верховной власти, не совпадающий с народом и продолжающей по прежнему представлять собой феномен реального носителя государственного верховенства (суверенитета)

Народный суверенитет как особое политико-правовое явление, отличное от суверенитета государства, оказался не слишком глубоко проработанной юридической фикцией»

Н. Грачев Происхождение суверенитета

Резюме вышеизложенной пропутинской теории суверенитета сводится к попытке доказать фиктивность доктрины народного суверенитета на основе следующих возражений:

1. Невозможность измерить «общую волю» народа

2. Логическое противоречие единства субъекта и объекта власти. Народ на самом деле только объект власти, субъектом власти он никогда не был и быть не может. Его функция — повиноваться, также как функция власти — повелевать.

3. Народ не оправдал своих претензий на самоуправление, оставшись отчужденным от реального управления государством. Народ не способен к самоуправлению.

2. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВА В ПОЛОЖИТЕЛЬНОМ И ЕСТЕСТВЕННОМ ПРАВЕ

Есть принципиальное различие между положительным и естественным правом, которое четко сформулировал Поппер и которое мы уже цитировали выше. В своем классическом виде положительное право представлено в теории государства Гоббса, естественное право — у Цицерона, Гроция, Кондорсе, Локка и др

Это различие состоит в том, как данная теория права видит источник законов общества:

— как нормы, вводимые договором, правительством и закрепленные угрозой наказания силовых институтов (законы без меча суть слова по Гоббсу)

— или как законы отражающие законы природы человека.

В первом случае, юридизм предстает самостоятельной наукой, а система власти, основанная на силовых институтах — вечным и непреходящим базисом общества.

Во втором случае, юридизм только производная дисциплина из социальной науки, представляющей законы природы психики человека. Понятно, что власть только переходный период к научному контролю, основанному на управлении знаниями, систе-

мы образования и науки, а не принуждения и угрозы карательной системы.

В первом случае власть является источником этики, во втором случае этика является источником власти (временно, пока во власти не отпадет необходимость).

Из этих различных теорий права следуют совершенно различные определения государства.

В первом случае государство — это и есть сама власть, поскольку существо этой власти сводится к подчинению себе воли всего населения. Подчинение воле одного воли всех, как писали Гоббс и Ленин, и составляет сущность такой власти. Соответственно, общество, представленное такой системой управления — это воля того одного, который поглотил волю всех, это сама власть или само государство. Поэтому определения государства в положительном праве звучат как «установление господства верховной власти над населением», а само общество понимается как «иерархия» «властвующих и подвластных». Классические определения из пропутинской теории абсолютизма.

У Гоббса такое государство называется Левиафаном и прямо подчеркивается, что Левиафан рождается путем добровольного отказа людей от своей воли, пункт, над которым насмехались все поколения теоретиков естественного права (договор о добровольном порабощении себя):

> «Это реальное единство, воплощенное в одном лице посредством соглашения, заключенного каждым человеком с каждым другим таким образом, как если бы каждый человек сказал другому***: я уполномочиваю этого человека или это собрание лиц и передаю ему мое право управлять собой*** при том условии, что ты таким же образом передашь ему свое право и санкционируешь все его действия. Если это совершилось, то множество людей, объединенное таким образом в одном лице, называется государством, по-латыни — civitas. ***Таково рождение того великого Левиафана или, вернее (выражаясь более почтительно), того смертного Бога, которому мы под владычеством бессмертного Бога обязаны своим миром и своей защитой. Ибо бла-***

> ***годаря полномочиям, отданным ему каждым отдельным человеком в государстве, указанный человек или собрание лиц пользуется такой огромной сосредоточенной в нем силой и властью, что внушаемый этой силой и властью страх делает этого человека или это собрание лиц способным направлять волю всех людей к внутреннему миру и к взаимной помощи против внешних врагов.*** В этом человеке или собрании лиц состоит сущность государства, которая нуждается в следующем определении: государство есть единое лицо, ответственным за действия которого сделало себя путем взаимного договора между собой огромное множество людей, с тем чтобы это лицо могло использовать силу и средства всех их так, как сочтет необходимым для их мира и общей защиты»

Левиафан Гоббс

Таково определение государства положительного права, понимающего управление человеческим сообществом как военную дисциплину приказов, как подчинение воли всех воле одного, как иерархию господства и подчинения. Поэтому государство в этой интерпретации — это собственно господское сословие, власть, отдающая приказы, правительство, противостоящее народу как управляемому слою.

В данном случае государственным суверенитет будет суверенитет правительства, верховенство власти над народом.

Из теории естественного права следует другое определение государства, так как в данном случае управляемое общество понимается как «Общая воля» вместо «подчинения воли всех воле одного». Эта общая воля происходит из одинаковой природы человека и из понимания управления общества как подчинения единой истине законов природы, науке, управления разумом. Уже Цицерон понимает государство как «достояние народа», Руссо пишет о «общественном организме», и все говорят о народном суверенитете, как самоуправлении, как участии всего народа в управлении своим сообществом. В данной интерпретации государство включает все сообщество, весь народ, где народный суверенитет идентичен науч-

ному суверенитету, а правительство только чиновники на службе народа.

Поэтому государственным суверенитетом будет народный или научный суверенитет (управление основанное на знании законов природы, система образования и науки), или верховенство права, которое представляет верховенство науки в переходный период от юридизма к научному контролю.

Верховенство правительства или власти не могут представлять государственный суверенитет в обществе, где само государство представлено всем народом, его общей волей, его наукой, его знанием. Государство представляют народ и наука, а правительство и власть обслуживают интересы народа и науки.

3. КРИЗИС НАУКИ И ДЕМОКРАТИИ В РОССИИ

Если теории естественного и положительного права выражают философию гносеологии общества, возможности познания законов его функционирования и соотношение этого познания с этикой общества, то юридизм — это формальная логика нормотворчества, систематизация практики юридического регулирования общества, начатое еще в римском праве. Положительное право признает юридизм самостоятельной и единственной наукой об этике общества, естественное право признает таковой психологию, а юридизм только производной дисциплиной переходного периода.

Из тождества народного и научного суверенитетов мы можем сделать следующие выводы:

1. Не народ определяется из юридизма, а юридизм из народа, как носителя и субъекта научного знания. Задача, которую ставят пропутинские теоретики — поиски определения народа как «юридической личности» — неразрешима в силу неправильности поставленного вопроса, а вовсе не потому что народный суверенитет является фикцией, как утверждают эти писатели.

Народ «психологическая личность», определяется законами психики общими всему человечеству и осуществляет управление обществом на основе единой истины, открытых и познанных законов природы. Народ является субъектом науки, а власть ее объектом. В этом случае, народ вполне может оставаться объектом юридического управления (власти), поскольку осуществляет научный контроль за этой властью (участие научных институтов в законотворчестве).

Таким образом, научный суверенитет народа устраняет противоречие в определении народа как одновременно субъекта и объекта власти разделением научного и юридического контролей общества, и подчинением юридизма науке.

2. Разделение научного и юридического контролей общества предполагает независимость научных институтов от какого-либо вмешательства властей в их научную деятельность. Система образования также должна быть отнесена к компетенции научных институтов общества и дистанцирована от контроля и тем более прямого управления правительством.

Именно степень самостоятельности науки в обществе — первый и самый важный показатель уровня его демократичности. При всей справедливости критики современного состояния демократии на Западе, относительная самостоятельность науки позволяет говорить об активности и жизнеспособности его демократических сил. Тем не менее, тенденция кантианства, отрицающая возможность социальной науки в принципе, которая набирает силу последние два века, создает реальную угрозу уничтожения демократии на ее родине.

Кризисное положение академии наук в России, многократные обращения сотен академиков в правительство с открытыми письмами, где они говорят об уничтожении российской науки давлением власти, скандал вокруг диссертации министра культуры В. Мединского, официально отменившего объективную истину и единую мировую историю, о необходимости которой пишет Бертран Рассел, пропутинская теория суверенитета, отказывающая участию разума в становлении человечества и государ-

ства — очень красноречиво свидетельствуют об усугублении разложения демократии в России.

> *«Из этих идей Гегеля возникла теория народного духа. Согласно органическому подходу к государству, его образование и формы организации какой-либо страны и народа не могут быть предоставлены его свободному и сугубо сознательному выбору. Поэтому напрасно искать в анналах истории договор, власть, происшедшую на основании права, государство, образующееся при помощи юридических форм. Государство есть естественное явление, состояние человеческого рода. Сознательная деятельность людей ни в коем случае не является определяющей в процессе развития государственных форм, роль сознания зависит вовсе не от игры свободной воли и автономного разума, но всегда детерминирована условиями существования и развития народа и соответствием народному духу»*

Н. Грачев Происхождение суверенитета

Можно видеть, что пропутинские идеологи также неравнодушны к трудам Гегеля как в свое время марксизм-ленинизм. На протяжении всего трактата автор доказывает не только пассивность разума в деле государствостроительства, но его несомненное вредительство, вплоть до того, что связывают с излишним рационализмом кризис древнегреческого полиса и тп. В противопоставлении разуму и науке «религиозно-мифологического сознания» как истинного «народного духа» они доходят в своей абсурдности до того, что объявляют протестантскую Реформацию нового времени, инициировавшую народные революции по защите народного суверенитета и прав граждан — как отмену участия религии в государствостроительстве, как предательство истинной народной духовности, состоящей в поклонении сакральным властям. Вот где важно вспомнить о вреде отождествления мистики и религии: этика протестантов — выраженный пример развития высших религий, тогда как теория суверенитета Путина — столь же выпуклый пример примитивной мистики поля Эгосистемы, противопоставляющий сакральный и профанные миры в первобытном сознании.

> *«Постепенная рационализация общественного сознания, заложенная еще католическим христианством и развитая протестантизмом, привела к утрате большинством европейских народов религиозного миросозерцания, устранению из политики и государственной деятельности религиозных принципов и норм, секуляризации общественной и политической жизни и десакрализации верховной власти. Теорией, заменившей собой принцип „божественного права", на основе которого строилась верховная власть традиционного общества, стала концепция народного суверенитета»*

Н. Грачев Происхождение суверенитета

Вот для сравнения как оценивается роль Реформации и вообще движения протестантов в истории философии Европы:

> *«В 1892 г. проф. Ковалевский, а три года спустя гейдельбергский ученый Иеллинек вновь вспомнили полузабытых протестантских политиков XVI и XVII столетий, чтобы подчеркнуть их значение в развитии политической мысли нового времени.) Ковалевский признал в них родоначальников английского радикализма и отметил вместе с тем их значение для образования принципов французской революции. В том же духе высказался Иеллинек. „Что до сих пор считали делом революции, — замечает он — то на самом деле есть плод Реформации и ее борений. Первым апостолом принципов революции был не Лафайет, а Роджер Вильямс". Но что же нового внести индепенденты в оборот политической мысли? Они впервые провозглашают известные права личности неотчуждаемыми и прирожденными, независимыми даже от народного представительства. Ковалевский и Иеллинек, вслед за Вейнгартеном, неопровержимо доказали, что французская декларация прав есть не более как список с соответствующих американских деклараций и что эти последние представляют собой выражение тех взглядов и требований, которые привозили с собой в Америку английские индепенденты, как плод политических опытов, вынесенных ими с родины. Если мы попытаемся теперь выразить эти принципы в немногих положениях, то мы должны будем прежде всего, упомянуть названные уже выше идеи неотчуждаемых прав личности и неотчуждаемого народного суверенитета: „Нация, — продолжают левеллеры — есть начало, середина и конец всякой власти". Задолго до Монтескье они провозглашают: „Законодатели не должны быть одновременно и исполнителями закона; строгое разграничение должно быть удержано между этими властями, чтобы, в противном случае, не пострадала народная свобода". Вот где следует искать первый зародыш француз-*

> *ских идей XVIII в. В новых Американских Штатах положения, высказанные левеллерами, являлись исходными моментами для всего последующего развития американской нации. Декларация Джефферсона, как и самая американская конституция, служат выражением тех же начал, из-за признания которых боролись левеллеры»*

П. Новгородцев Лекции по истории философии права

Министр культуры В. Мединский трудится на историческом поле в поте лица, доказывая отсутствие объективности и социальной науки как таковой, так что исторические дискуссии сводятся согласно его утверждению к идеологическому противостоянию в защите национальных интересов, а вовсе не к поискам единой истины в научных дебатах. Хотелось бы спросить этих авторов национальной теории истории, как тогда рассматривать «Нерассказанную историю США» Оливера Стоуна, постаравшегося со всей объективностью рассказать о злоупотреблениях американского правительства на международной арене и выразившего такую явную поддержку теорию суверенитета Путина? Как предательство Родины? Или все же как поиск объективной истины как на этом настаивает сам Оливер Стоун?

«Итак, суть претензий к моей работе сформулирована в коллективном письме группы ученых-«либералов» в газете «Коммерсант», 28.10.2016*: «…Особое внимание привлекает главный методический принцип, лежащий в основе этой работы: критерием истинности и достоверности исторического труда автор объявляет соответствие «интересам России»… Презрение к историческим фактам и готовность заменить их мифами, если они отвечают его собственному представлению о национальных интересах… Очевидно, что работы, основанные на таких принципах, стоят за пределами науки… Целью науки является поиск истины, и попытки заменить ее мифами, из каких бы соображений это ни делалось, подрывают основы научного взгляда на мир».*

Звучит красиво. «Историческая наука… не оценивает события положительно или отрицательно в зависимости от их со-

ответствия чьим-либо национальным интересам, а ограничивается беспристрастным анализом» (из «Заявления о лишении В. Р. Мединского ученой степени» на сайте «Диссернета», 25.09.2016*).*

Что ж, это вопрос уже не личный и даже не узконаучный, а, прямо скажем, идеологический. Не бывает «объективного Нестора». Нет вообще никакой «абсолютной объективности». Разве что с точки зрения инопланетянина. Любой историк всегда — носитель определенного типа культуры, представлений своего круга и своего времени. Сегодня кажутся наивными выводы Ломоносова-историка, но обвинять его в антиисторизме — абсурд. Да, он искренне хотел доказать, что Рюрик был выходцем из славян. Именно так ему виделась логика событий русской древности. Признаюсь, мне лично она тоже симпатична. Что не означает, что кто-то имеет право объявить лжеучеными всех сторонников «норманской теории». У них свои аргументы. Присвоившие себе ныне право именоваться «либеральной интеллигенцией», «либеральной прессой», «либеральными учеными» любят поговорить о свободе мнений, но имеют в виду свободу только для себя. Говорят о толерантности — и абсолютно нетерпимы к чужой точке зрения» Текст: Владимир Мединский *(профессор, доктор исторических наук)* Российская газета — Федеральный выпуск №7311 (145)

Очевидно, что министр культуры не имеет представления о научном методе, который подчинен строгим правилам научного мышления: о свободе в науке можно говорить только как о необходимости свободы от всяких внешних влияний, особенно административного и идеологического характера, а в остальном наука подчиняется строгим правилам научного исследования, так что истина может быть только одна и только та, истинность которой будет доказана фактами и логикой. Ниже идут выдержки из открытых писем академиков в связи с их возмущением относительно ситуации в науке и отношения к ней власти:

Обращение группы академиков и член-корреспондентов РАН. Комментарии к интервью директора ФСБ А.В.Бортникова

АВТОРEchoMSK

Оригинал

По-видимому, впервые после XX съезда КПСС (1956 год) одно из высших должностных лиц нашего государства оправдывает массовые репрессии 1930–40-х годов, сопровождавшиеся неправосудными приговорами, пытками и казнями сотен тысяч ни в чем не повинных наших сограждан.

Указанные репрессии затронули и научное сообщество, расстреляны или погибли в лагерях тысячи ученых и инженеров, что принесло непоправимый вред отечественной науке и технике. Вспомним здесь академика Н. И. Вавилова, профессора Л. В. Шубникова, профессора С. П. Шубина и многих других. Чудом выжили Л. Д. Ландау, С. П. Королев, В. П. Глушко, столь много сделавшие потом для страны. Эти имена, как правило, известны широкой публике. К сожалению, немногие кроме специалистов представляют, какое огромное количество замечательных ученых, продвинувших науку в самых разных областях, было уничтожено в расцвете своей деятельности. Это — гениальный физик-теоретик М. П. Бронштейн, академик, геолог И. Ф. Григорьев, обвиненный во вредительстве при поиске урановых месторождений, погиб в тюрьме профессор Д. Ф. Егоров — математик, один из основателей современного функционального анализа. Был репрессирован профессор-теплотехник Л. К. Рамзин, который изобрел прямоточный котел, языковед Е. Д. Поливанов, агроном Н. М. Тулайков, генетик И. И. Агол, философ Г. Г. Шпет, конструктор ракет Г. Э. Лангемак. Оказались репрессированными руководители Пулковской обсерватории. Список огромен».

Открытое письмо Президенту Российской Федерации В. В. Путину

27.12.2017

...назначать лиц, совершенно невежественных в науке или искусстве, судьями над людьми учеными, наделяя их властью поступать с последними по своему усмотрению — это такие нововведения, которые способны разрушить государство

Господин Президент!

В июле 2016 года свыше 200 крупных ученых России написали Вам открытое письмо («Письмо-200») о критической ситуации в российской науке и необходимости принятия неотложных мер со стороны высшего руководства страны. Официального ответа на это письмо получено не было, и все его тезисы остаются актуальными. Более того, за прошедшее время ситуация лишь ухудшилась: финансирование институтов РАН сокращалось; продолжается бессмысленная реструктуризация многих институтов, усиливается абсурдная бюрократизация управления наукой со стороны Федерального агентства научных организаций (ФАНО); наблюдается рост научной эмиграции из России молодого поколения ученых. (...)

Выход из данной катастрофической ситуации лишь один: срочное изменение статуса РАН и статуса научных Институтов, и возвращение институтов под руководство РАН. В дальнейшем необходимо предпринять еще ряд серьезных шагов, таких как: существенное увеличение финансирования академической науки и радикальный пересмотр структуры этого финансирования; воссоздание в системе РАН научной аспирантуры; полный вывод академической науки из-под юрисдикции Министерства образования и науки. Эти шаги требуют времени и значительных финансовых расходов. В то же время решение главной проблемы — возвращения научных институтов в РАН — требует лишь Вашей политической воли»

Письмо подписали сотни академиков и член-корреспондентов РАН. Российская наука

Академик Юрий Рыжов писал по этому поводу: «Чиновники совершили принудительный захват академии» и «Большинство чиновников ориентированы, как собаки на ветер, их главная задача — предугадать, что понравится власти». В конечном итоге,

он пришел к выводу, что «Россия стоит на пороге жуткой катастрофы».

В этом не приходится сомневаться. Количество школ катастрофически сокращается, особенно в регионах, зато растет число православных храмов. ВУЗы жалуются на излишнюю бюрократизацию и регламентированность образовательного процесса, учебники приобретают выражено идеологическую окраску согласно доктрине диссертации министра культуры об отсутствии объективной истины. Наука, а вместе с ней и демократия в России находятся при последнем издыхании.

ГЛАВА 11. ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРАВО И ТОЖДЕСТВО НАРОДНОГО И НАУЧНОГО СУВЕРЕНИТЕТА

1.Тождество народного и научного суверенитета
2. Институт представительства и теория большинства как «общая воля» в переходный период юридизма

1. ТОЖДЕСТВО НАРОДНОГО И НАУЧНОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Спор между сторонниками государственного абсолютизма и сторонниками народного суверенитета сводится к научному статусу юридизма: признают ли юриспруденцию самостоятельной наукой, противопоставляя ее «естественным» наукам, или же напротив, юридизм признают производным из психологической науки, отражающей общие всей природе естественные законы, в данном случае законы психики.

В первом случае законы общества имеют источником традиции, обычаи и могут быть сформулированы и изменены любым законодательным собранием или правительством — в связи с чем существование таких законов основано на силовых институтах, которые вводят эти законы угрозой наказания. «Без меча законы суть слова» — как говаривал Гоббс. Все в точности как это сформулировано у Поппера, который выражает эту распространенную, как мы успели убедиться, у социологов точку зрения о том, что юридизм противостоит естественным наукам как особая социальная наука, основанная не на законах природы, а на законах, которые она сама изобретает. И потому является самостоятельной юридической наукой. Понятно, что в данном случае логично говорить о государственном суверенитете, как верховенстве власти, так как только диктаторская власть сможет

установить и удержать порядок в таком обществе. Таким образом здесь мы логично приходим к деспотии.

Во втором случае законы общества имеют своим источником законы природы, управляющие человеческим обществом, то есть законы психики. Законы эти открываются психологической наукой и со временем, когда знания человека приобретут необходимую зрелость, он сможет осуществлять научный контроль своего общества через правильную систему образования и независимые научные институты.

Однако, сегодня эти знания не полные и человек все еще нуждается в силовых институтах с тем, чтобы защищать безопасность и порядок в обществе. Поэтому юридизм, как промежуточная стадия в переходе к научному контролю совершенно необходим. Но это не значит, что юридизм — самостоятельная социальная наука. Нет, он только закрепляет те нормы, которые были выработаны и открыты в психологической науке, или в этике, как называли психологию, когда она еще не выделилась из философии. Соответственно, законы общества покоятся на ее научных институтах, а функция силовых поддерживать их работу. Это государственный суверенитет, как верховенство права, и соответственно демократия.

Очень давно Платон говорил о такой структуре общества, возглавляемой философами-правителями, которые опирались на стражников. И в этом случае порядок и здоровье общества проистекают из эффективности функционирования ее научных институтов. Гоббс, Боден, Макиавелли были выразителями первой точки зрения, адвокаты естественного права (Платон, Цицерон, Джон Мильтон, Роджерс Уильямс, Гроций, Локк, Руссо, Томас Пейн, Прудон, Конт, Спенсер, Бертран Рассел) — второй. Вот как пишет об этом Новгородцев, противопоставляя естественное право Гроция — Гоббсу и Макиавелли.

> *«Для Гоббса право есть продукт тех споров и столкновений, которые делают для человека невыносимым естественное состояние*

и заставляют его бежать под охрану власти. Для него право — это, прежде всего сила, власть, предписание начальствующих; для Гроция это — продукт мирных и общежительных склонностей человеческой природы, это — истечение ее добрых чувств и стремлений. Утверждая, что власть определяет, что хорошо и что дурно, Гоббс, как мы говорили уже ранее, распускает всю нравственность в положительном законе и отрицает всякую естественную справедливость; напротив, для Гроция предположение такой справедливости составляет самую главную посылку. Указав основу ее в человеческой природе, он проложил путь для дальнейших исследований, метод, как мы заметили уже выше, чисто рационалистический. Из природы человека, думает Гроций, с логической и безусловной необходимостью вытекают все начала права, которые поэтому должны быть признаны ясными, достоверными и неизменными: даже Бог не может изменить их, как не может Он сделать, чтобы дважды два не было четыре, чтобы зло не было злом. Гроций и Макиавелли олицетворяют в области политики те две силы, которые борются между собой в человеческой истории: Макиавелли представляет в своих сочинениях теорию грубой силы, которая пролагает себе путь, не разбирая средств и приемов для достижения поставленных целей; Гроций — теорию нравственной силы, которая покоряет людей своими внутренними свойствами. Соответственно с этим, и его система естественного права основана прежде всего на признании известных нравственных начал для сознания людей, помимо каких бы то ни было внешних опор и авторитетов. В отыскании внутренних основ естественного права состоит главная философская задача его книги. Его учение не могло служить лозунгом для какой бы то ни было партии, но оно все, от начала до конца, было проникнуто духом гуманности, справедливости и миролюбия, который благотворно действовал на общественное сознание. Говоря об этой стороне книги Гроция, я не могу характеризовать ее лучше и яснее, как при помощи противопоставления его воззрений взглядам Макиавелли. Преклонение перед силой, проповедь политического успеха, достигаемого какими бы то ни было средствами, отрицание нравственных начал в политической области и неверие в силу добра — таковы характерные черты макиавеллизма. Гроций в этом отношении прямая противоположность Макиавелли. Человечность, миролюбие и справедливость, прежде всего — таковы симпатичные верования, которые он исповедует и которые силой своего авторитета он успел, поскольку это было невозможно, и более чем кто-либо другой из его современников, привить европейскому сознанию. Он твердо верил, что непреклонная

честность и нравственные стремления составляют неизменные условия политики»

П. Новгородцев Происхождение суверенитета

Каким образом из естественного права следует научный контроль (управление) в обществе и доказательство производности юридизма из психологической науки, его несамостоятельность, мы видели.

Теми же аргументами мы обосновали теорию народного суверенитета как верховенства науки и вытекающего из него верховенства права.

Дело в том, что признание наличия законов природы общества ведет к важнейшим фундаментальным выводам, которые прямо таки цементируют теорию народного суверенитета.

Во-первых, это говорит о наличии общей психической человеческой природы: потребность в знании, в сотрудничестве, в сострадании, справедливости, в борьбе с патологией и злом. Закономерности человеческой природы вполне могут и должны быть тем «общепринятым определением народа» на отсутствие которого ссылаются критики теории народного суверенитета.

Во-вторых, наличие объективного восприятия мира, способность видеть реальность говорят о наличие общей для всего человечества истины, выраженной в открытых им законах природы. Эти объективные знания о мире, эта истина и является абсолютно точным и непогрешимым измерением общей народной воли, что дает разрешение второго казалось бы неразрешимого противоречия теории народного суверенитета.

Правильное понимание естественного права как теории научного контроля общества позволяет нам не только дать строгое научное определение понятию народ, но и измерить загадочное понятие общей воли народа, казавшееся до сих пор неуловимой химерой.

Мы с самого начала согласились со справедливостью упреков в логической противоречивости отождествления субъекта и объекта власти. Действительно, либо субъект и объект власти

различны и мы имеем диктаторское общество, разделенное на полюса господства и подчинения, либо власть вообще отсутствует и мы имеем свободное общество самоуправляющегося народа, демократии (так называемое народоправство).

Естественное право позволяет разрешить и это противоречие, поскольку противопоставляет юридизму — научное управление обществом. Народ является субъектом научного управления, а правительство — субъектом юридического управления, субъектом власти. Поскольку юридическое управление производно из научного управления, то власть — объект научного управления народа. Это гарантирует верховенство права, так как научное управление народа сводится к контролю законодательной деятельности права, которая должна соответствовать требованиям науки. И уже в этом смысле народ — объект исполнительной власти, контролирующей проведение в жизнь принцип верховенства права.

Из этого определения видно, что суверенитетом, верховенством управления обществом (а не власти, как юридического понятия принуждения) обладает только народ как субъект научного контроля. Юридизм и представляемый им институт власти — производен из научного контроля, определяется им и в этом смысле является его объектом.

Таким образом, народ не может и не должен быть определен юридически, но лишь научно, именно в силу приоритета науки в отношения юридизма. А юридизм имеет свое определение из социальной науки.

2. ИНСТИТУТ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА И ТЕОРИЯ БОЛЬШИНСТВА КАК «ОБЩАЯ ВОЛЯ» В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД ЮРИДИЗМА

Однако, история права трактует теорию народного суверенитета как ее понимали адвокаты естественного права прежде всего как теорию большинства и институт представительства, то есть парламентаризм. Даже П. И. Новгородцев, который с такой симпатией пишет о естественном праве и его этическом фунда-

менте не делает из этого вывода о противопоставлении юридизму научного контроля, которое есть действительное следствие и вывод из теории народного суверенитета естественного права. Напротив, Новогородцев пишет о Руссо как о стороннике государственного суверенитета, что вытекает по его мнению из доктрины общей воли Руссо, которая, как считают юристы, может быть представлена только властью через институт представительства.

Однако, сам Руссо более четко и определенно чем кто-либо другой указывал на законы природы «человеческого сердца» скак источник всякого права в своих трудах:

> *«справедливость и доброта не суть только отвлеченные названия, не суть чисто нравственные понятия, созданные разумением, но являются истинными влечениями просвещенной разумом души и суть не что иное, как упорядоченное дальнейшее развитие наших первоначальных влечений, что на одном разуме, независимо от совести, нельзя основать никакого естественного закона и что все естественное право есть не что иное, как химера, если оно не основано на естественной для человеческого сердца потребности»*

Эмиль Руссо

> *«Но если Законодатель, ошибаясь в определении своей цели, следует принципу, отличному от того, что вытекает из природы вещей; если один из принципов ведет к порабощению, а другой — к свободе; один — к накоплению богатств, другой — к увеличению населения; один — к миру, другой — к завоеваниям, — тогда законы незаметно потеряют свою силу, внутреннее устройство испортится, и волнения в Государстве не утихнут до тех пор, пока оно не подвергнется разрушению или изменениям и пока неодолимая природа не вступит вновь в свои права.*
> *К этим трем родам законов добавляется четвертый, наиболее важный из всех; эти законы запечатлены не в мраморе, не в бронзе, но в сердцах граждан; они-то и составляют подлинную сущность Государства; они изо дня в день приобретают новые силы; когда другие законы стареют или слабеют, они возвращают их к жизни или восполняют их, сохраняют народу дух его первых установлении и незаметно заменяют силою привычки силу власти»*

Руссо Общественный договор

Из приведенных цитат видно, что Руссо говорит об общей воле как об общечеловеческой природе, выраженной в склонности человека к знанию, справедливости и состраданию. Если общая воля — это законы общечеловеческой природы, то эту волю не только легко измерить со всей строгостью научного метода, но из этого также следует, что законы эти неизменны., как об этом из тех же соображений заявлял в свое время Гроций.

Неслучайно декларация прав как неотчуждаемых прирожденных прав личности и теория народного суверенитета, понятого как теория большинства и институт представительства (парламентаризм) сразу оказались в «несомненном противоречии» друг к другу. Понятно, что если права личности вытекают из закономерностей общечеловеческой природы, то каким образом они могут быть изменены посредством законотворчества парламентов, пусть даже эти парламенты и в самом деле представляли бы волю народа?

> *«В то самое время, как в конституциях революционной эпохи провозглашался принцип суверенной воли народа, рядом с ним ставился принцип неотчуждаемых прав личности. Декларация прав стояла в несомненном противоречии с идеей народного суверенитета, но это противоречие оставалось незамеченным. Значение Токвиля заключается в том, что он расчленил идеи, представлявшиеся слитными, и не отрицая ни демократии, ни демократической теории, внес в нее необходимые ограничения.*
> *«Встречаются люди, — замечает он, — которые не боятся говорить, что народ в интересах, относящихся собственно к нему, не может выйти из границ справедливости и рассудительности, и что вследствие этого неопасно предоставить большинству, представляющему собою народ, неограниченную власть. Но это язык рабов.*
> *Разве большинство не есть индивидуум, который имеет убеждения и чаще всего страсти, противные другому индивидууму — меньшинству? Если вы верите, что человек, облеченный неограниченной властью, может употреблять эту власть во вред своим противникам, отчего же вы не хотите допустить, что так же может поступить и большинство? Разве люди, соединяясь вместе, изменяют свои характеры?*

> *«Между тем, — рассуждает далее Токвиль, — нет на земле власти, до того сильной в самой себе, или облеченной до того священными правами, что ей можно было бы дозволить действовать без контроля и господствовать без препятствий.»*

Новгородцев Кризис современного правосознания

Теория большинства и институт представительства в качестве общей воли народа — это как раз сфера действия юридизма на стадии, когда научный контроль еще только набирает силу и еще нет четкой формулировки законов психики (такой например, которая уже сегодня представлена в теории психической энергии), которые дали бы научное определение и измерение народной воли. Народ вполне может оставаться объектом власти юридически при условии, что он одновременно является субъектом науки, который контролирует власть научно. Юридизм в качестве объекта научного контроля народа уже не сможет злоупотреблять своей силой в качестве субъекта власти. Тем более, что сам юридизм оказывается промежуточной стадией в управлении обществом.

> *«И с точки зрения социально организационной, эта метафизически-юридическая фаза рассматривается лишь как „промежуточная“, имеющая цель не в себе самой, а в следующей за нею „великой позитивной стадии“, утверждающей индустриальный принцип организации общества. На первой стадии религиозно-теологический ряд доминирует над государственно-политическим. На второй наоборот — государственно-политическая (государственно-правовая, метафизически-юридическая) сфера определяет судьбу всех остальных — от техники и науки до этики и искусства; но прежде всего судьбу теологии и религиозного знания в целом. Наконец на третьей стадии, согласно гипотезе Конта, должно утвердиться господство позитивной, то есть „подлинно научной“, философии над всеми остальными сферами социальной жизни»*

Ю. Давыдов История социологии

Новгородцев пишет, что теория народного суверенитета восходит еще к Цицерону. Точнее было бы сказать к Платону (и сам Цицерон восхищается Платоном). Действительно, и у Цицерона

мы находим теорию народного суверенитета как теорию приоритета научного контроля в отношении юридизма.

> *«Но из всего того, что обсуждают ученые люди, конечно, ничто не важно в такой степени, в какой важно полное понимание того, что мы рождены для справедливости и что не на мнении людей, а на природе основано право. Это сразу станет очевидным, если мы вникнем в сущность человеческого общества и связей между людьми. Ведь ни одна вещь в такой степени не подобна другой, так не равна ей, в какой все мы подобны и равны друг другу. И если бы упадок наших обычаев и расхождение мнений не извращали и не отвлекали наших слабых умов, куда только пожелают, то каждый из нас был бы столь же подобен самому себе, сколь все люди подобны друг другу.*
> *И в самом деле, разум, который один возвышает нас над зверями, разум, благодаря которому мы сильны своей догадливостью, приводим доказательства, опровергаем, рассуждаем, делаем выводы, несомненно, есть общее достояние всех людей; он различен в зависимости от полученного ими образования, но одинаков у всех, в отношении способности учиться. Ведь чувства всех людей воспринимают одно и то же, и то, что действует на чувства, в равной степени действует на чувства всех людей*
> *И сходство между людьми необычайно велико не только в хороших, но и в дурных качествах. Но какой народ не ценит приветливости, благожелательности, сердечной доброты и способности помнить оказанные благодеяния? Какой народ не презирает, не ненавидит надменных, злокозненных, жестоких и неблагодарных людей? И когда мы поймем, что это объединяет весь человеческий род, то останется [только показать, что этим объединением людей должны управлять законы, способные укреплять дружбу и основанные на разуме,] так как разумный образ жизни делает людей лучше»*

Цицерон О законах

Махатма Ганди формулирует принцип научного суверенитета в своей знаменитой Сатьяграхе («стойкие в истине»), когда говорит, что именно голос совести высший закон нашего бытия и именно он является источником права, а вовсе не наоборот. На этом принципе научного суверенитета и основана его теория гражданского неповиновения, которую впоследствии взял на вооружение Бертран Рассел, призывая молодежь отказываться от призыва на фронт первой мировой на основании го-

лоса своей совести. И также как Ганди он был заключен за это в тюрьму.

> *«Я решился сделать это заявление не в надежде смягчить наказание, а чтобы показать, что я пренебрег предписанием не из-за отсутствия уважения к законной власти, а во имя подчинения высшему закону нашего бытия — голосу совести.*
> *Честный, уважаемый человек не начнет вдруг воровать, независимо от того, имеется закон, карающий за кражу, или нет. Но этот же самый человек не будет чувствовать угрызений совести, если нарушит правило, запрещающее с наступлением темноты ездить на велосипеде без фонаря. Он вряд ли даже внимательно прислушается к совету соблюдать в этом отношении осторожность. Но любое обязательное предписание по этому поводу он будет соблюдать, чтобы за нарушение его избежать судебного преследования. Однако такое соблюдение законов не является добровольным, и не это требуется от сатьяграха. Сатьяграх повинуется законам сознательно и по доброй воле, потому что он считает это своим священным долгом. Только человек, неукоснительно выполняющий законы общества, в состоянии судить, какие из них хороши и справедливы, а какие дурны и несправедливы.*
> *И только тогда он получает право оказывать в отношении некоторых законов при определенных обстоятельствах гражданское неповиновение»*

Махатма Ганди Мои эксперименты с истиной

Прудон еще более категорично, чем Токвиль и Ганди говорит о том, что теория большинства и институт представительства как теория народной воли, как теория народной власти абсурдны. Народный суверенитет — это научный суверенитет, прямо заявляет ученый и радикальное его отличие от государственного абсолютизма в научном управлении обществом, основанном на знании законов природы, управляющих этим обществом.

> *«Но что же, наконец, такое суверенность? Это, говорят, есть власть издавать законы. Вот вам новый абсурд, позаимствованный у деспотизма. Народ видел, как короли мотивировали свои ордонансы — формулой: ибо так нам угодно. Он в свою очередь захотел испытать удовольствие издавать законы. В течение пятидесяти лет он создал их мириады, всегда, конечно, при посредстве своих представи-*

телей; удовольствие это до сих пор еще не кончилось. Это еще не все. Народ-король не может сам обнаруживать своей суверенности. Он должен передать ее лицам, облеченным властью. Это усердно повторяют ему те, кто старается попасть к нему в милость. Всегда это будет правление человека, царство воли и произвола. Что же, спрашивается, революционизировала так называемая революция?

Народ, бывший долгое время жертвой монархического эгоизма, думал избавиться от него, заявив, что он один суверенен. Но что такое монархия? Это суверенность одного человека. Что такое демократия? Суверенность народа или, вернее, большинства народа. И в том и в другом случае это суверенность человека вместо суверенности закона, суверенность воли вместо суверенности разума, — словом, суверенность страстей вместо суверенности права. Несомненно, когда народ переходит от монархизма к демократизму, совершается прогресс, ибо, устраняя единоличного суверена, люди увеличивают шансы разума победить волю. Однако революции в управлении нет, так как принцип остается прежний. Мы теперь имеем самые ясные доказательства того, что даже при самой совершенной демократии можно не быть свободным. Справедлива ли власть человека над человеком? Весь свет ответит; нет. Власть человека есть только власть закона, который должен быть справедливостью и истиной. Личная воля не имеет значения в управлении, которое сводится к тому, чтобы, с одной стороны, раскрывать истинное и справедливое и создавать из него закон, а с другой стороны, наблюдать за выполнением этого закона. Справедливость не является созданием закона: напротив, закон всегда есть провозглашение и применение справедливости во всех обстоятельствах, при которых люди могут находиться в сношениях между собою

Путем приобретения знаний и понятий человек доходит до понятия науки, т. е. системы знаний соответствующей действительности и выведенной из опыта и наблюдений. Человек стремится открыть науку или систему неорганических тел, систему тел органических, систему человеческого духа, систему мира; может ли он не стремиться к открытию системы общества?

Достигнув этого предела, человек узнает, что политическая истина или политическая наука совершенно независима от воли суверена, от мнения большинства и народных верований, что короли, министры, администрации и народы, как носители воли, для науки ничто и не заслуживают никакого внимания. Он начинает понимать, что истинным его вождем и королем является доказанная истина, что политика есть наука, а не хитрость и что функции законодателя в конеч-

ном счете сводятся к методическому исследованию истины. И так во всяком данном обществе власть человека над человеком обратно пропорциональна интеллектуальному развитию, достигнутому обществом, и вероятная продолжительность этой власти может быть определена сообразно с более или менее общим стремлением к истинному правительству, т. е. правительству, опирающемуся на данные науки.

И подобно тому как право силы и право хитрости уступают место все более и более расширяющемуся понятию справедливости и осуждены раствориться в равенстве, так и суверенность воли уступает место суверенности разума и в конце концов растворится в научном социализме. Наука о правительстве или о власти должна быть представлена одной из секций Академии наук, и постоянный ее секретарь неизбежно должен быть первым министром. Так как всякий гражданин имеет право представлять в Академию наук записку, то всякий сделается законодателем; но в силу того, что мнение человека принимается в расчет лишь постольку, поскольку оно доказано, никто не может поставить свою волю на место разума, никто не может быть царем.

Все относящееся к области законодательства и политики является объектом науки, но не убеждений: законодательная власть принадлежит разуму, систематически изученному и обоснованному. Справедливость и законность — две вещи, так же мало зависящие от нашего согласия или одобрения, как и математические истины. Для них достаточно быть познанными для того, чтобы сделаться обязательными, а для того, чтобы познать их, нужны только способность размышлять и изучать. Но что же такое народ, если он не суверен, если не ему принадлежит законодательная власть? Народ есть хранитель закона, народ — исполнительная власть. Каждый гражданин может утверждать: вот это верно, это справедливо; но убеждение его обязательно только для него самого: для того чтобы провозглашаемая им истина сделалась законом, необходимо, чтобы она была признана. Что же это значит признать закон? Это значит проверить математическую или метафизическую операцию; это значит повторить опыт, произвести наблюдения над явлением, констатировать факт. Один только народ имеет право сказать: будем распоряжаться и повелевать»

Жозеф Прудон Что такое собственность

Если бы человек не имел общей природы, общих законов психики, выражающих его мораль и способности к постижению

истины, объективной реальности, то и понятие народного суверенитета действительно было бы фикцией. Если бы люди, как считали Гоббс, Макиавелли, Кант, Фрейд были всего лишь ненавидящими друг друга зверями, не способными к общежитию, то теория государственного абсолютизма Гоббса-Бодена и их современных пропутинских адвокатов была бы безусловно единственно верной. Безопасность и порядок в таком обществе можно было бы утвердить только насильно, принуждением.

Но человек имеет природу, выраженную в законах психики; он имеет разум, который позволяет ему познавать эту природу; у него есть общая воля и единая истина. Только эта общая воля единой человеческой природы делает народ народом и наряду со способностью постигать истину делает возможной концепцию народного верховенства (суверенитета, управления). Таким образом, только способность к научному контролю, которую отстаивали адвокаты естественного права, и есть залог теории народного суверенитета, так что народное верховенство оказывается тождественным научному верховенству (управлению, контролю).

Однако, пока знания, открытые наукой недостаточны, необходимо прибегать к юридическому контролю. В этом смысле теория народного суверенитета как теория большинства и парламентаризма есть несомненное благо и неизбежная реальность. И Прудон тоже пишет, что даже формальное признание народного верховенства над исполнительной властью правительства — это несомненный шаг вперед. Но и Прудон и Токвидь и Бертран Рассел наряду со всеми прочими либеральными критиками демократии (начиная еще с Платона) правы в том, что юридизм нуждается в контроле со стороны науки, и что пущенный на самотек он тяготеет к диктатуре и авторитаризму как любая другая система, основанная на принуждении. Философы-правители Платона, управляющие военной силой стражников — первая в истории теория научного контроля, как попытки обоснования тождества научного и народного суверенитетов. Огюст Конт четко выразил мысль о переходной роли юридизма, о разделении научного и юридического управления и о конечном

приоритете научного управления. Бертран Рассел развил идею научного контроля, тождественного народному самоуправлению в своих работах.

П. Новогородцев пишет, что всему направлению естественного права и в том числе Локку свойственно отдавать приоритет научным определениям (этическому оправданию) перед юридическими определениями (поиски точных формулировок суверенитета).

> *«Вступая в общество, отдельные лица обязуются ему подчиняться, но они не отказываются и не могут отказаться от своих прирожденных прав, чего так настойчиво требовал Гоббс. Государство получает свою власть единственно для защиты граждан, для охраны их свободы и собственности. Поэтому люди отказываются от своей власти лишь постольку, поскольку это необходимо для достижения указанных целей. Развивая свою точку зрения, Локк утверждает, что верховная власть имеет свою границу в правах граждан. В противоположность Бодену и Гоббсу, он склонен отрицать самое понятие неограниченной власти, что объясняется его полемикой против неограниченной власти Стюардов и его желанием отстоять права народа. Говоря о неограниченной власти, он, в сущности, имеет в виду абсолютную власть монархов, которая с его точки зрения совершенно несовместима с гражданским порядком. Для англичанина, сросшегося с практикой парламентской жизни, такая власть казалась совершенно невозможной, противоречащей самым основам гражданственности. Вообще, в отличие от Бодена и Гоббса, он нисколько не интересуется точным определением суверенитета и сосредоточивает свое внимание на анализе условий правомерного действия власти*
> *Это будет, очевидно, доктрина народного суверенитета, выводящая права короля из воли народа. В этом отношении Локк — продолжатель Мильтона, который в свое время также писал в защиту английского народа, и Сиднея, который стоял на той же точке зрения народного верховенства. Но к этой доктрине сторонников народовластия Локк присоединяет еще другую идею высокой важности — идею неотчуждаемых прав личности, которую мы встречаем ранее у представителей политического радикализма, левеллеров. Если мы прибавим к этому, что Локк защищает и знаменитую теорию разделения властей, первые зачатки которой мы встречаем у левеллеров, то мы едва ли усомнимся назвать этого писателя завершителем английского либерализма XVII в. Доктрина народного суверенитета*

и связанная с нею идея первобытного договора, идея неотчуждаемых прав личности и теория разделения властей — вот основы либерализма XVII в., переданные им в наследие веку XVIII. Все эти идеи объединяются в учении Локка.
Подобно тому как у Руссо и у многих других представителей естественного права, теория первобытного договора имеет у Локка не столько историческое, сколько этическое значение. Он не только занят изображением действительных процессов истории и разнообразных способов возникновения государств, сколько анализом тех условий, при которых это возникновение может быть признано правомерным. Так именно следует понимать его трактат. Локк сознательно и последовательно примыкает к школе естественного права, особенность которой состоит в том, что она, не ограничиваясь описанием фактов истории, всюду ставит вопрос об этическом их оправдании. Английские ученые также не отрешаются от исторических основ. Они возникают в живой связи с действительностью и постоянно имеют в виду реальные события истории, но они все более переходят с точки зрения исторических аргументов на почву общечеловеческих требований, от истории к этике. В этом отличительная черта всего естественного права и в частности теории Локка. Основная идея книги — идея неотчуждаемого народного суверенитета — еще раз предстает здесь перед нами. Правительство должно считаться уничтоженным, так решает вопрос Локк, всякий раз, когда законодательная или исполнительная власть нарушают свои полномочия. Таково последнее слово Локка»

П. Новгородцев Лекции по истории философии права

Бертран Рассел дает своеобразную интерпретацию идее Платона об философах-правителях.

«Мировые войны, и диктаторство, которое они принесли, повлекли недооценку всех видов власти, кроме военной и государственной. Это ограниченный и неисторический взгляд. Если бы мне предложили назвать четырех человек, у которых было больше власти, чем у кого бы то ни было, я бы назвал Будду и Христа, Пифагора и Галилея. Ни один из них не имел поддержки государства, пока их учения не получили широкого распространения. Никто из них не имел особого успеха во время жизни. Ни один из них не смог бы оказать такого колоссального влияния на развитие человечества, если бы власть была их основной целью. Никто из них не гнался за властью, которая порабощает других, но каждый находился в поисках энергии, которая осво-

бождает — первые два показали людям как побороть страсти, которые ведут к вражде и таким образом предотвратить рабство и подчинение одних другим; а двое других показали научный контроль, позволяющий овладеть силами природы. В конечном итоге, не насилие управляет обществом, а мудрость тех, кто взывает к общечеловеческому стремлению к внутреннему и внешнему миру, к счастью, к пониманию мира, в котором всем нам предстоит жить»

Бертран Рассел Власть

«Демократия, как теория, уже не имеет того влияния на умы человечества, какое она имела до войны. Стало очевидным, что в индустриальных обществах имеются ключевые позиции власти, которые если не захвачены плутократами, будут сосредоточены в урках чиновников, которые могут быть предметом отдаленного контроля народа, но могут во многих отношениях принимать решения согласно своей собственной инициативе. Мы таким образом приходим к бюрократии как практической альтернативе аристократии и плутократии. Если будет сделано все возможное чтобы устранить несправедливые привилегии, власть останется неравномерно распределенной, поскольку это неизбежно; но ее следует отдать тем, кто наиболее способен ею распорядиться. Однако, это не будет безответственная власть, которой пользовались плутократы и монархи; это власть будет подотчетна народу. К людям, которые будут допущены к этому роду власти будут предъявлены требования, отличающиеся как от тех, которые производит демократическое образование, так и аристократическое. Недемократический элемент состоит в том, что они будут значительно сильнее среднего человека в своих способностях и знаниях. Неаристократический элемент состоит в том, что их позиция будет зависеть не от социального статуса их отца, а от их личных способностей. И постольку поскольку они не будут иметь высшей и абсолютной власти, они необязательно должны уметь командовать, но только обладать необычной способностью приходить к здравым выводам, и уметь обосновывать свои выводы людям, которые не так сильны в своих ментальных способностях»

Бертран Рассел
Образование и здоровое общество

Эйнштейн, большой друг Рассела по противостоянию ядерному вооружению, писал о поднятом Расселом вопросе превосходства умственных способностей ученых, что по настоящему

тяжело совершать открытия, но когда они сделаны усвоить уже готовый материал о законах природы способен каждый студент. Со временем различия в умственных способностях людей несомненно нивелируются и научный контроль будет состоять в поисках интеллектуальной элиты, как думал Рассел, а в наличии открытых законов природы, общей истины, доступной всем. Доктрины «верховенства права», которая в данном случае выражает законы природы.

Теория тождества науки и народного управления у Рассела нашла свое выражение в призыве разделения научного и юридического контролей, в необходимости сделать систему образования независимой от пропаганды властей (о чем он много писал), а также о том, что система образования должна быть абсолютно объективной, не подвергаться националистическим и патриотическим искажениям. И как все последователи теории научного контроля, как Конт, Спенсер, Милль, Кропоткин, Герцен, Платон, Цицерон, Прудон и др он видит благополучие общества, его здоровье не в совершенстве юридических форм, которые невозможны, а в развитии науки и знания, в становлении психологии и этики.

> *«Я знаю что идея о том, что знания которые дают детям должны быть по возможности истины это очень подрывная идея и даже в некоторых случаях криминальная. Но я не могу противиться убеждению, что обучение лучше когда оно обучает истине чем когда лжи. Историю должны преподавать совершенно одинаково во всем мире, а учебники истории должны быть написаны Лигой наций, при участии ассистентов из США и СССР. История должна быть прежде всего мировой историей, а не национальной, и должна делать акцент на проблемах культурного развития, а вовсе не на войнах.*
> *Наш мир — сумасшедший мир. С 1914 он перестал быть конструктивным, потому что люди отказались слушать свой разум в создании международного сотрудничества, но настаивают на разделении человеческого рода на враждебные группы. Коллективной неудачей воспользоваться человеческим разумом для самосохранения мы обязаны в основном нездоровым и разрушительным импульсам, которые скрываются в бессознательном тех, чьим воспитанием злоупотребили в ранние годы и в отрочестве. Несмотря на продолжающийся*

> *рост технического оснащения производства мы все становимся беднее. Несмотря на то, что мы все хорошо знакомы с ужасами войны, мы продолжаем воспитывать в детях сантименты, которые сделают войну неизбежной. Несмотря на развитие наук, мы отказываемся от рационального мировоззрения в пользу предрассудков. Несмотря на все возрастающую власть человека над природой, большинство людей находят себя в более безнадежном положении и чувствуют себя слабее, чем люди чувствовали себя в средние века. Причина всего этого находится не во внешнем мире, и не в нашем сознание, так как мы заем больше, чем людям когда-либо доводилось знать. Она находится в наших страстях; она находится в наших эмоциональных привычках; она находится в сантиментах, внушенных нам в детстве, и в фобиях, возникших в детстве. Избавится от наших проблем мы можем только излечив людей от помешательства, и чтобы люди научились здраво мыслить, они должны быть здраво образованны»*

Образование и общественный порядок
Рассел

> *«Если бы наличное знание было использовано и опробованные методы применены, мы могли бы за одно поколение получить популяцию почти полностью свободных от болезней, зла и глупости людей. Одно поколение бесстрашных женщин могло бы изменить мир путем рождения и воспитания бесстрашных детей, с не искаженной неестественно сущностью, но справедливых и искренних, благородных, свободных, и с чутким сердцем. Эта энергия устранила бы жестокость и боль, которым мы подвержены из-за нашей лени, трусости, эгоизма и трусости»*

К. Тейт «Мой отец Бертран Рассел»

Можно видеть, что самый очевидный вывод из теории естественного права о тождестве научного и народного суверенитетов и о второстепенном и промежуточном характере юридизма не был сделан только в силу крайней неразвитости и даже запущенности социальной науки. Законы человеческой природы понимались как некая общая этика, потребность в справедливости, в свободе мысли, слова и совести, но не как развернутая наука о человеческой природе. Еще у Конта мы видим остатки этих предрассудков, когда он науку о психике человека разделил на социологию и этику и объ-

явил основным законом развития общества «этический закон» движения от эгоизма к альтруизму. Даже Рассел писал о том, что не видит как можно было бы создать объективную науку об обществе подобной физическим наукам, и что если нашелся бы такой метод, он был бы бесконечно счастлив. Поэтому его теория научного контроля приобрела несколько вульгарный и уязвимый характер с точки зрения критики «интеллектуальной элиты» принимающей правильный решения вместо обычной науки открывающей общие для всех законы психики и одинаково общедоступные пониманию среднеобразованных людей. Понятно, что без серьезной научной методологии, без перехода к энергетическому анализу психики трудно говорить всерьез о социальной науке как идентичной и равной прочим естественным наукам в способности открывать, познавать и контролировать законы природы, в данном случае законы психики человека.

ГЛАВА 12. СУБЪЕКТИВИЗМ И БЕЗЗАЩИТНОСТЬ ИНТЕЛЛЕКТА. БОРЬБА СО ЗЛОМ ДАЖЕ НЕ НАЧИНАЛАСЬ

1. ВЕРХОВЕНСТВО ПРАВА И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АБСОЛЮТИЗМ

В современной философии права принято смотреть снисходительно на безобразный произвол теории государственного абсолютизма, развиваемой последовательно Макиавелли, Боденом и Гоббсом. Историки права пишут о теории государственного суверенитета, как предтечи современного правового государства, как начального шага в победоносном шествии верховенства права, которое и составляет самую суть современного правового государства. Верховенство права.

Ничего, что сами теоретики государственного абсолютизма рассматривают верховенство права как прямую противоположность своей теории, и не только исключают народ из какого-либо законотворчества, но и настаивают на том, что суверен не несет никакой юридической ответственности перед народом, то есть сам не подчиняется тем законам, которые изобретает для народа.

Это все, так сказать, мелочи. Важно, что созидая центр мощной единой власти, они созидают базис для верховенства права, поскольку только единая высшая сила может подчинить всех единому праву. Такова логика современной философии права.

Тот простой аспект, что сам факт появления центра единой власти автоматически делит общество на полюса субъекта и объекта власти, на «властвующих и подвластных», на господ и рабов нисколько не смущает этих теоретиков. Они продолжают говорить о необходимости государственного суверенитета для торжества идеи верховенства права.

Считается, что центр единой власти, которая уравнивает всех граждан перед законом — это только первый шаг в становлении правового государства. Следующий состоит в том, что власть также подчиняется закону, уравнивая отношения граждан и власти. Однако, верховенство права уже не есть верховенство власти. Разделение властей и народное представительство в законотворчестве, которые предполагает верховенство права, противопоставляет суверенитету государства суверенитет народа.

Но современная философия права продолжает утверждать, что государственный суверенитет и народный суверенитет вовсе не являются антагонистичными понятиями, которые исключают друг друга, что напротив они предполагают и дополняют друг друга. И дальше в том же роде: единство субъекта и объекта власти, народный суверенитет как источник государственного суверенитета — все те логические и практические противоречия, о которых мы уже подробно говорили в предыдущей главе.

Это издержки отсутствия научного подхода в современном социальном анализе. В обществе возможны только две полноценные устойчивые системы управления — деспотия, с абсолютной властью тирана, то есть система голого насилия, «физический», силовой контроль.

Или самоуправление народа, основанное на знаниях законов природы и на институтах образования и науки. Понятно, что до последней, научной системы управления еще человечество не дошло. Также очевидно, что юридизм как промежуточная, переходная система в этих условиях совершенно необходим.

Однако, юридизм (в данном случае современная демократия с разделением властей и народным представительством в зако-

нотворчестве) совмещает в себе элементы обеих систем управления — научной и деспотической (силовой). Поэтому это нестабильная, неустойчивая система, которая будет клониться либо к устойчивости деспотии, либо к устойчивости научного управления обществом.

Чтобы остановить тяготение назад, к деспотии тиранического угнетения общества, и предотвратить сползание государства к его полицейскому первообразу необходимо понимание того, что институты демократии имеют своим источником научное управление. Народный суверенитет, воля народа — это все ничего не значащие слова если только они не выражают подобно теоретикам естественного права мысль об общей природе человечества, выраженной в законах этики, в морали, в психологии. И что именно эти законы природы должны быть в основе, в фундаменте любого законотворчества любого государства.

Поэтому античные институты демократии и институты демократии нового времени (разделение властей, народное представительство, парламентаризм) должны быть дополнены разделением научного и юридического управления обществом, а также участием научных институтов в законотворчестве страны.

Только в этом случае можно говорить о том, что власть, являясь субъектом юридического управления обществом, остается объектом научного контроля. А субъектом научного управления (контроля) является народ и его научные институты (наука объективна и истина одна на все человечество). Это и будет гарантией того, что элементы силового управления общества находятся под контролем и что это предотвратит сползание государства назад к деспотии военного абсолютизма. Только в этом случае можно ожидать, что со временем демократии как смешанные формы управление (силовых и научных элементов) разовьются в свою окончательную научную форму управления, «позитивную стадию», как ее называл Конт.

О неустойчивости современных демократических систем, равно как и античных говорит вся история человечества. Уже античным демократиям постоянно противостояли тирании, перио-

дически сменявшие демократические режимы на протяжение всей греческой истории. Вот что пишет по этому поводу Бертран Рассел в Истории западной философии:

> *«В большинстве греческих городов, и особенно в городах Сицилии, имел место постоянный конфликт между демократией и тиранией. Вожди той и другой партий в моменты поражения подвергались казни или изгнанию. Изгнанники редко стеснялись вступать в переговоры с врагами Греции — Персией на Востоке и Карфагеном на Западе»*
> *«В Греции революции были столь же часты, как недавно в Латинской Америке. ...Олигархи, по-видимому, были весьма энергичными людьми. В некоторых городах, оказывается, они давали такую клятву: «Я неизменно буду врагом народа и буду причинять ему такой вред, какой только смогу».*

Современные реакционеры не так откровенны»

> *«Демократическое движение, начатое Гракхами во второй половине II века до н.э., повело к целому ряду гражданских войн, и, наконец, как часто бывало в Греции, к установлению «тирании». Любопытно проследить повторение в столь широких масштабах тех событий, которые в Греции не выходили за пределы небольших зон. Август, наследник и приемный сын Юлия Цезаря, царствовавший с 30 года до н.э. по 14 год н.э., положил конец гражданской борьбе и (за малым исключением) внешним завоевательным войнам. Впервые с начала греческой цивилизации античный мир наслаждался миром и безопасностью.*
> *Два факта разрушили греческую политическую систему: первый — притязания каждого города на абсолютный суверенитет, и второй — ожесточенная, кровавая борьба между богатыми и бедными в большинстве городов»*

Бертран Рассел История западной философии

> *«Оба злосчастья, о которых идет речь, были, по сути дела, „двумя сторонами одной медали“ — они порождались отсутствием единства, постоянной борьбой. Проявлялась эта борьба и на внутриполисном, и на межполисном уровнях. Надо сказать, что почти каждое эллинское государство разъедалось междоусобной распрей, которую сами греки обозначали термином стасис. Соперничали друг с другом за власть и влияние различные группировки аристократов; из этой*

> *конкуренции, как мы знаем, могли вырастать жестокие режимы тирании»*

Суриков Пифагор

Тут надо заметить, что речь идет не о какой-то там феодальной анархии, а о развитом античном государстве, представлявшем по выражению Новгородцева «единую гражданскую общину» с единым центром управления обществом. Собственно, римская республика наследовала греческим полисам, и стала источником ее знаменитого римского права, легшего в основу всей современной европейской системы права.

Действительно, Рим повторил судьбу Греции не только в постоянных гражданских войнах, которые в конечном итоге уничтожили республику и утвердили тиранию Империи, но и конечной трагической судьбой своей государственности.

О тяготении современных демократий к авторитарным системам силового угнетения народа написано множество бестселлеров, таких как «Американская республика» Джеймса Брайса, «Консерваторы без совести» Джона Дина, «Влияние науки на общество» Бертрана Рассела, «Новый военный гуманизм» Ноама Хомского, «Исповедь экономического убийцы» Джона Перкинса, «Старый порядок и революция» Токвиля, «Циклы американской истории» Артура Шлезингера, «Иметь или быть», «Здоровое общество» Эриха Фромма, «Построенные на веки» Джефри Пораса и Джона Коллинза, «Подчинение авторитету» Стенли Милграма, «Как бы поступил Макиавелли» Стивена Бинга, «48 законов власти» Роберта Грина, «Нерассказанная история Америки» Оливера Стоуна и др

Артур Шлезингер, экс-советник президента Кеннеди, в своей книге «циклы американской истории» приходит к выводу о противоборстве двух сил, составляющих существо политической жизни страны — консервативной и демократической. О том же по существу мемуары Джона Дина, советника другого известного президента Никсона (Уотергейт), назвавшего свою книгу аллюзией на книгу известного консерватора «Совесть консерватора» — «Консерваторы без совести». Он иллюстриру-

ет исследование авторитарной личности Теодора Адорно фактами собственной политической жизни, где ему пришлось много общаться с представителями обоих политических движений.

Как бы то ни было, борьба силовых (консервативных) элементов в управлении обществом с научными элементами (демократическими) всегда сосредотачивается вокруг идеи верховенства права.

Первые стремятся отменить и обойти эту идею, и обязательно ссылаются при этом на Макиавелли, Бодена и Гоббса, утверждавших полный законодательный произвол власти. Еще со времен Карла Первого, не сдававшегося в своей борьбе с Кромвелем и парламентом за абсолютизм власти все монархи до последнего оттягивали необходимость признания конституции и таким образом, уступки абсолютизма власти в пользу верховенства права. Так было и с французскими и с русскими царями, пока наконец для всех не стало очевидностью, что самодержавие стало прошлым. Однако, как Боден, так и Гоббс не признавали конституционной монархии, так как считали ее правлением народа, уничтожающим государственный суверенитет.

Потом непременно вспоминают Канта и Гегеля, которые доказали, что народ существует только как «лицо монарха»: «в народе, который мы не представляем себе ни как патриархальное племя, ни как пребывающий в неразвитом состоянии... а мыслим как внутри себя развитую, истинно органическую тотальность, суверенитет выступает как личность целого, а она в соответствующей ее понятию реальности выступает как *лицо монарха»*. Карл Шмитт, личный юрист Третьего Рейха пишет, что суверенитет — это РЕШЕНИЯ суверена, а вовсе не право, вовсе не общие для всех нормы как вы подумали. По этому поводу его много цитируют пропутинские теоретики государственного абсолютизма.

Наконец, Маркс и Ленин продолжили традицию противопоставления силы и права, заявив, что демократия — ничто, а государство как «машина для насилия» господствующего класса —

все. Макс Вебер хвалит коммунистов за откровение, и цитирует Троцкого о том, что государство есть и может быть только системой насилия.

Научные элементы в противовес силовым элементам всякими путями стремятся поставить между властью и народом право, общие и равно для всех обязательные законы. Особенно отчетливо эта тенденция проявилась в таких эпохальных сочинениях как «О законах» Цицерона, «Трактат о правительстве» Джона Локка, «Рассуждения о правительстве» Олджернона Сиднея, «Защита английского народа», «Ареопагетика» Джона Смита, «Права человека» Томаса Пейна, «Общественный договор» Руссо, «О духе законов» Монтескье, «Эскиз исторического развития человеческого разума» Жана Кондорсе, «О праве войны и мира» Гуго Гроция, «О свободе» Милля, «Что такое собственность» Прудона, «Мои эксперименты с истиной» Ганди и др

Новгородцев пишет, что уже первые протестанты своими трудами сделали различие между королем, соблюдающим общий закон и тираном, презирающим его — общим местом.

> *«Правители, отнимая эту свободу, являются нарушителями исконных прав народа, они перестают быть королями и становятся тиранами. Готман указывает на Людовика XI как на того короля, который первый стал нарушать добрые законы предков; это и создало глубокую рану, послужившую началом всех бедствий. У Юния Брута, как и у Готмана, понятие о народном верховенстве, которое они противопоставляют королевскому абсолютизму, сводится к понятию об известном представительстве из высших сословий и сановников. Радикализм Брута сводится к тому, что он признает восстание за органическое явление государственной жизни и возводит его до степени права. Формулируя кратко свое воззрение, он утверждает, что повиноваться следует только князьям, которые исполняют закон; тиранам же, которые его нарушают, следует сопротивляться. Это различие между князем и тираном становится ходячим местом в публицистике XVI в. Для восстающих партий оно служит предлогом к оправданию их восстания»*

П. Новгородцев Лекции по истории философии права

Как можно видеть задолго до знаменитого трактата о правительстве Локка, послужившего источником вдохновения для Руссо и Монтескье, различие между королем и тираном понималось как признание или непризнание верховенства народного законотворчества. И не Локк и не Руссо первыми признали право народа на восстание, в случае если король обернется тираном и не станет уважать верховенство народного права.

Однако, как показывает история восстание как способ борьбы за истину, за справедливость не только неоправданно затратно, и но и малоэффективно. Со временем эффективность борьбы с тиранией только отметкой в конституции о праве народа на восстание и проведение митингов вообще клонится к нулю. Бертран Рассел пишет по этому поводу в «Воздействие науки на общество» (The impact of science on society), что по мере развития техники в руках власти сосредотачивается все больше средств воздействия на массы, прежде всего военного и химического оружия, так что если военных причислят к элите финансово и в привилегиях, то он не видит каким образом вообще какое-то восстание станет возможным. В качестве примера он приводит случай из жизни, когда во время его пребываниях в гостях на американской ферме было отключено электричество и что всего за сутки стало ясно, что если бы это была намеренная атака власти, то уже через неделю им пришлось бы сдаться на милость победителя. В этой связи он вспоминает летающий острой ученых у Свифта, который закрывал бунтовавшим доступ к солнечному свету.

Действительно, если есть способ борьбы со стремлением всякой власти к абсолютизму, то он может быть только в поддержке идеи верховенства права — социальной наукой, открытием законов природы, управляющих обществом, которые одни только могут быть источником права.

Однако, как мы знаем, современная социальная философия уничтожила на корню самое понятие социальной науки, противопоставив ей юриспруденцию как самостоятельную науку, как отказ признавать законы природы в обществе.

В данной работе я старалась показать, что и социология и психология в своем нынешнем виде научно несостоятельны, и что необходим энергетический подход, чтобы сделать социальный анализ действительно научным. Что на пути современной науки стоят такие ложные авторитеты, как Кант и Гегель, Маркс и Ленин, Риккерт и Дильтей, Дюркгейм и Вебер, Шопенгауэр и Гуссерль, Ницше и Сартр, Шпенглер и Тойнби, Поппер и Хайек, Макиавелли и Шмитт, Боден и Гоббс.

Чтобы социальная наука стала возможна необходимо преодолеть барьер, созданный ложными теориями этих мыслителей, отрицавших социальную науку и поставивших на ее место произвол юридизма.

2. ОТРИЦАНИЕ ВЕРХОВЕНСТВА ПРАВА В ПРОПУТИНСКОЙ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО АБСОЛЮТИЗМА

Принято считать, что современный путинизм как идеология (в своем полном виде представленный в предлагаемой Грачевым теории происхождения суверенитета, а также в «Революции консерваторов» В. Соловьева и идеологической истории В. Мединского, «Интервью с Путиным» Оливера Стоуна) есть некое самобытное явление, произрастающее из тиранических свойств и невежества авторов этого течения. Поэтому данная идеология и ее первосвященники приняли со временем несколько демонизированный образ в силу своей неожиданной устойчивости к критике.

В этой работе я постаралась доказать, что объяснение не в демонизме «теоретиков», а в кризисной, прямо таки катастрофической ситуации в современной социальной науке, которая позволяет оправдывать и обосновывать положения любой степени ирреальности, иррациональнасти и безнравственности. Социальной науки не существует.

Но это только половина беды. Вторая половина заключается в том, что существует лженаука, которая препятствует зарождению и становлению настоящей науки. Как только этот факт

удастся довести до сознания ученой интеллигенции и со временем всего народа и становление науки примет необратимый ход — все злокачественные образования, и в том числе мифотворчество пропутинских метафизиков Верховной Власти исчезнут сами собой. Дело не в индивидуальностях, дело в состоянии науки.

Можно видеть по приведенным ниже цитатам, что пропутинская теория суверенитета в полной гармонии с ведущими теоретиками современной социальной философии (Бодена, Гоббса, Вебера, Ницше, Шмитта, Гегеля) также доказывает, что не власть имеет своим источником право, а наоборот, власть является инициатором и генератором всякого права. Сама идея верховенства права представляется авторам теории оскорбительной в связи с «трансцендентным», «сакральным» происхождением «священной» Верховной Власти.

Критический вопрос теории суверенитета о соотношении власти и права категорически разрешается в пользу Верховной Власти, устраняя тем самым все элементы научного контроля для возвращения к абсолютной деспотии. Отсюда и определение Государства:

> *«Государство возникает тогда, когда уже фактически сложившаяся Верховная Власть устанавливает свое господство над населением, занимающим определенную территорию»*

Н. Грачев Происхождение суверенитета

«Основой власти выступают отношения неравенства и зависимости между субъектом и объектом властного воздействия, проявляемого во властеотношениях. Из этого вытекает, что «невозможно осуществлять власть над самим собой» и в обществе, государстве всегда существуют те, кто обладает властью, и те, кто им подчиняется, властвующие и подвластные, управляющие и управляемые. Это тем более относится к государственной власти.

> *Современное государствоведение признает, что теория суверенитета в разработанном виде была сформулирована во второй половине*

XVI века французским легистом Ж. Боденом. Его справедливо называют отцом этой теории. Ж. Боден определяет суверенитет как не ограниченную законами верховную власть над гражданами и подданными, постоянную и абсолютную власть государства, наивысшую власть распоряжаться. Такая власть, по его мнению, является необходимым атрибутом любого государства и выступает определяющим условием его существования

Право создается или признается государством и почти во всех своих сущностных качествах зависит от воли правящей элиты, от тех целей и задач, которые она ставит перед государством на том или ином этапе его развития. Роль права и его значение заключаются в упорядочении, стабилизации и воспроизводстве господствующих общественных отношений, «в замирении социальной среды» внутри государственно организованного общества, установлении и поддержании определенного стабильного порядка в нем. Но в любом обществе порядок общежития задается властвующей элитой. От правящих классов, сословий, групп, партий зависят содержание права и его роль, так как право — не единственный способ регулирования общественных отношений и создания «замиренной среды». Все это свидетельствует о приоритете политического над правовым в жизни государств на всем протяжении человеческой истории, или, говоря иначе, о приоритете государственной власти над правом, производности права от государства и государственной власти, которая и выступает основанием законности тех или иных правил и оценки тех или иных деяний в обществе.

Так как основной внутренней функцией государственной власти (если исходить из основной цели государства — обеспечение общего блага и общих интересов) является установление, поддержание и охрана общественного и правового порядка, то ей принадлежит монопольное, т. е. исключительное, безраздельное право на принуждение; узаконенное, «легитимное физическое насилие» а также суждение о том, ради каких целей подобает к нему прибегать. Именно государственная власть посредством своих органов нормативно определяет: объем прав всех субъектов общественных отношений; основания и условия их ограничения и даже отчуждения; юридические обязанности и запреты, а также меры принуждения и ответственности в случае их неисполнения или нарушения. Поэтому положение физических лиц, корпораций и союзов по отношению к государственной власти Р. Иеринг называет подданством, а положение последней относительно них определяет как верховенство

Элемент решения в понятие суверенитета был внесен Ж. Боденом. Это вытекает, как подчеркивает К. Шмитт, из правомочия носи-

теля верховной власти изменять или вовсе упразднять законы сообразно потребностям данного случая, времени и лиц. Другими словами, носителем суверенитета или той самой высшей точкой, высшим центром действия, верховной властью является тот субъект властной деятельности, которому принадлежит право на окончательные решения по наиболее важным, значимым вопросам жизни государства, тот, который обладает монополией на эти последние решения. В конечном счете, в этом и «состоит сущность суверенитета, который, — по мысли К. Шмитта, — юридически должен правильно определяться не как властная монополия или монополия принуждения, но как монополия решения. Отсюда утверждение К. Шмитта: «Суверенен тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении». Сам же государственный и правовой порядок, по его мнению, покоится всегда на решении, а не на норме. Еще вернее будет сказать, что норма всегда основывается на решении суверена, на его ***абсолютно самопроизвольном конституирующем действии, именующем причину и источник в себе самом.*** *Поэтому Боден определяет суверена как* ***«хозяина закона»,*** *а русский юрист Казанский называет его Верховным Судией в делах законодательных. Верховная Власть, таким образом, есть «власть главных решений в делах государства, как тех, которые состоят в установлении общих правил, так и тех, которые касаются отдельных важных явлений в жизни государства и народа». Это, во-первых, власть* ***правообразующая,*** *в том числе* ***учредительная.*** *А во-вторых — власть крайняя и* ***чрезвычайная.*** *Закон устанавливается для общества, граждан, подданных, но вовсе не связывает суверена, не ограничивает его властной способности, его воли. «Король не может* ***дать*** *себе закона или командовать собой… не может быть подданным своих законов», — писал Боден. Юридически Верховная Власть ничем и никем не ограничена, не имеет в этом отношении никаких пределов — это правило является общим местом почти у всех отечественных и зарубежных авторов дореволюционного периода и у советских правоведов. Верховная власть «не знает над собой никакой высшей власти, а поэтому и не знает никаких норм, которые были бы внешне обязательными для нее.*

Согласно М. Веберу, существует три вида легитимного признания власти:

1. Обусловленное исключительно аффективно-эмоциональной преданностью носителю Верховной Власти, когда мотивом ее призна-

ния является вера в необычайные, сверхъестественные качества верховного властителя (харизматический тип господства, харизматическая легитимность).
2. Обусловлено религиозной верой в зависимость различных благ и спасения от сохранения данного порядка, когда признание верховной власти основывается на убежденности в законности, но и в святости носителей верховенства и издревле существующих правил и норм (традиционная легитимность).
3. Обусловленная ценностно-рациональной верой в абсолютную значимость порядка в качестве выражения высочайших непреложных ценностей, охранителем которых является данная Верховная Власть (легальная или целерациональная легитимность). Но вне зависимости от типа легитимности верховной власти любые государства достигают пика своего расцвета и могущества только потому, что их учреждения и носители верховной власти представляются подданным или гражданами носителями высшей правды и справедливости

Однако определенная степень единства любого социального организма предполагает иерархичность его строения и внутреннейорганизации. Исходя из религиозных традиций, иерархия есть такая градация социальных статусов, такой лестничный принцип и строй, где все ступени определены их близостью к Богу, который и есть источник любого земного авторитета, любой власти и силы, связывающий мир в единое целое. Афоризм апостола Павла — «нет власти не от Бога; существующие власти от Бога установлены» — как бы закрепляет status quo, в котором постоянно пребывает всякая власть. Иерархия есть непременный атрибут любой власти. В переводе с древнегреческого «иерархия» означает «священная власть». Не случайно в традиционных обществах Древности и Средневековья было принято признавать священный характер верховной власти государства. Здесь «слово суверенный... обозначает нечто смежное с сакральным», а сама верховная власть государства являлась в то же самое время общественным авторитетом (auctorites).
Метафизический уровень — значит находящийся за пределами физического мира, трансцендентный — то есть данный «свыше» и потому являющийся для всех частей и граждан государства сакральным, освященным и распространяющим свою святость на Верховную Власть и ее носителей. Эта сакральность, освященность есть общий имманентный признак подлинной, настоящей Верховной Власти, позволяющий ей устанавливать и поддерживать государственно-правовой порядок без принуждения и насилия, во всяком случае, постоянного или длительного. В авторитете Верховной Власти проявляется и вы-

ражается такое ее свойство, как ***легитимность.*** *Это ее главное, основное качество, из которого вытекают все остальные ее признаки. Легитимной является власть, признаваемая гражданами и подданными законной, правомерной. Но законность и правомерность власти оценивается ими не по формально-юридическим критериям, а в основном психологически, эмоционально-аффективно. Легитимность — это внутреннее эмоциональное отношение к власти, основанное на вере «в право того или иного политического актора на властвование».*

Такое отношение показывает степень готовности населения подчиняться нормативному регулированию и дискреционным решениям верховной власти. Естественно, что эта степень будет тем выше, чем более учитывается властью психология, и архетипы, и стереотипы поведения управляемых этнических и социальных групп, их верования, традиции, нравы, ценностные ориентации»

Н. Грачев Происхождение суверенитета

На протяжении всего священного трактата откровенно проводится мысль о манипулированием сознанием масс, их «психологическими», «эмоциональными» особенностями, мистикой и «архетипами» бессознательного. Подчеркивается, что никакого разумного, основанного на интеллекте контакта, тем более научной дискуссии с народом нет и быть не может, но можно и должно манипулировать сознанием масс психологически.

«При этом под могуществом понимается не только материальная (военная, экономическая и т.п.) мощь, но и духовная сила нации. Эта сила проявляется и осуществляется с помощью идей. Но идей не как абстрактных понятий, а как фактических жизненных принципов, «идей-сил, мифов, направленных на пробуждение энергии социальных движений и течении народной жизни посредством различных моральных, эмоциональных, религиозных и традиционных видов внушения, могущих воздействовать на массы». Идеи действенны лишь тогда, когда овладевают массами. Придать же идеям ценность, могущество и оправданность в глазахшироких народных масс, тем более таким трансцендентным и безличным, как идеи «отечества», «государства», «нации», «империи», может только тот, чье превосходство покоится на сверхъестественных, сверхчеловеческих, божественных качествах, намного превышающих силы обычных людей и вещей. Лишь созидающий Герой, обладающий внут-

ренним светом «фарн», пребывающей в нем харизматической силой, царским величием, может «выравнивать, отличать, составлять, использовать, уничтожать или подрывать «гипнотический потенциал», которым обладают различные идеи. Поэтому государство — это всегда иерархически упорядоченное единство народа.

В сознании людей традиционного общества государство и государственная власть имеют происхождение мистически-религиозное, всегда связанное с именем такого единоличного властителя. Хотя процесс образования государственности занимает длительное время, сам момент появления конкретного государства на исторической сцене выглядит как некий скачок, революционный взрыв в доселе плавно-эволюционном развитии этноса. Это всегда некое «чудо», божественный всплеск, воля провидения. Но видимой причиной этого «чуда» всегда выступает Сверхчеловек, Человек-Герой, причастный небесному огню хварно, обладатель харизмы, особой божественной благодати и наделенный свыше качествами, намного превышающими человеческую ограниченность и дающими ему силу для актуализации (проявления) и реализации суверенитета, как высшего жизненного символа народной жизни.

Человек, в данном контексте, пользуясь словами ницшевского Заратустры, «есть нечто, что должно превзойти (преодолеть. — Г. Н.) ...сверхчеловек — смысл земли»

Н. Грачев Происхождение суверенитета

При всей ограниченности философии Ницше сам он был достаточно тонким человеком, чтобы прочувствовать глубокую фальшь, присутствующую в этом тексте, апеллирующему к народному благу, а целью ставящую «одурение народа», как писал Толстой и его порабощение.

Далее идеологи обосновывают очень модную и широко признаваемую неокантианцами идею о том, что разум, интеллект, рационализм, наука неподходящие понятия для анализа мировой истории. Человеком и всем историческим процессом движут мифы и эмоции, но ничего похожего на разум. В этой связи мистика абориген обретает статус «религиозно-мифологических традиций нации», а бредовый страх сверхъестественных сил

статус «духовно-нравственных ценностей государствообразующего народа». За что отдельное спасибо Дюркгейму, доказывавшему с пеной у рта, что мистика абориген не является бредом и патологией и что «сакральность» ее характера имеет вполне рациональное объяснение как ощущение сильного притока энергии от единства с обществом. В общем, дал «научное» оправдание и обоснование патологии мистики, которую авторы данной теории уже трактуют как единственно легитимные «источники права». Бред, в основе которого страх и поклонение обожествляемым тотемам — пожалуйста, но никакого разума, никакой науки!

> *«В самую раннюю эпоху своего бытия такой этнос имеет все главнейшие нравственные основы собственной национальности жизни в своей мифологии, которая находится в теснейшей связи с верованиями, обычаями, нравами, обрядами и первобытным правом. Решительный толчок мифотворчеству дает религия, и древнейшие мифы, сопровождаемые обрядами, стоят на пути созидания языка, культуры различных социальных институтов и первобытного права. По существу, «в традиционных обществах миф выполняет роль закона». Посредством комплекса нормативных предложений, высказанных в своем содержании и имеющих цель восстановить порядок, нарушаемый силами хаоса, миф утверждает само существование общества, объединяет людей в единый этносоциальный организм, устанавливая в нем иерархию взаимодополняемых групп. Следовательно, «миф отражает процесс становления — в природе и обществе». Он отражает фундаментальные черты происхождения современной реальности и оказывается одним из важнейших условий и причин становления и развития государственности.*
>
> *На пороге Нового времени зарождается идея прогресса, то есть представления о возможности принципиального улучшения окружающей действительности посредством человеческого разума и рациональной деятельности людей, о поступательном, в целом, ходе развития общества, необходимости радикального переустройства общественных отношений путем создания более совершенной политической организации на рациональных началах. Как считают многие современные философы, убеждение в прогрессивном, поступательном характере развития человечества со своей содержательной стороны было не чем иным, как мифом Нового времени, получившим широкое*

распространение в связи с развитием буржуазных отношений, распространением материалистического мировоззрения и атеизма, как замены, или, вернее, подмены, религиозной системы ценностей. До этого в сознании людей господствующим был противоположный миф, согласно которому «Золотой век» относился к прошлому, к «первичным временам», «правремени» Божественного сотворения мира, когда человек еще не отошел далеко, не отделился от своего Творца. На земле господствовал идеальный миропорядок и социум не был подвержен инволюции и деградации. В то время люди поддерживали Божественные установления с помощью передачи ***сакральной традиции*** *на основе мифа, обряда и ритуала. В этом смысле, до рубежа XVI-XVII столетий все общественные системы и государственные образования можно отнести к традиционным, то есть таким, в которых первостепенным регулятором общественных отношений и основой социально-политических установлений выступает традиционное (обычное) право, нормы которого носят одновременно религиозно-нравственный характер, ведут свое начало, происхождение от Божественного первопредка или культурного Героя, постоянно воспроизводятся в общественной практике как сакральная традиция, господствуют в сознании как универсальные и неизменные святыни, действительно либо мнимо существующие с примордиальных времен.*

Отсюда — основным содержанием сакральной традиции является передаваемая из поколения в поколение совокупность священных знаний, мифов, «облегчающих понимание имманентных принципов вселенского порядка, поскольку человек не в силах сам определить смысл своего бытия». С этой точки зрения, любая традиционная культура мифологична, а мифология традиционна, а саму традицию можно понимать как «закрепленную в опыте и освященную временем мифологическую парадигму». Традиция составляет духовно-нравственную основу всякого здорового общества и может рассматриваться как «духовные узлы», связывающие предыдущие и последующие поколения посредством передачи «первозданной мудрости», из которой «черпало свои силы архаическое мироустройство» в период «Золотого века»

Не принимая буквально аллегорические образы многовековых преданий о «Золотом веке», следует отметить главное: наличие в них представлений «об изначальном «социуме» как об обществе идеальных людей, подобных Богам». И это богоподобие (но не богоравенство) придает всем этим представлениям сакральный характер, указывающий на некий «Божественный порядок», существовавший

когда-то, «во времена Оны», на Земле. И в те изначальные времена, как считает целый ряд традиционалистов, могла существовать только одна социальная группа (сословие, варна), «царская каста» универсальных брахманов (священников), одинаково эффективно работавших как на духовном, так и политико-экономическом уровнях. Это была «каста божественных королей», «волхвов-витязей», синтезирующих в себе священнические (брахманские) и воинские (кшатрийские) начала при доминировании интеллектуально-аналитических качеств характера»

Н. Грачев Происхождение суверенитета

Довольно неожиданный разворот к «интеллектуально-аналитическим качествам характера» у священных представителей Верховной Власти видимо должен говорить об их манипуляторских способностях, особенно способностями пропаганды в психологии масс. Иначе невозможно объяснить обращение к интеллекту у людей, поставивших целью своей книги доказать отсутствие интеллекта у «государствообразующего народа», которому достаточно мифов и господства Верховной Власти.

3. НАУЧНЫЙ КОНТРОЛЬ И НАЧАЛО БОРЬБЫ СО ЗЛОМ

Если современное состояние социальной философии позволяет штамповать подобные теории, представляющие бред первобытной мистики «духовно-нравственной» основой общества, а образы всесильных тотемов этой мистики — богоподобными правителями, то совершенно иначе обстоит дело с научным исследованием, собственно с наукой.

Интеллект лишили всякого основания, заявив, что законов природы не существует и потому познание и контроль общественных процессов на научной основе невозможны. Если нет истины, нет и науки. А если нет науки, то интеллект выбывает с поля действия. Людям, пытающимся разумно анализировать общественные процессы и поставить их под какой-то рациональный, научный контроль приходится признать, что все интел-

лектуальные силы общества парализованы, в нем правят хаос и голое насилие.

Таким образом, тотальный кризис, который поразил все силы разума, силы добра сводится к следующему:

1. Люди интеллекта не могут объединиться в единое сообщество, в то время как им противостоят организованные иерархии левиафанов садомазохизма, они вынуждены жить в этих глубоких патологиях пораженных метастазами страха, бесправия, насилия, невежества, мистики и рабства.

Целью интеллекта всегда является истина, единая истина объективной реальности, законов природы. Если истина есть — то есть и единство интеллекта, который ищет эту истину и посвящает себя ей. Сегодня, когда самый факт существования объективной реальности, законов природы отрицается, нельзя говорить даже о хаосе противоречивых теорий, которые мешают единению разумных людей. Различные гипотезы не являются препятствием на пути поисков истины, а служат только материалом научных исследований. Другое дело самый факт отрицания истины и науки.

Между тем, международное сообщество научного контроля — институт совершенно необходимый для выживания не только самой науки, но и разумных людей ее представляющих.

2. Отсутствие социальной науки парализует ученых в борьбе на теоретическом поле. Как видно из выше приведенного примера, можно написать любую чушь, не просто глупость, но гнусность, как с этической, так и с интеллектуальной точек зрения и при этом оставаться совершенно в русле «научного поля» современной социальной философии. Нет научных, интеллектуальных средств, которые могли бы защитить истину, объявленную несуществующей и наказать лжецов хотя бы только обвинением их во лжи и подлости.

3. Отсутствие социальной науки парализует разумных людей не только в теоретической борьбе со злом, но и в социальной борьбе.

Мы видели, что единственный способ остановить сползание власти к древневосточному абсолютизму — это защита доктрины верховенства права и народного суверенитета, которая невозможна без науки в качестве источника права и определения общей воли народа.

4. Наконец, отсутствие науки означает отсутствие знаний о психике и способности защищать себя от психологического манипулирования, в котором всякая деспотическая власть видит одно из базовых средств угнетения народа. Мы могли видеть что теоретики путинизма несколько не скрывают, что видят свой диалог с народом только через призму психологических манипуляций, а вовсе не как диалог с разумными людьми.

Более того, отсутствие науки о психике не позволяет предупреждать болезни, практиковать психологическую, интеллектуальную профилактику. Эта профилактика сводится в основном к хорошему образованию, развитию критического и научного мышления с одной стороны, а с другой стороны — к блокированию того самого поля мистики и страха сверхъестественных сил, развитие которого ставят своей целью манипуляторы общественным сознанием. В результате, «лечить» принимаются, когда уже ничем помочь нельзя, когда психика разрушена, и потому источником болезни называется «мозг».

Девиз психиатрии — мертвые не болеют. Разрушенную психику «лечат» химическим разложением мозга, а значит и всего организма. Это не просто лженаука, но и преступное учреждение, деятельность которого состоит в легальном химическом отравлении людей. Понятно, какие перспективы открываются из такого положения вещей для «карательной психиатрии», которая, несомненно, имеет все шансы стать популярнейшим инструментом подавления сопротивления масс наглеющего в условиях бесхребетной науки абсолютизма.

Бертран Рассел пишет по этому поводу, что невежество в социальной науке ведет к тому, что достижения в физических науках деструктивны, так как служат злу невежества. Они были бы

конструктивны, если бы служили добру интеллекта, но имеет место обратная ситуация.

> «В общем и целом, можно сказать, что мы в самой гуще состязания между человеческими достижениями в развитии средств и человеческой глупостью в отношении целей, полученных этими средствами. При достаточном уровне глупости каждое достижение в развитие средств, которыми достигаются глупые цели, ведет к беде. Человечество сохранилось до сих пор лишь за счет своего невежества, которое не давало ему доступа к технике; но если к глупости людей добавить знания и технику, мы не можем быть уверены, что оно сохраниться и дальше. Знание — это сила, но это такая же сила для зла, как и для добра. Отсюда следует, что если люди не поднимутся также высоко в мудрости, как они поднялись в знании, развитие знаний будет означать лишь усугубление горя. Ближайшее будущее будет либо значительно лучше, либо значительно хуже прошлого, что проясниться в следующие несколько лет»

Bertrand Russell
The impact of science on society

В результате, прогресс в физических науках и стагнация в социальной науке могут привести к неслыханному до сих пор страданию и боли человечества.

> *«Можно ожидать, что успехи в физиологии и психологии сосредоточат в руках правительств значительно больше контроля над индивидами, чем они сейчас имеют даже в тоталитарных странах. Лучший пример из существующих диктатур система, порожденная Карлом Марксом. Диеты, инъекции и запреты станут использовать с раннего возраста, чтобы произвести разновидность характера и верований, нужные властям, с тем, чтобы никакая серьезная критика власти не стала психологически возможной. Даже если все будут несчастны, они будут считать себя счастливыми, потому что правительство скажет им, что так и есть. Тоталитарное правительство, которое станет использовать научные знания, может сделать страшные вещи. Нацисты были более изощрены в науке, чем предшествующие правители России, и были более склонны к зверствам, о которых я говорю. Говорят, не знаю насколько это правда, что они использовали заключенных концлагерей в качестве материала для различных экспериментов, которые часто вели к смерти от невыносимой боли. Если бы они выжили, скорее всего их сделали бы объектом научной дрессировки.*

> *Нация, которая примет эти методы на вооружение в течении одного поколения получит огромное превосходство в военной силе. Бунт плебса станет столь же невозможен как организованный протест овец против обычая кушать баранину. Рабочие классы будут так долго работать и так мало есть, что их желания вряд ли будут простираться дальше желания поспать и поесть. Высшие классы будут думать только от власти и ради достижения этой цели станут неуязвимы к применению жестокости. Практика жестокости ужесточит сердца и приведет к тому, что все больше и больше страданий жертв будет требоваться зрителям, чтобы получить острые ощущения. Вышеизложенное может казаться всего лишь фантастическим ночным кошмаром. Но я твердо уверен, что если бы нацисты победили, что они в скором времени установили бы в точности такую систему, как я обрисовал. Они бы использовали русских и поляков как роботов, и когда их империя окрепла бы, они стали бы также использовать негров и китайцев. Западные нации принудили бы к сотрудничеству методами, которые они практиковали во Франции с 1941 по 1944 годы. Чтобы предотвратить эти ужасы демократия необходима, но недостаточна. Необходимо то уважение к индивидуумам, которое вдохновило идею Прав Человека»*

Бертран Рассел
Воздействие науки на общество

То есть он возвращается к естественному праву Цицерона, Локка, Пейна, Руссо и, следовательно, к утверждению доктрины верховенства права, которая единственно возможна с утверждением социальной науки.

ГЛАВА 13. ОДНОПОЛЯРНЫЙ НАУЧНЫЙ МИР И ПРАВО НАЦИЙ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ

1. НАРОД КАК ЕДИНАЯ МИФОЛОГИЯ НАЦИИ

> «Бесчисленное множество слов, таких, как «честь», «справедливость», «мораль», «интернационализм», «демократия», «религия», «наука», просто перестали существовать. Их покрывали и тем самым отменяли несколько обобщающих слов. Например, все слова, группировавшиеся вокруг понятий свободы и равенства, содержались в одном слове «мыслепреступление», а слова, группировавшиеся вокруг понятий рационализма и объективности, — в слове «старомыслие»
>
> *Оруэлл 1984*

Теория государственного абсолютизма определяет суверенитет не только как господство верховной власти над народом, но и еще как абсолютную независимость этой власти от всех прочих государств и сообществ. Она исходит при этом из определения народа как уникальной «нации», «этноса», которая в своих культурных и этических традициях противостоит всем прочим народам мира, как другим самобытным отличным от нее

нациям. В этом смысле «свобода нации» — это свобода соответствовать своим отличным от всего прочего мира культурным, цивилизационым, этическим традициям, и потому никакой другой народ не может знать и вмешиваться во внутренние дела «наций», являющихся носителями уникальной «духовности», уникальной гегельяно-шпенглеровской души, цветка, который только сам и знает, как ему цвести, и когда увядать.

Этот подход предполагает совершенно специфическую картину международной демократии как «многополярного мира» различных независимых «центров власти», где каждая власть вольна по своему оценивать и трактовать справедливость, а принцип международной демократии состоит в невмешательстве во внутренние дела такой нации и ее «центра власти». По другому этот принцип международной демократии называют «правом нации на самоопределение». Посмотрим, что хорошего сулит это право и насколько оно в реальности соответствует поддержанию демократии в мире.

Пропутинская теория абсолютизма, опираясь на самые авторитетные источники неокантианства (Гегель, Шпенглер, Вебер) дает следующие определения нации как «уникальной души» этноса.

«Достижение социальной справедливости является абсолютно идеальной (совершенной) целью государственного бытия и составляет высший идеал внутреннего государственного развития. Отсюда, сами понятия правды, справедливости, добра и общего блага не остаются безусловными для всех времен и народов. Они обусловлены историческими и этнопсихологическими условиями (моментами) развития государства.

«*Объединение*, как таковое, — считает Гегель, — есть само истинное содержание и цель, и назначение индивидов состоит в том, чтобы вести всеобщую жизнь». И дальнейшее удовлетворение их потребностей, деятельность и характер поведения «имеют своей исходной точкой и результатом это субстанциональное и общезначимое», т.е. государство, которое Гегель мыслит как *органическую* тотальность. Это субстационaльное един-

ство (целостность, тотальность) и есть, по Гегелю, «абсолютная и неподвижная самоцель» государства, «и эта самоцель обладает высшим правом по отношению к единичным людям, чья высшая *обязанность* состоит в том, чтобы быть членами государства». У Аристотеля также государство есть «самодовлеющее состояние», т.е. имеет цель в себе самом.

Цель государства, как подчеркивают целый ряд исследователей, общая, а не частная — это достижение общего блага, обеспечение общих для всех интересов, интересов общественного целого против угрожающих им частных интересов. «Общее благо — вот формула, в которой кратко выражаются задачи и цели государства»

Государство выступает здесь не просто как главенствующий союз, но **как высшее осуществление правды, справедливости на земле.** *Это и есть его основная идея,* составляющая *внутреннюю* цель развития. В этом состоит и общее благо, а потому государство есть высшее **осуществление идеи добра**

Таким образом, достижение идеальной внутренней цели государства — достижение общего блага, заключающееся на практике в установлении справедливого порядка социальных отношений, может быть основано лишь *на определенном национальном идеале*, вполне *конкретных этносоциальных ценностях*, сохраняющих свою значимость и духовную преемственность на протяжении многих поколений, неизменно проявляющих себя в изменяющихся политических институтах, юридических нормах, формах государственной организации, могущих иметь между собой значительные внешние различия. Исходя из этого, идеалы общей пользы и справедливости весьма условны и вытекают из того, что государство служит некоторым высшим культурным идеалам и ценностям и утверждает себя как учреждение, созданное для их осуществления

Государство будет справедливым, если оно сильно, едино и стабильно. В подобном контексте справедливость ассоциируется в традиционных обществах и учениях не только с порядком, но и с неизменностью, приобретая с самого начала консервативную политическую окраску. Земной порядок должен соответствовать небесному, космическому. Это образец, идеал, архетип, отступление от которого пагубно. Всякие нововведения только искажают его. Не случайно во многих религиозных традициях Верховный Бог выступает как «повелитель постоянства», т.е. эталон традиции, хранитель стабильности и судья при определении соответствия земного порядка «должному», а именно, традиции и нравственному идеалу, которые определяются свыше

Такие ценности представляют собой «центральную зону» культуры всякого государственно организованного общества и содержат в свернутом, обобщенном виде все его традиции, символы, верования, упорядочивают их, определяя тем самым природу сакрального в обществе. Они имеют общесоциальное значение. Только их наличие и делает возможным само существование и воспроизводство нации и государства. Более того, формирование государствообразующего народа и его политическое отделение от других наций происходят исключительно посредством собственного национального, нравственного и политико-правового идеала, который «является зеркалом его собственной национальной идентичности, консолидирующим и скрепляющим началом». Утрачивается национальный идеал — разделяется народ, перекраиваются границы, разрушается государство. Сохранение и воспроизводство национального идеала есть, таким образом, одновременно и гарантия стабильности, и условие проведения модернизации в необходимых для этого случаях.

Отсюда — основным содержанием сакральной традиции является передаваемая из поколения в поколение совокупность священных знаний, мифов, «облегчающих понимание имманент-

ных принципов вселенского порядка, поскольку человек не в силах сам определить смысл своего бытия». С этой точки зрения, любая традиционная культура мифологична, а мифология традиционна, а саму традицию можно понимать как «закрепленную в опыте и освященную временем мифологическую парадигму». Традиция составляет духовно-нравственную основу всякого здорового общества и может рассматриваться как «духовные узлы», связывающие предыдущие и последующие поколения посредством передачи «первозданной мудрости», из которой «черпало свои силы архаическое мироустройство» в период «Золотого века».

Представления о «Золотом веке» содержатся практически во всех религиозно-мифологических (традиционных) системах» Н Грачев Происхождение суверенитета

Можно видеть из приведенных определений, что пропутинская теория абсолютизма всего лишь воспроизводит идеологические схемы, развитые в работах Гегеля, Шпенглера, Вебера (на которые она многократно ссылается). Это теория различных «душ народов», уникальных в своей организменной специфичности, соответствующих конкретному месту и времени, душ пробуждающихся с тем, чтобы подобно организмам пройти этапы зрелости, старения и прийти к своему упадку. Цикличность движения, о которой также вполне определенно заявляет и пропутинская теория абсолютизма.

> *«Для религиозно-мифологического мировоззрения это обращение служит напоминанием о циклическом характере человеческой истории, движении общественно-политического порядка от „Золотого века“ к железному и обязательности восстановления, возвращения „Золотого века“ правды, справедливости и твердого государственного порядка»*

Н. Грачев Происхождение суверенитета

Мы помним, что Дух народа у Гегеля всецело детерминирует сознание индивида, что именно Дух народа является антрополо-

гической единицей, организмом, который живет и развивается, первофеноменом, характеристики которого и есть характеристики идеи и этики данного общества. Аналогично совершенно Шпенглер трактует свою Душу Цивилизации, выводя индивида из целостной характеристики этой души всего лишь как некий точный слепок. Институты общества у Дюркгейма являются такой же идеальной системой, характеризующей общество как единый организм и его объективные потребности выживания, а индивидов только как пользователей и потребителей этой идеальной системы, всецело детерминирующей их сознание. И хотя Дюркгейм нигде не говорит этого прямо его общество также превращается в суперличность, которой у Гегеля и Шпенглера выступает Душа народов.

Соответственно, это та же теория относительности добра и зла, релятивистской этики, которая берет начало в отрицании разума, законов природы человека и этики как познания этих законов природы единой человеческой природы. Это обоснование ничтожности индивидов, цель, смысл и существование которых всецело определяются теми конкретными социальными институтами, которые составляют традиции этих обществ, как носителей уникальной культуры национальных «душ народов».

Пропутинской теории абсолютизма остается только ссылаться на авторитетные «научные источники», трактуя уже на страницах юридического «научного труда» соответствующие определения наций как истину в конечной инстанции, хотя мы видели, как много ученых противостоит этим позициям неокантианцев. Но мы помним, что положительное право трактует юридизм как самостоятельную науку.

Нетрудно видеть выводы, которые следуют из этой теории народов как носителей уникальных культур, единением которых служит «единая мифология национальной души».

1. Мифология «Золотого века», «предания святой старины» — это безусловно первобытное сознание, то самое поле мистики, о котором столько писали Леви-Брюль и Дюркгейм в сво-

их работах о первобытных обществах, цитаты из которых мы широко цитировали в предыдущих главах.

Мы уже знаем какой «Золотой век» представляют собой страх сверхъестественных сил абориген и развившийся на его основе тотемизм.

2. А в чем состоит существо, смысл и цель мистического сознания известно всем, кто изучал психологию авторитарной личности: это садомазохизм, подчинение авторитету, умение жить только в среде «властвующих и повластных», замена поля гуманистической этики военной дисциплиной, тщеславием и страхом.

3. Мистика противопоставляется Разуму, единство мифологического сознания противопоставляется единству научного сознания.

Государство — это единство мифологии народной традиции, поэтому мифология традиционна, а традиция мифична.

4. Нравственность государства и его моральное право на принуждение обосновывается ОБЩЕЙ ЦЕЛЬЮ ЕДИНОГО НАРОДА, которая логично сводится к целям мистического сознания

5. Соответственно Единство народа как мифологической традиции, нравственность народа как сакральная духовность — это прокрустово ложе для людей научного мышления, которые никогда и не при каких обстоятельствах не смогут стать частью единой мистики первобытного сознания.

6. А справедливость и нравственность трактуемые как реализация мифологической духовности единой сакральности нации — готовые обоснования самого тяжелого террора интеллигенции, которая по определению выпадает из этого святого единства идиотизма.

Преследование интеллигенции, официальное утверждение мыслепреступления совершается не из злого умысла диктаторской власти, а во имя высшей справедливости государства, защищающего идеалы, культуру, традиции, наконец духовность нации и ее единство. В этом существо релятивизма этики, относительности справедливость каждой эпохи и государства, на ко-

тором настаивают теоретики народа как «единой мифологии древней традиции».

2. НАРОД КАК ЕДИНСТВО НАУЧНОГО МЫШЛЕНИЯ

Само по себе единство мировоззрения никак не характеризует это мировоззрение. Вопрос в том, единство какого поля психики это мировоззрение отражает: поля мистики и садомазохизма или поля научного мышления и совести?

Леви-Брюль писал о том, что коллективные представления первобытных людей схожи не только в конкретных обществах, но и в различных уголках планеты, в самые различные эпохи везде, где общество остается на стадии первобытного мышления. Эти коллективные представления, благодаря трудам исследователей, теперь широко известны — тотемизм, магия, колдовство, страх сверхъестественных сил мистического сознания абориген.

Психика здоровых людей также в основе своей одинакова, отражая одни и те же закономерности разумной энергии человека и объективное знание природы. Здоровые люди — это люди совести, отваги, сострадания, юмора, эстетики и конечно же, потребности в знании и сотрудничестве. Безусловно, люди сильно разнятся во вкусах, тонкости восприятия, способностях и тд, но потребность в знании, само объективное знание и гуманизм остаются незыблемой основой у всех здоровых людей.

Почему же тогда единство мистического сознания означает рабство, невежество и садомазохизм, а единство научного мышления, напротив, свободу, просвещение и гуманизм?

Прежде всего, мистическое сознание не имеет ничего общего с разумом, с интеллектом и мышлением. Это поле чувственной информации, кривого зеркала поля Эгосистемы, искажающего реальность. Далее, активируемая таким образом энергия эгозащиты, садомазохизма (притяжений самолюбия и влюбленности, насилия и подчинения) — это уже насилие над здоровой психикой человека, разлагаемой и развращае-

мой патологией чужеродной энергии. Это одинаковое рабство, как для господ, так и для рабов, как для «властвующих», так и для «подвластных». Это страх сверхъестественных сил, где в загрузками «СуперЭго» предстают авторитеты и где «моралью» становится преклонение перед прихотями и приказами авторитетов. Но и формально рабство подчиненных выглядит как подчинение воле конкретных людей, произволу чьих то прихотей и капризов, нелепостей и извращений.

Совершенно иную картину мы имеем в случае с научным мышлением, существо которого в способности познания объективной действительности, в способности видеть истину. Если мистики видят одинаково искаженный кривым зеркалом Эгосистемы мир, одинаковую ложь, то здоровые люди видят одинаковую истину, законы природы. Постольку поскольку их истинное Я свободно от патологии мистики, и они могут оставаться самими собой — они свободны и хорошо себя чувствуют, ибо свобода — это возможность оставаться самими собой. Постольку поскольку они подчиняются единой общей для всех Истине, и поскольку служение Истине составляет основу основ их существа — они абсолютно свободны в своем интеллектуальном труде. Наконец, их труд служения истине, науке щедро вознаграждается, поскольку они видят объективную действительность, открывают и контролируют законы природы, получая доступ к силам природных энергий. В то время как раболепие, страх и непосильный труд мистиков не вознаграждается ничем кроме усугубляющейся нищеты и жестокости господ.

Это поле гуманизма, постольку поскольку единство здоровой психики проявляется в сочувствии, искренности и интеллектуальном диалоге, а не в союзах самолюбия и влюбленности, в поклонении авторитетам. Поле мистики поэтому, как поле патологии, извращающее нормальные отношения людей — это поле безнравственности. Это поле «нищих духом», поскольку дух — это энергия разума, порождающая дух поисков знания, свободы и сострадания. Поэтому особенно отвратительны попытки авторов теории пропутинского абсолютизма представить

поле мистики и садомазохизма первобытного сознание — как источник и фундамент духовности и нравственности, при том, что они прямо отрицают разум, «рационализм», науку.

> *«Базовые ценности, составляющие социально-культурный идеал государствообразующего народа, имеют религиозно-мифологическое происхождение и природу. Поэтому в образовании и развитии государственности на протяжении всего ее многовекового существования религия и мифология имели первостепенное значение. Именно они создают духовно-нравственную, ценностную основу существования и жизнеспособности любого народа, цивилизации и служат фундаментом их культурного единства»*

Н. Грачев Происхождение суверенитета

> *«Сложность процессов образования и развития государства, невозможность их полного объяснения сугубо рационалистическими методами приводит к выводу, что куда логичнее и правильнее исходить из посылки божественного происхождения власти и суверенитета»*

Н. Грачев Происхождение суверенитета

Некоторые либеральные писатели считают, что догматизму мистического сознания, которому оно обязано своим единством и ортодоксией, должны противостоять противоречивые теории разумных людей, поскольку они видят существо интеллекта в способности подвергать критике и скепсису все, что угодно. Но если формальная логика действительно способна на это, как показали софисты и скептики античности, гегельянцы и неокантианцы, ницшеанцы и др, то научное мышление прямо противостоит такому определению интеллекта.

Единство догмы — это единство в утверждении лжи. Догмы нельзя пересматривать, потому что они утверждены на эмоциональном мистическом базисе, «консервативном» по определению своей сущности. Единство научного мировоззрения — это единство в утверждении истины, основанное на доказательстве и на доступе к природным энергиям, на обратной связи с действительностью, законы которой она отражает.

Мы уже видели с каким остервенением теория пропутинского абсолютизма отвергает доктрину народного суверенитета как законодательствующей «общей воли» народа. Кто эта юридическая личность, общая воля народа, спрашивают они. Кто этот народ с точки зрения научного определения, которое было бы общепризнано? Народ как научные институты общества, как единая истина объективной действительности, как общая воля к знанию и контролю этой действительности — для них неприемлем. Это фикция и «нежизнеспособная» абстракция.

Другое дело «мировоззренческое единство» в «базовых мифологических ценностях», которые отрицают разум и презренный «рационализм», убивая на корню всякую способность к мышлению и ориентации в действительности. Такое «единство народа» — это не единство самоуправления законодательствующей власти, это единство в признании своего рабства, в отказе от свободы и мысли, в поклонении авторитетам. О чем прямо говорится в теории пропутинского абсолютизма.

> *«Поэтому реальным основанием для политического единства народа, его государственного статуса является его мировоззренческое единство, что придает государству органический характер. Не случайно на протяжении почти всей многовековой истории, за редким исключением, государство продолжало сохранять характер института религиозного, тесным образом связанного с религиозно-мифологическими представлениями. Однако обеспечение политического и мировоззренческого единства требует наличия высшего внутреннего авторитета, последней инстанции, обладающей правом и способностью принимать последние решения по всем вопросам деятельности государственно организованного народа. Более того, само осознание и деятельность, следование процессам формирования государственности совершается под воздействием такого авторитета (в лице политического лидера, вождя и его последователей), который инициирует эти процессы, всегда опираясь на какие-то религиозные или нравственные (метафизические) идеи и идеалы, формируя тем самым жизнеспособную политическую традицию»*

Н. Грачев Происхождение суверенитета

3. ПРАВО НАЦИЙ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ И МЕЖДУНАРОДНАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Очевидный вывод, к которому мы приходим в результате нашего анализа, что фиктивным и надуманным является не понятие народа и народного суверенитета, а понятие «Нации», как носителя неких базовых культурных ценностей, которые решающим образом разделяют и противопоставляют себе различные группы и сообщества людей.

Таких «культурных ценностей» не существует. Существует одна общечеловеческая природа, выражающая законы психики, которые поддаются научному изучению и познанию. Мистическое сознание с его мифами, тотемизмом и колдовством в равной степени одинаково у всех первобытных и невежественных людей, как одинаково у всех здоровых развитых людей научное мышление и поле совести и сочувствия. Люди могут значительно разнится в поверхностных вещах, в воспитании, вкусах, предпочтениях в искусстве и тп, но в этой своей базисной человеческой природе все они схожи как близнецы братья.

Следовательно, не народ является фиктивным понятием, поскольку народ и есть человечество и есть общая природы людей. Нация является фиктивным понятием, как попытка противопоставить себе сообщества людей, объявив природу этих сообществ уникальной и самобытной в каких-то основополагающих сущностных началах.

А потому что значит доктрина «права наций на самоопределение», если мы не можем указать на совокупность индивидов, которые согласились бы считать свои интересы и волю выраженными в этом ничего не значащем понятии «нация»? Единственное, что на деле означает эта доктрина, так это ревниво охраняемую суверенами власть от внешнего вмешательства.

Эту доктрину хотели представить как манифест принципов международной демократии, как «свободу» каждой нации определять свою жизнь по своему, как самоуправление наций, не испытывающих давления чужеродного вмешательства. Действи-

тельно оно так бы и было, если бы в природе существовали такие нации, которые пропутинская теория абсолютизма описывает как мистику первобытного сознания с ее традиционной мифологией садомазохизма вместо разума и совести. Действительно, если бы человечество не было единым человечеством, если бы мировое сообщество было представлено группами людей, противостоящими друг другу спецификой своих «мифологий», составляющих «идею и идеал» их «государственности», то тогда действительно только сами эти группы могли бы знать и решать как им лучше жить, даже если бы в итоге они приняли неправильное решение и оказались порабощенными своими хитрыми вождями. Но кто мог бы судить о подлости их вождей, если общая мораль, общая этика, общая истина отсутствуют в принципе?

К счастью дело обстоит совершенно иначе. То что сегодня называется нациями — это специфика народов, в которых исторически стали преобладать какие-то способности, вкусы, наклонности, традиции, предрассудки и тп, но которые в основе своей остаются такими же людьми как и все прочее население планеты. То главное, что определяет существо каждого народа, его жизненно важную суть является потребность в знании и в гуманизме, в здоровой разумной энергии. А это значит, что задача всех человеческих сообществ — защита свободы мысли и совести для своего выживания и воспроизводства, что справедливость и свобода в одинаковом доступе к знанию и самоуправлению на основе этих знаний.

Тогда принципы международной демократии видятся совершенно иначе. Они уже состоять не в праве наций на самоопределение, так как это всего лишь способ местных властей поработить свое население, изолировав его от надежд на помощь извне. Принципы международной демократии видятся в прямо противоположной доктрине о праве всех народов на помощь международного сообщества против угнетения своих властей.

> *«Единенным фундаментом веры в естественных науках является идея, что общие законы, известные или неизвестные, регулирующие явления вселенной, необходимы и постоянны; и на каком основании*

> *этот принцип был бы менее верным для развития интеллектуальных и моральных способностей человека, чем для других операций природы? Наши надежды на улучшение состояния человеческого рода в будущем могут быть сведены к трем важным положениям: уничтожение неравенства между нациями, прогресс равенства между различными классами того же народа, наконец, действительное совершенствование человека. Должны ли все народы когда-нибудь приблизиться к состоянию цивилизации, которого достигли нации наиболее просвещенные, наиболее свободные, наиболее освобожденные от предрассудков, как французы и англо-американцы? Это громадное расстояние отделяющие последних от порабощенности королям, от варварства африканских племен, от невежества диких, должно ли оно постепенно исчезать? Одним словом, приблизятся ли люди к тому состоянию, когда все будут обладать знаниями, необходимыми для того, чтобы вести себя в своих повседневных делах согласно своему собственному разуму и ограждать его от предрассудков; чтобы хорошо знать свои права и осуществлять их согласно своему разуму и совести; чтобы тупоумие и нищета будут только случайностями, отнюдь не обыкновенным состоянием общества?»*

Кондорсе Эскиз исторического развития человеческого разума

Как раз такое положение вещей предполагает теория народного суверенитета, понимаемого как научный суверенитет, поскольку наука не может быть «национальной» и всегда представляет все человечество. Об этом еще хорошо сказал Лев Ландау, выводя свой интернационализм именно из научного мировоззрения. И мы помним, что Бертран Рассел, целью всех своих научных изысканий ставил преодоление узкого, ограниченного национального мировоззрения и перехода к интернационалу международных сообществ, в частности научных институтов.

Логичным развитием теории народного суверенитета как научного суверенитета является необходимость международного научного сообщества, которое было бы представлено учеными всех стран, для координации работы научных институтов всех регионов. Особое внимание, как писал еще Рассел необходимо уделить системе образования, которая должна представить одну общую для всех стран мировую историю, а также суду эти-

ки, который оценивал бы работу властей различных стран с точки зрения науки и демократии и выносил свои моральные приговоры.

Понятно, что само понятие «суверенитет», как дробление независимых центров власти, перестает существовать, так как независимость отдельных государств будет снижаться по мере роста значения научного контроля и уменьшения значения юридизма в цивилизованных обществах. Именно этой тенденции с такой яростью сопротивляются недобросовестные правительства, пренебрегающие правами своего населения, желая оградить свою власть, сохранив ее самодержавный и абсолютный характер.

Владимир Путин в интервью, данном Оливеру Стоуну, представил свою позицию как борьбу за суверенитет своего народа, когда на деле его режим — это типичный Левиафан, абсолютизм, поглотивший волю народа деспотией власти. Понятно, что защищая суверенитет «нации», он только защищает свою власть от внешнего вмешательства. Уже в мюнхенской речи становится очевидным лицемерие, когда Путин пытается защитить свою теорию абсолютизма ссылками на «морально-нравственную базу современной цивилизации», базу, которую он откровенно высмеял в полемике с Андреем Козыревым. «Нет головы. Черепная коробка есть, а головы нет», — заметил он в ответ на реплику Козырева в диалоге с экс-президентом США Никсоном, что у России нет национальных интересов, есть только общечеловеческие. Козырев в ответ назвал отсутствием головы вранье и насилие чекистского режима.

«Никсону я говорил то же, что и другим. Национальные интересы России, как и других демократий, в принципе согласуются с общечеловеческими. И мы создавали СНГ, не воевали с братской Украиной, дружили с наиболее развитыми странами Европы и Америки, не были под санкциями. Россияне не умирали, воюя на стороне диктатора в Сирии. „Скажи, кто твой друг, и я скажу, кто ты“. И есть ли у тебя голова. Интересы России противоположны интересам режима, у лидеров которого череп-

ная коробка повернута назад, в КГБ», — сказал Козырев The Insider

С какой совестью Путин обращается к общечеловеческой этике если с таким остервенением противопоставляет общечеловеческим ценностям свою «прорусскость», свои мифы о национальной уникальности. Вот например, как эту мысль выражает, один из ведущих пропагандистов современной России, президент союза журналистов России В. Соловьев.

> *«А у нас вся конституция построена на ложных посылках, на заблуждениях, а главное — на ложном определении цели. Короче говоря, конституция должна быть прописана таким образом, чтобы опираясь на нее, можно было выстроить систему власти. При этом уже в конституции заложено представление о том, каким мы хотим быть общество**. К слову, довольно наивно закладывать туда то, что сегодня представляется нам „общечеловеческими“ ценностями. Если кто вдруг не знает — это те, что записаны в Декларации прав человека»***

В. Соловьев Революция консерваторов

> *«Как показывает история государственного строительства принцип разделения властей, также как и все другие либерально-демократические ценности (приоритет прав личности, верховенство права, частная собственность и рыночное хозяйство, парламентаризм и тд) эффективно действуют на своей родной, автохтонной для них почве, в первую очередь в странах англосаксонской политико-правовой культуры. По сути принципиально в них почти нет ничего демократического, зато очень много либерального. Будучи провозглашены универсальными эти принципы на самом деле имеют англосаксонское происхождение и отражают интересы двух сменивших друг друга гегемонов мировой капиталистической системы — Великобритании и США которые, внедряя их последовательно с Запада на Восток в идеологию и практику государственного строительства других стран устранили всех своих политических конкурентов — сначала полуостровных европейских (Франция и Германия), а затем и евразийских Российскую империю и СССР. Поэтому либеральные принципы организации государства и общества в Великобритании и США носят созидательный характер, но в отношении стран — их геополитических противников — выступают как разрушительное идеологическое и политико-экономическое оружие»*

Н. Грачев Происхождение суверенитета

Такой цинизм еще поискать, ничуть не уступают своему вождю. И вот эти господа обращаются к моральной базе общечеловеческой этики, чтобы никто не смел отнимать у них их абсолютную власть и их произвол в обращении с собственным народом. А как бы народ обрадовался, от имени которого они просят не вмешиваться в «суверенность» их власти, этим общечеловеческим ценностям и международному научному и этическому суду, который защитил бы его от произвола этой власти.

> *«История человечества, конечно, знает и периоды однополярного состояния и стремления к мировому господству. Чего только не было в истории человечества.*
> *Однако что же такое однополярный мир? Как бы ни украшали этот термин, он в конечном итоге означает на практике только одно: это один центр власти, один центр силы, один центр принятия решения. Это мир одного хозяина, одного суверена. Вся система права одного государства, прежде всего, конечно,* Соединённых Штатов, *перешагнула свои национальные границы во всех сферах: и в экономике, и в политике, и в гуманитарной сфере навязывается другим государствам. И это ничего общего не имеет, конечно, с демократией. Потому что демократия — это, как известно, власть большинства, при учете интересов и мнений меньшинства.*
> *Считаю, что для современного мира однополярная модель не только неприемлема, но и вообще невозможна. И не только потому, что при единоличном лидерстве в современном — именно в современном мире — не будет хватать ни военно-политических, ни экономических ресурсов. Но что еще важнее — сама модель является неработающей, так как в ее основе нет и не может быть морально-нравственной базы современной цивилизации»*

В. Путин Мюнхен, 10 февраля 2007 года

Действительно, мир человеческий — это мир одного суверена, мир одной истины, одной науки; мир, не подчиняющийся ничьей воле, ни воле индивидов, ни воле большинства, ни воле правительств стран и международных организаций; это мир, подчиняющийся только интеллекту, только знаниям, только науке, только открытым законам природы. И этот мир рано или поздно уничтожит абсолютизм тех «центров власти», которые

представляют очаги угнетения народов их властью, и защиту которых Оливер Стоун неправильно принял за защиту международной демократии.

«О. С.: *Так перестаньте называть их партнерами — «нашими партнерами», как вы часто говорите. Вы выражаетесь слишком мягко. Они больше не партнеры.*

В. П.: Потому что диалог должен быть продолжен.

О. С.: *Да, но «партнеры» — это эвфемизм. Иногда преуменьшение не работает. Но в этот период выход из Договора по ПРО, вторжение в Ирак, расширение НАТО… Ясно, что ваши взгляды на намерения США наверняка должны были смениться подозрениями и что российская политика должна была измениться. В 2007 году в Мюнхене вы сделали заявление, которое ознаменовало изменение отношения России*

В. П.: Я не хотел сказать, что политика будет другой. Я просто говорил о том, что считаю неприемлемыми действия со стороны Соединенных Штатов. И сказал, что мы же видим, что происходит, и мы вынуждены принимать какие-то меры. Мы не позволим тащить себя на живодерню и при этом хлопать в ладоши.

О. С.: *В этом и других высказываниях вы очень красноречиво говорите о международном суверенитете стран. Вы уже говорили о суверенитете Ливии, Ирака, Сирии. Не хотите ли вы добавить сюда другие страны?*

В. П.: Нет, я просто хотел бы подчеркнуть, что вот такой подход является очень опасным. я уже говорил, нельзя привнести демократию извне. Это должно возникнуть внутри общества. Такая работа имеет большие перспективы, хотя это сложнее, дольше, нужно больше терпения иметь.» Оливер Стоун Интервью с Владимиром Путиным

Что возникло внутри общества, мы видели. Демократия возникает на уровне международной, мировой науки, она никак не может возникнуть у изолированного от международного сообщества народа, задавленного своей властью. Внутри общества возникла государственная идеология о традиционной мифологии садомазохизма, обязывающая народ, в силу

этой «национальной духовности» повиноваться своим господам.

4. ИНТЕРВЬЮ ОЛИВЕРА СТОУНА

Оливер Стоун представил в своем фильме и книге, в которых он записал интервью Владимира Путина, режим российского президента как отчаянную борьбу за международную демократию в противостоянии нарастающему американскому империализму. Не ставя себе здесь задачу оценивать деятельность американского правительства в большей мере, чем общие положения высказанные о структуре власти вообще, отмечу характерное в позиции Стоуна.

Оливер Стоун позиционирует себя как «человек совести», то что Ницше называл «совестливыми духом», борцом за истину и справедливость во всем мире. В этой связи он снял фильмы об убийстве Кеннеди, о Сноудене, написал книгу о преступлениях американского правительства на международной арене.

В интервью с Путиным бросается в глаза различие позиций этих двух людей:

— если Стоун говорит о своем интернационализме и приверженности истине, Путин прямо заявляет о «прорусскости» и националистическом мировоззрении

> О. С.: *В заключение замечу — вы дважды назвали меня здесь антиамериканцем и сказали, что не хотите втягиваться в это. Я хочу подчеркнуть, что люблю свою страну. Я люблю Америку. Я вырос там. Это как мать. Вы можете иметь разногласия с матерью, но все равно любите ее. Бывает, что вы обожаете ее, а бывает — ненавидите. Точно так же и с отчизной. У меня просто разногласия с моей страной.*
> В. П.: У меня не было такого никогда. Просто вы можете себе позволить это, потому что вы американец и у вас есть право оценивать действия руководства своей страны, как вы это считаете нужным, в том числе и достаточно жестко. А мы должны строить не просто с Америкой, а с руководством Соединенных Штатов как минимум партнерские отношения и поэтому должны вести себя аккуратно и при всех разногласиях придерживаться определенных рамок. Международные отношения по-другому не строятся.

> О. С.: *Понимаю — предельно ясно. И еще, я не антиамериканец, я не прорусский, я выступаю за мир. Это очень важно для меня, всю свою жизнь мне хотелось мирного сосуществования, а сейчас я боюсь. Я боюсь за мир, поскольку меня беспокоит отношение моей страны к мирному сосуществованию. Похоже, она не понимает, какие ставки в этой игре. Именно это я хочу подчеркнуть в документальном фильме, который делаю здесь.*
> В. П.: Вы человек мира, вам проще. А я прорусский, мне сложнее.
> О. С.: *Благодарю вас за наглядную демонстрацию того, что стоит на кону.*

— если Стоун видит историю России как борьбы трудящихся классов за народоправство, за демократию, то Путин прямо заявляет, что напротив монархическая и деспотическая традиция характеризует историю России

> «О. С.: *В предыдущие два дня вы не раз повторяли, что Россия — демократическая страна. Ваши критики в Америке — а их немало — говорят, что Россия не демократическое, а классическое авторитарное государство. Ваш парламент не принимает серьезных решений. У оппозиционных партий ограниченный доступ к телевидению, а ваша партия доминирует в средствах массовой информации. Зарегистрировать оппозиционную партию очень сложно. У вас нет судебной независимости — впрочем, насколько я знаю, это старая проблема России. В России притесняют геев. Все это часто высказывают в ваш адрес. Мне бы хотелось, чтобы вы воспользовались возможностью и ответили на это сейчас.*
> В. П.: Во-первых, что касается демократического характера российского государства. Смотрите: у нас в течение почти тысячи лет государство складывалось как монархия, затем произошла так называемая революция 1917 года, к власти пришли коммунисты, во главе государства оказался Сталин, и, конечно, очень многое из монархического прошлого перекочевало и в советские времена, хотя идеологическая табличка была совершенно другая. Только в начале 1990-х годов произошли события, которые положили начало новому этапу развития России» Оливер Стоун Интервью с Владимиром Путиным
> «О. С.: *Поэтому я полагаю, политика Соединенных Штатов с самого начала — с революции 1917 года — была политикой, родившейся на Уолл-стрит и направленной на уничтожение коммунизма, на уничтожение власти идеи общества под руководством рабочего класса. Не забывайте, что в 1917 году Уолл-стрит имела одинаковую власть*

> *с правительством. Правительство стало более влиятельным при Рузвельте.*
> В. П.: Вы не вопрос задали, а мысль свою выразили. Я с вами солидарен, только не соглашусь в одном, если я правильно понял. В отношении власти рабочих и трудящихся. Если говорить откровенно, в Советском Союзе не было никакой власти трудящихся.
> О. С.: *Я встречался с разными людьми в США. Они беспокоились за судьбу Соединенных Штатов. И они сделали из Советского Союза удобного врага. А мы стали военной экономикой. Понимаете, Первая мировая война была просто первой войной, а в результате Второй мировой войны мы превратились в военно-промышленный комплекс. Нам нужен враг, чтобы производить всё это вооружение»* Оливер Стоун Интервью с Владимиром Путиным

— если Стоун против всякого насилия и войны и призывает к борьбе с аморальной политикой и политиками, то Путин против насилия только там, где это угрожает его власти. В остальном он поддерживает его как «борьбу с терроризмом»

— если Стоун откровенно критикует свое правительство в поисках общечеловеческой справедливости, то Путин просит «не втягивать его в антиамериканизм», полагая эти правительства партнерами во всем, кроме попыток вмешиваться в абсолютизм его власти

> «О. С.: *Что мы, в принципе, имеем в США — это двухпартийная внешняя политика, политика создания военных баз везде и вмешательства в дела других государств. Сейчас у нас проблемы, препятствия в Китае, Иране и России. И они постоянно говорят об этой тройке. О чем я хотел бы поговорить в следующий раз, так это о стремлении Америки к мировому господству. Какие препятствия для этого останутся и как Россия воспринимает себя в данном контексте?*
> В. П.: Только давайте договоримся. Я знаю ваше критическое отношение к политике США. Не втягивайте меня в антиамериканизм.
> О. С.: *Я не буду. Я просто пытаюсь говорить о фактах, о том, что случилось. И я хочу сделать это честно, поскольку старые Советы всегда очень реалистично смотрели на американскую политику. Они всегда пытались понять намерения американцев. Не знаю, существуют ли те мозговые центры и сейчас, но хочу думать, что существуют и попрежнему очень точно оценивают намерения Соединенных Штатов.*
> В. П.: Да, конечно. И мы это понимаем. Я уже сказал, что, на мой взгляд, осознание себя единственной мировой державой, вбивание

> миллионам людей в голову их исключительности порождает такое имперское мышление в обществе. А это, в свою очередь, требует и соответствующей внешней политики, которую общество ожидает. И руководство страны вынуждено действовать в такой логике, а на практике получается, что это не соответствует интересам народа Соединенных Штатов, как я себе это представляю. Потому что в конечном итоге приводит к сбоям и к проблемам. И показывает, что контролировать все невозможно. Но давайте поговорим об этом в другой раз.
> О. С.: *Давайте говорить прямо. Я был на Вьетнамской войне. Мы отправили во Вьетнам 500 000 человек. Весь мир осудил это. А после разрядки с Горбачевым Рейган и Соединенные Штаты послали 500 000 в Саудовскую Аравию и Кувейт.*
> В. П.: Я знаю, что вы критически относитесь к деятельности американского правительства по многим направлениям, но не всегда разделяю вашу точку зрения, несмотря на то, что у нас отношения с Соединенными Штатами, с их руководством не всегда складываются так, как хотелось бы. Иногда необходимо принимать решения, которые части общества не нравятся. Но лучше принимать какие-то решения, чем не принимать никаких. Это касается прежде всего борьбы с терроризмом» Оливер Стоун Интервью с Владимиром Путиным

Мне действительно интересно, насколько искренен был Оливер Стоун, когда хотел представить свое участие к Путину, как участие к борьбе за демократию. Путин достаточно высмеял его общечеловеческую позицию и поиски интернациональной истины в ходе этого интервью, но Стоун остался стоять на своей точке зрения. Неужели даже чтение пропутинской теории суверенитета, довольно недвусмысленно изложенного в приведенных выше книгах способны оставить сомнения у здравомыслящего человека? Или он действительно не был искренним?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Аристотель «Этика» М: Астрель, 2011

2. Аристотель «Политика» М: Астрель 2011

3. Аристотель «О душе»

4. Байрон Дж. Паломничество Чайльд Гарольда СПб Азбука-классика 2008

5. Байрон Дж. Дон-Жуан СПб Азбука-классика 2010

6. Шекспир У. Трагедии Ленинград «Художественная литература» 1982

7. Шекспир У. Гамлет М: Эксмо 2011

8. Сервантес М. Дон Кихот М: Эксмо 2012

9. Пейн Т. Здравый смысл

10. Пейн Т. Век Разума

11. Басинский П. «Лев Толстой. Бегство из рая» М: Астрель 2011

12. Толстой Л. Н. Повести и рассказы М: Детская литература, 2011

13. Толстой Л. Н. Исповедь. О жизни. СПб Азбука, 2012

14. Плутарх Сравнительные жизнеописания СПб Азбука 2012

15. Плутарх Исида и Осирис М: Эксмо 2007

16. Вольтер Философские повести М: Астрель 2011

17. Фихте И. Г. Речи к немецкой нации СПб Наука 2009

18. Ницше Ф. Так говорил Заратустра М: Астрель 2011

19. Фрейд З. Письма к невесте СПб Азбука 2011

20. Фрейд З. Неудобства культуры СПб Азбука-классика 2010

21. Katharine Tait My father Bertrand Russell New York and London 1975

22. Bertrand Russell, Autobiography London Allen&Unwin 1975

23. Данте А. Божественная комедия М: Эксмо 2009
24. Платон Диалоги М: Астрель 2012
25. Гоголь Н. В. Мертвые души М: Дрофа 2012
26. Гоголь Н. В. Петербургские повести М: АСТ Астрель 2011
27. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства СПб Азбука 2010
28. Руссо Жан-Жак Исповедь М: Астрель 2011
29. Руссо «Эмиль, или о воспитании»
30. Захер-Мазох «Венера в мехах» СПб Азбука 2012
31. Гете И. В. Фауст СПб Азбука 2011
32. Гете И. В. Поэзия и правда М: Захаров, 2003
33. Гете И. В. Страдания юного Вертера
34. Морозова Е. Маркиз де Сад М: Молодая гвардия 2007
35. Маркиз де Сад Жюстина или несчастья добродетели СПб Азбука-классика 2008
36. Маркиз де Сад Преступления любви СПб Азбука-классика 2008
37. Дарвин Ч. Происхождение человека и половой набор, в 2-х томах, М: ТЕРРА — Книжный клуб, 2009
38. В. И. Ленин «Материализм и эмпириокритизм» М: Издательство политической литературы 1984
39. Ленин В. И. Теория насилия М: Алгоритм 2007
40. Фридрих Гернек «Пионеры атомного века» (Великие исследователи от Максвелла до Гейзенберга) 1974
41. Хайдеггер М. Бытие и время Москва: Академ. проект, 2011
42. Эйнштейн А Собрание научных трудов Том 4 Эволюция физики М: Наука 1967
43. Оствальд В. Философия Природы СПб 1903
44. Лауэ М. История физики Москва 1956
45. Мах Э. Познание и заблуждение Москва 2003
46. К. Маркс Капитал
47. Эрих Фромм Человек для себя Мн: Коллегиум, 1992
48. Эрих Фромм Искусство любить М: АСТ, 2010
49. Эрих Фромм Здоровое общество М: АСТ, 2005

50. Эрих Фромм Иметь или быть? М: АСТ, 2000
51. Эрих Фромм Величие и ограниченность Фрейда М: АСТ, 2000
52. Эрих Фромм Анатомия человеческой деструктивности, М: АСТ, 1998
53. Альфред Адлер Наука жить Киев 1997
54. Альфред Адлер Практика и теория индивидуальной психологии
55. Альфред Адлер Понять природу человека Спб 1997
56. Альфред Адлер О нервическом характере АСТ 1997
57. Альфред Адлер Воспитание детей Ростов на Дону 1998
58. Абрахам Маслоу Мотивация и личность Спб Питер 2003
59. Абрахам Маслоу Новые рубежи человеческой природы М: Смысл 1999
60. Абрахам Маслоу Психология Бытия М: 1997
61. Виктор Франкл Человек в поисках смысла М: Прогресс 1990
62. Виктор Франкл Психолог в концлагере (Сказать жизни да) М: Смысл 2004
63. Виктор Франкл Доктор и душа Спб: Ювента 1997
64. Гордон Олпорт Становление личности М: Смысл 2002
65. Карл Роджерс О становление личности Киев 2004
66. Карл Роджерс Психология супружеских отношений М: Изд-во Эксмо, 2002
67. Карл Роджерс Консультирование и психотерапия
68. Зигмунд Фрейд Психоаналитические этюды Мн: Попурри 1997
69. Зигмунд Фрейд Три очерка сексуальности
70. Зигмунд Фрейд Будущее одной иллюзии
71. Зигмунд Фрейд Тотем и табу
72. Зигмунд Фрейд Я и Оно
73. Зигмунд Фрейд По ту сторону принципа удовольствия
74. Зигмунд Фрейд Психология масс и анализ человеческого Я
75. Курт Левин Динамическая психология М: Смысл 2001

76. Карл Густав Юнг Сознание и бессознательное: сборник. Спб: Университетская книга, 1997

77. Карл Густав Юнг Архетип и символ СПб: Ренессанс 1991

78. Карл Густав Юнг Проблемы души человека

79. Карен Хорни Невроз и личностный рост Спб ВЕИП, 1997

80. Ч. Ломброзо Гениальность и помешательство Москва, Академ. проект 2001

81. Л. Леви — Брюль. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М. «Педагогика — пресс». 1994.

82. С. Мади. Теории личности. Издательство: С. Пб. 2002.

83. Л. Хъелл. Д. Зиглер. Теории личности. С. Пб. Питер.1999.

84. Бертран Расселл «История западной философии» Новосибирск. НГУ 1997

85. B. Russell «The conquest of happiness» (London Allen & Unwin, 1930)

86. B. Russell «Political ideals»

87. B. Russell «The Power» London Allen & Unwin, 1938

88. Бертран Расселл Автобиография. Выдержки.

89. Russell B. Education and the social order First published in the Routledge Classics in 2010 by Routledge, London and New York

90. Б. Рассел Практика и теория большевизма Москва

91. Б. Рассел Брак и мораль Москва

92. B. Russell The authority and the individual Routledge, London and New York, 1995

93. Джеффри Ходжсон. Экономическая теория и институты. М: Издательство «Дело» 2003.

94. Бенедикт Спиноза Этика М, Хар, 1998

95. Бенедикт Спиноза Краткий трактат о Боге, человеке и его счастье М, Хар, 1998

96. Бенедикт Спиноза Политический трактат М, Хар, 1998

97. Платон «Государство»

98. Свифт Д. «Путешествия» Лемюэля Гулливера СПб Азбука 2013

99. Ганди М. «Моя жизнь» СПб: «Лениздат», «Команда А», 2012

100. Gandhi M. «My experiments with truth», US Beacon Press, 1993

101. Джон Перкинс Исповедь экономического убийцы Москва Претекс 2005

102. Маргарет Тетчер Искусство управления государством Москва, Альпина Паблишер, 2003

103. Л. С. Васильев История Востока М Высшая школа 2005

104. Э. Людвиг Наполеон М. Вагриус 1998

105. «Built to last» by Jerry I. Porras and James C. Collins HarperBusiness 1994

106. «Good to Grate» by James C. Collins HarperBusiness 2001

107. Фридрих Ницше По ту сторону добра и зла Спб: Азбука-классика 2009

108. Воспоминания секретаря Гитлера Траудль Юнге

109. П. Хлебников Крестный отец Кремля. Борис Березовский или история разграбления России. М. Детектив- Пресс 2001

110. Поль Брег Чудо голодания

111. Н. Макиавелли Государь М: Эксмо 2009

112. Роберт Грин 48 законов власти «РИПОЛ классик»; М; 2005

113. Роберт Грин Искусство обольщения «РИПОЛ классик»; М; 2005

114. Э. Мортон История Моники М: ФОРУМ, ИНФРА-М, 1999

115. Стенли Бинг Как бы поступил Макиавелли?

116. Кристофер Хитченс 10 книг изменивших мир Томас Пейн Права человека

117. Саймон Блекберн 10 книг изменивших мир Платон Республика

118. Джанет Браун 10 книг изменивших мир Дарвин Происхождение видов

119. Френсис Вин 10 книг изменивших мир Маркс Капитал

120. Stanley Milgram Obedience to authority: an experimental view NY: Harper Perennial Classic, 1983

121. Давид Майерс Психология Минск Попурри 2008

122. Давид Майерс Социальная психология Спб: Питер 2009

123. Эллиот Аронсон Общественное животное Спб: Прайм-Еврознак 2006
124. Джером Селинджер Над пропастью во ржи М: Тройка 1993
125. К. Ясперс Стриндберг и Ван Гог СПб. Гуманитарное агенство «академический проект». 1999
126. А. Кемпинский Психология шизофрении СПб. Ювента 1998
127. В. П. Критская Т. К. Мелешко Ю. Ф. Поляков Патология психической деятельности при шизофрении. М. МГУ 1991
128. Г. И. Каплан Б. Дж. Сэдок Клиническая психиатрия М. Медицина 1994.
129. Под ред. Р. Дж. Энсилла, С. Холлидея, Дж. Хигенботтема Шизофрения. Изучение спектра психозов. М. Медицина 2001
130. Сост. И общ. Редакция Н. В. Тарабриной Клиническая психология СПб Питер 2000
131. Гурьева В. А. Гиндикин В. Я. Раннее распознавание шизофрении. М: «Высшая школа психологии» 2002
132. С. Цвейг Ф. Ницше З. Фрейд СПб. Азбука- классика 2001.
133. С. Цвейг Письмо незнакомки М: АСТ 2009
134. Каменева Е. Н. Теоретические вопросы психопатологии и патогенеза шизофрении М. Медицина 1970
135. Под ред. Ю.Б Гиппенрейтер, В. Я. Романова Психология индивидуальных различий, МГУ АСТ, 2008
136. П. Б. Ганнушкин Клиника малой психиатрии
137. Карл Леонгард Акцентуированные личности
138. Эрнст Кречмер Строение тела и характер
139. Эрнст Кречмер Гениальные люди, Москва 1998
140. Е. П, Ильин Эмоции и чувства СПб 2001
141. Серен Кьеркегор Или-Или СПб: Амфора 2011
142. Под. Ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, М. В. Фаликман Психология мотивации и эмоций М: АСТ 2009
143. Лев Толстой Исповедь. О жизни. Азбука-классика 2009
144. Жан-Поль Сартр Бытие и ничто М: Республика, 2000

145. Жан-Поль Сартр Тошнота СПб: Азбука — классика 2006
146. Жан-Поль Сартр Дьявол и Господь Бог
147. Э. П. Юровская Жан-Поль Сартр Жизнь, философия, творчество, СПб: Петрополис, 2006
148. Жан-Поль Сартр Экзистенциализм — это гуманизм
149. Жан-Поль Сартр За закрытыми дверями
150. С. Кьеркегор Болезнь к смерти Москва, Республика, 1996
151. Феофраст «Характеры» СПб: Азбука-классика, 2010
152. История теоретической социологии, в 4-х томах, под ред. Ю. Р. Давыдова, М: Канон, 1997 г
153. Под ред. В. И. Кузищина История Древней Греции М. Высшая школа 1996
154. Сост. К. В. Паневин. Под ред. Н. В. Волковского История Древнего Рима СПб. Полигон 1998
155. Дж. Гренвилл История 20 века. М. Аквариум 1999
156. Под ред. А. З. Манфреда История Франции. В 3 т. М. Наука 1973
157. Под ред. С. Д. Сказкина История Византии. В 3 т. М. Наука 1967
158. Под общ. Ред. В. И. Голубовича Экономическая история зарубежных стран Минск НКФ «Экоперспектива» 1996
159. Под ред. Н. А. Крашенниковой и О. А. Жидкова История государства и права зарубежных стран М. Издательская группа Норма- Инфра- м 1998
160. Под ред. Н. С. Нерсесянца История политических и правовых учений М. Норма- Инфра 1998
161. М. Блауг Экономическая мысль в ретроспективе М. ДелоЛтд 1994
162. Я. С. Ядгаров История экономических учений М. Экономика 1996
163. Сост. И. А. Столяров Антология экономической классики. В2т. М. Эконов- Ключ 1993
164. М. С. Горбачев Размышления о прошлом и будущем М. Терра 1998

165. А.Н.Бадак, И.Е.Войнич, Н.М.Волчек, и др. Всемирная история: У истоков цивилизации. Бронзовый век. Мн: Харвест, М: АСТ 1999

166. Хрущев Воспоминания М. Вагриус 1997

167. Роналд Коуз, Фирма, рынок право, М.: Новое издательство, 2007

168. Симона де Бовуар «Второй пол», Москва — СПб: Издательская группа «Прогресс», 1997

169. Simone de Beauvoir «Second sex», London, 1956

170. Bertrand Russell «Proposed roads to freedom»

171. Кропоткин П. «Записки революционера» М: Мысль 1990

172. Философия России: Петр Кропоткин, под ред: И. И. Блауберг М: РОССПЭН 2012

173. Поппер К. Открытое общество и его враги, в 2-х томах, М: Феникс, 1992

174. Герцен А. Былое и думы СПб: Лениздат, 2013

175. Герцен А. Кто виноват? Роман. Повести. Статьи. М: Эксмо, 2013

176. Чернышевский Н. Что делать? СПб: Азбука, 2013

177. Тургенев И. Дворянское гнездо. Романы. М: Эксмо, 2009

178. Тургенев И. Дневник лишнего человека

179. Милль Д. С. Автобиография М: Либроком, 2013

180. Mill J. S. «On liberty»

181. Чаадаев П. Философические письма

182. Лев Толстой «Царство Божие внутри вас»

183. Хугаева Л. Власть и контроль или импотенция современной психологии, Владикавказ: СОИГСИ, 2011

184. Хугаева Л. Болезнь Эго-девственности или космическая сила психической энергии, Владикавказ, Литера, 2012

185. Хугаева Л. Дорога в рай или Плюс моего минуса, Владикавказ Литера, 2013, Владикавказ: Литера, 2013

186. Хугаева Л. Закон сохранения силы Психической энергии или снять защиту Эго, Владикавказ: ИПП им. В. Гасиева, 2012

187. Хугаева Л. Переключи себе ток, Москва: Спутник +, 2008

188. Хугаева Л. Контрольный ток или остановить ДТПЭ Москва Спутник +, 2008

189. Хугаева Л. Психическое насилие или война на поле психической энергии, Москва: Эдитус, 2013

190. Хугаева Л. Россия между Закрытым и Открытым обществом или теория эволюции человека, Москва: Эдитус, 2014

191. П. И. Новгородцев, Введение в философию права. Кризис современного правосознания. Москва: Наука, 1996

192. Кафка Ф. Процесс, Москва: Эксмо, 2013

193. Давид К. Франц Кафка, М: Молодая гвардия 2008

194. Сазонова К. Участие «великих держав» в миротворческой деятельности ООН

195. «Центр исследований ООН»

196. Клинтон Билл Моя жизнь Москва, Альпина, 2005

197. Ремарк Эрих Мария На западном фронте без перемен, Ростов на Дону: Феникс, 1993

198. Шлезингер Артур-мл, Циклы американской истории, Москва: Прогресс, 1992

199. Хомский Ноам, Новый военный гуманизм: Уроки Косово, Москва: Праксис, 2002

200. Хомский Ноам, Государство будущего, Москва: Альпина фон никшен, 2012

201. Суриков И, Пифагор, Москва: Молодая гвардия 2013

202. Рэнд А. Добродетель эгоизма Москва, 2015 Альпина паблишер

203. Малюгин Л, Гитович И, Чехов, М: Советский писатель, 1983

204. Так говорил Ландау Феникс 2014

205. Так говорил Эйнштейн Феникс 2014

206. Уеллс Г. Люди как боги

207. Чехов А. Полное собрание сочинений

208. Рэнд А. Атлант расправил плечи Москва 2015 Альпина паблишер

209. Спенсер Г. Социальная статика Киев 2013 Гама-Принт

210. История теоретической социологии в 4т под ред. Ю. Давыдова Москва 1997 Канон

211. Стоун О. Интервью с Владимиром Путиным М: Альпина паблишер 2017

212. Милль Джон Огюст Конт и позитивизм М: ЛКИ 2017

213. Стоун О, Кузник П., Нерассказанная история США М: КоЛибри, Азбука-атикус 2016

214. Соловьев В., Революция консерваторов М: «Э», 2017

215. Конт Огюст Общий обзор позитивизма М: Либроком 2016

216. Хомский Н Системы власти М: КоЛибри, Азбука-атикус, 2014

217. Кропоткин П., Анархия, ее философия, ее идеал СПб: Азбука, 2017

218. Локк Джон Два трактата о правлении М: Социум 2014

219. Бакунин М., Философия, социология, политика М: Правда, 1989

220. Цицерон М. О государстве, О законах М: Академический проект 2016

221. Гоббс Т, Левиафан М: РИПОЛ Классик 2017

222. Руссо Жан Жак Об общественном договоре М: КАНОН — ПРЕСС- Ц 1998

223. Прудон П Что такое собственность? М: КРАСАНД 2017

224. Оруэлл Дж 1984 М: АСТ 2017

225. Хайек Ф. Дорога к рабству М: Новое издательство, 2005

226. Льюис Д. Марксистская критика социологических концепций Макса Вебера М: Прогресс 1981

227. Вебер М. Власть и Политика М: Рипол Классик 2017

228. Новгородцев П. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве СПб: Алетейа 2000

229. Тойнби А. Исследование истории. Цивилизации во времени и пространстве. М: Харвес, АСТ 2009

230. Шпенглер О. Закат Европы М: Юрайт 2017

231. Гулыга А. Гегель М: Молодая гвардия 2008

232. Гулыга А. Кант М: Молодая гвардия 1977

233. Адорно Т. Исследование авторитарного характера, Изд: Профит Стайл, Серебряные нити, 2016

234. Грачев Н Происхождение суверенитета. М: ЛЕНАНД 2018

235. Новгородцев П. Лекции по истории философии права М: КРАСАНД, 2011

236. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни М: ДЕЛО 2018

237. Токвиль А. Старый порядок и революция ИД «Социум» 2017

238. Кропоткин П. Великая Французская Революция М: Наука 1979

239. Лютер М. О свободе христианина М: ARC 2013

240. Толстой Л. Соединение и перевод четырех Евангелий М:T8RUGRAM, 2017

241. Тойнби А. Постижение истории М: Айрис-пресс 2002

242. Саймонс Дж Карлейль М: Молодая гвардия 1981

243. Соловьев Е. Оливер Кромвель М: Республика 1994

244. Декарт Р. Рассуждения о методе СПб: АЗБУКА 2017

245. Кондорсе Ж. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума М: ЛИБРОКОМ 2011

246. Мельников С. Введение в философию Аристотеля. Rosebud Publishing 2018

247. Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход. Едиториал УРСС 2002

248. Заиченко Г. А. Локк Изд: Мысль 1988

249. Платон и его эпоха. Статьи. Изд: Наука 1979

250. Альберт Эйнштейн. Цитаты и афоризмы. Изд: КоЛибри, Азбука — Аттикус, 2015

251. Фуко М. Археология знания Изд. Гуманитарная академия 2012

252. Беляев В. А. Лейбниц и Спиноза Изд: Наука 2007

253. Бэкон Ф. Новый органон Изд: Рипол Классик 2018

254. Юм Д. О человеческой природе Изд: Азбука 2017

255. Беркли Дж. Трактат о принципах человеческого знания Изд: Академический Проект, Мир 2016

256. Фишер К. История новой философии. Фихте. Издательство Русского Христианского гуманитарного института 2004
257. Лауэ М. История физики Гостехиздат 1956
258. Коников И. А. Материализм спинозы Наука 1971
259. Кравчук А. Перикл и Аспазия Наука 1991
260. Кант И. Критика практического разума Эксмо, 2015
261. Кант И. Критика чистого разума Эксмо 2015
262. Фуко М. История безумия в классическую эпоху
263. Лосев А., Тахо-Годи А., Аристотель. Молодая гвардия, 2014
264. Кун Т. Структура научных революций М: Аст, 2009
265. Эйнштейн А. Цитаты и афоризмы М: КоЛибри 2015

Лейла Хугаева

Теория психической энергии вместо Социологии и Психологии

Тождество народного и научного суверенитета

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero